

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 39

ПЕРМЬ • 2026

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 39

ПЕРМЬ • 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)64я54
Л55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаёт
Пермское региональное отделение общероссийской общественной
организации «Союз писателей России» при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проекта
«Пермская библиотека» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (<https://mk.permkrai.ru/>).

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. А. Богомолов
Отдел поэзии — Н. Н. Глумов
Отдел прозы — М. К. Дуленцов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л55 **Литературная Пермь** : альманах. — Пермь : Литератор Прикамья,
2026. — 134 с. — (вып. 39).

ISBN 978-5-6052610-8-7.

В оформлении альманаха использованы работы народного мастера
Пермского края по художественной керамике, члена творческого
объединения «Художники Пармы», художника-керамиста **Ивана
Ивановича КАНЮКОВА** и народного мастера Пермского края,
художника-керамиста **Ивана КАНЮКОВА-младшего**.

ISBN 978-5-6052610-8-7

© Пермское региональное
отделение Союза писателей
России, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

9 мая 2026 г. — 81-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Год единства народов России

Игорь ТЮЛЕНЕВ. МЧИТСЯ В ПОЛЕ НЕСМЕТНАЯ СИЛА. Стихи 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

9 мая 2026 г. — 81-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Год единства народов России

Надежда ВЕРШИННИНА. ПТИЦА СИЛЬНА КРЫЛОМ,
А ЧЕЛОВЕК — ДРУЖБОЙ. Статья-воспоминание 8

ВРЕМЯ

9 мая 2026 г. — 81-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Николай БАШМАКОВ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ. Рассказ 20

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Год единства народов России

Надежда МАЛЫЦЕВА. СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ
И ПРОЗА КОМИ-ПЕРМЯКОВ. Статья 33

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Игорь ТЮЛЕНЕВ. РАСТОПИЛА НЕБЕСА ЗАРЯ. Стихи 11

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Год единства народов России

Анна ИСТОМИНА. ДАВНЫМ-ДАВНО
В РОДИТЕЛЬСКОЙ ТИШИ... Стихи 36

Елена КОНЬШИНА. ПЕСНЮ МАТЕРИНСКУЮ
Я В ДОРОГЕ СЛЫШУ... Стихи 39

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Александр АБДУЛАЕВ. МАНЖЕРОК. Рассказ 42

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ПЕРМСКАЯ БУКА

Год единства народов России

Любовь БОТАЛОВА. НЕВЕЗУЧАЯ. Рассказ 67

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Николай ГЛУМОВ. ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ СТИХОВ
ПРЕД ХОЗЯЙКОЮ ДОМА. Стихи 59

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Год единства народов России

Виктор РЫЧКОВ. ВСЕ МГНОВЕНИЯ ЛУЧШИЕ
ЗДЕСЬ ПРОНЕСЛИСЬ. Стихи 64

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ПЕРМСКАЯ БУКА

Год единства народов России

Любовь КОСОВА-СТАРЦЕВА. ГОЛУБОК ВОРКУЕТ С КРЫШИ. Стихи	70
Ирина ДУЛЬЦЕВА. ЕДУ В ДАЛЬНИЕ Я ДАЛИ! Стихи	73

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ЗЕМЛЯ

Год единства народов России

Михаил МАРТЫНОВ. ЛЕБЕДЬ. Рассказ	78
Алексей ГАЛУЗИН. ПРЕДАТЕЛЬ. Рассказ	81
Вера МЕЛЕХИНА. НА МУХЕ НЕ ЖЕНЫТСЯ... Притча	82

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ПЕРМСКАЯ БУКА

Год единства народов России

Надежда МАЛЬЦЕВА. ВАСИЛИСА. Рассказ	84
-------------------------------------	----

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

К 90-летию В. И. Лихоносова

Надежда ВЕРШИНИНА. ВСТРЕЧИ НА ПАРАДНОЙ УЛИЦЕ КРАСНОДАРА. Заметки	92
<i>К 200-летию И. С. Тургенева</i> Виктор ЛИХОНОСОВ. ДАРОВАНО ГОСПОДОМ. Статья	93

ЛЕДОКОЛ ВРЕМЕНИ

Игорь КАРНАУХОВ. «ГДЕ Я ПЕЛ И ГОРЕ МЫКАЛ». Выставка в Перми о первом сроке Шаламова. Заметка	98
---	----

ПОЭЗИЯ

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ. ВРЕМЯ

Год единства народов России

Надежда ФЕДОСЕЕВА. ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи	87
Людмила НИКИТИНА (БАТИНА). ЖИЗНИ ПУТЬ ЗАБВЕНЬЕМ НЕ ЗАРОС. Стихи	90
Алексей ГАЛУЗИН. КОГДА БУШУЕТ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН. Стихи	100
Екатерина УЖЕГОВА. ВСЁ ОСТАНЕТСЯ ПРЕЖНИМ. Стихи	103
Галина ФЕДОСЕЕВА. ТВОРИТЕ ДОБРОТУ. Стихи	106

ДРАМАТУРГИЯ

ВРЕМЯ

Сергей ТЕЛЕВНОЙ. ОТВЕТКА СУДЬБЫ. Пьеса	107
--	-----

Игорь ТЮЛЕНЕВ

МЧИТСЯ В ПОЛЕ НЕСМЕТНАЯ СИЛА. Стихи

БИТВА ЗА МОСКВУ

Мчится в поле несметная сила.
Рвёт зубами Пегас удила.
Под Москвою спасает Россия
Золотые свои купола!

Враг не страшен могучей Сибири,
Потому что Урал с Ермаком
Приобшили к московской Псалтыри...
Вновь Москва призвала с багажом.

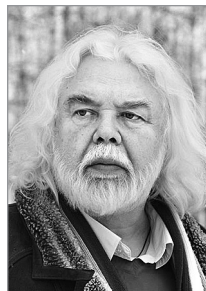
А багаж мой — винтовка да скатка,
И всемирная русская злость!
Не пилотка, а русская шапка,
Чтоб не выстудил лоб мороз.

Мировые, заткнитесь, столицы!
Насажу языкастых на гвоздь!
Вы проспали войска и границы.
Что ж вам, дурни, так «сладко» спалось?

Не мешайте, Европы зеваки!
Мы встаём, как леса из снегов.
Наше мужество вплавлено в танки,
Твёрдость духа — в простых мужиков.

Вспомнят внуки не поздно, не рано,
Сталинград вместе с Курской дугой!
Не фельдмаршала Гудериана —
Вспомнят Жукова здесь под Москвой.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском Нытвенского района ныне Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве — «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/России (1989). Секретарь правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в том числе международных. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

ТОБОЛЬСКИЙ АНГЕЛ

От солнца Сибирь пожелтела.
Сентябрь! Прямо в центре стою
Сибири! Какое вам дело?
Я здесь, словно ангел в раю!

Где Ангел Тобольский на круче
Возносится над Иртышом!
А люди, сбежав от толкучки,
Застыли под белым крылом.

В душе зарождается песня,
А в сердце — родные слова,
И там от восторга им тесно!
У них на Сибирь есть права.

До Тихого океана
Бегут, спотыкаясь с тех пор.
И реки петлёю аркана
Набросил Ермак на простор!

Вдали Чусовая и Кама
От солнца тягучи, как воск...
И Ангел Тобольский у храма
Хранит для России Тобольск.

8 декабря 2025 года в Центральном Доме литераторов в Москве
Игорь Тюленев и Николай Иванов на XVIII съезде Союза писателей России

Часть 1

ПТИЦА СИЛЬНА КРЫЛОМ, А ЧЕЛОВЕК — ДРУЖБОЙ.

Статья-воспоминание

Смысл этой татарской пословицы мне передала одноклассница Римма Сафина, когда мы делали уроки у них дома. Тётя Неля, разговаривая на кухне со старшим сыном Марселем, вдруг чётко произнесла эту фразу на своём языке.

Давно это было, в посёлке Первомайском близ Кунгура. Низкое, болотистое место в окружении хвойного леса и с протекающей рядом речкой Иренью. Уличная равнина с застройкой избушками-домами стала почти навек семейным гнездом для детей победителей в Великой Отечественной войне.

Фронтвик Васим Сафин, родом из татарского села Чайка под Уинском, на выделенной земле построил дом для семьи. В соседях — Мухаровы, Шерниязовы, Абдуловы. На берегу Ирени первым заселился в 1949 году сплавщик леса Геният. Его род закрепился в посёлке семьями Гумаровых.

Известно, что татарин предпочитает жизнь осёдлую: возводит дом, на участке намечает сад-огород. По традиции, мусульмане разводят гусей для питания и пуха, — вода рядом.

Окна Сафиных «смотрели» через дорогу по улице на невысокий аккуратный домик Подшиваловых. Василий Никандрович был на фронте ранен осколком снаряда, комиссован, но осколок в лёгком так и мучил его всю жизнь. Ходил на работу в город, как и все поселковские. Соседи помогали в заготовке дров. Сафины — отец и сыновья Марсель и Альфред, их друг Галимзян Гумаров, — всегда были на подхвате. Младшую дочку Лиду, нашу с Риммой ровесницу, оставляла иногда у себя ночевать тётя Неля.

Лидия Васильевна как-то поделилась со мной:

— У них и перина, и подушки — пуховые, так мягко и тепло. Когда проснулись, долго хохотали. Жгуче-чёрные волосы в косичках Римки покрылись пушинками. На моих светлых кудряшках-то пушинки незаметны.

Вспоминала она и про угощение красными, жёлтыми помидорами, вкусной тушёной гусятинкой и ароматным чаем с картофельными шаньгами.

Надежда Константиновна ВЕРШИНИНА родилась в Кунгуре. Окончила Пермский государственный университет по специальности «филолог». Преподаватель русского языка и литературы. Публикации статей, очерков — в муниципальных и краевых СМИ с 1976 года, в газете «Пермский писатель», в альманахе «Литературная Пермь», в журнале «Великороссь», в альманахе «Камская пристань». Исследование «Родословная писателя В. П. Астафьева» напечатано в Красноярске (2009). Изданы книги «Союз сильных духом», «Расскажу о себе сам» (В. П. Астафьев). Соавтор справочника «Личность в истории Лысьвенского округа». Дипломант Всероссийского конкурса литературного творчества «СТИХИЯ Пегаса» (Оренбург, 2021). Награждена знаком Министерства образования «Отличник профессионально-технического образования Российской Федерации». Член Пермской краевой общественной организации Союза писателей России (2020). Живёт в Перми.

Переселенцами-новосёлами были в основном крымские татары и жители близлежащих сёл и деревень. Вместе с домашним скarbом они привозили пчелиные ульи, домашнюю живность.

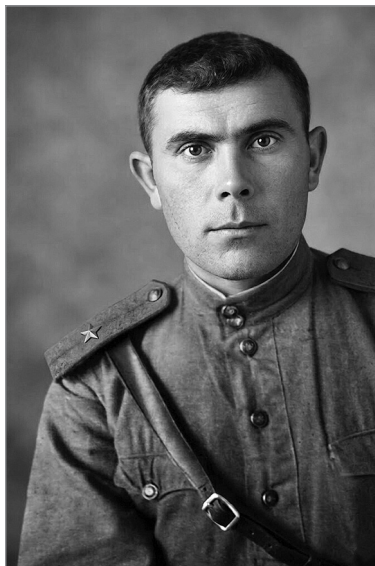
Так обживались после демобилизации с фронта и мои родители: папа, старший лейтенант, и мама, сержант медицинской службы. Жильём сначала была избушка-временка. Выживали после войны все одинаково сложно — выручала картошка, хлеб и дешёвая селёдка. Добычей пропитания были охота на дичь, рыбалка. Деревенским чутьём определяли люди в лесу грибные и ягодные места, в поле находили шавель, дикий лук, чеснок, лечебный можжевельник.

Мой отец-шофёр был и уполномоченным по проверке паспортного режима, так выявлялись бездельники. Раньше в документе личности записывали место работы и, отменённую в годы правления Бориса Николаевича Ельцина, национальность.

Третья часть первомайцев были нацменами — это сокращение выражения «национальные меньшинства»: татары, башкиры и другие малые народы.

Люди жили в тесном соседстве, по сути, как в спальном микрорайоне, — работа и повседневные заботы. Семьи разрастались детьми — обычно три-пять человек, а много, это когда «восьмёрка» ребят. Всех «обошли» башкиры Султановы числом «одиннадцать», вырастив и мальчиков, и девочек. Свадебные обычаи с богатым застольем для родни соблюдались в татарских деревнях. Смешанные браки были редкостью и, чаще, недолгими. У Риммы Сафиной, вечной отличницы, установка была на мужа-мусульманина.

Жители посёлка «разглядели» друг друга в 1951 году, когда заработал продуктовый магазин. В ожидании привоза хлеба выстраивалась очередь из взрослых и детей. Белый или чёрный хлеб продавался по норме в одни руки. Мужчины-фронтовики выделялись

Родители автора статьи — Фефиловы Константин Филаретович и Екатерина Павловна (медаль «За боевые заслуги»). 1945 г.

внешне: потёртые гимнастёрки и брюки галифе, солдатские сапоги. Разная речь превращалась в многонациональный язык. У нацменов «исэнмесез», «рахмэт», а по-русски — «здравствуйте», «спасибо». И по ситуации разбирались, что дедушка в коротких сапогах с заправленными в них штанами и в тюбетейке — бабай. Женщины носили расправленный на спине платок, с завязанными уголками под лицом. В памяти — картинный наряд стройной замужней соседки. Из-под головного платка у неё виднелись косы с вплетёнными звенящими подвесками. Платье и длинные штаны были одного цвета.

Открытие русской школы N 17, как очага культуры и обучения, было долгожданным событием. Приезжая семейная вдова фронтовика, учительница Е. В. Тархова за десятки лет стала легендой посёлка. Жители приняли грамотную женщину как друга, наставника.

Шесть десятков учеников распределили на первые-вторые и третьи-четвёртые классы. Е. В. Тархова всегда была на виду и учила главному — любить природу и человека.

На встрече с ровесниками (75+) на малой родине в памяти у нас — доброжелательность соседей, взаимопомощь.

— Твоя мама — медсестра, — обращаясь ко мне, поясняла Хакима Михайдарова, — по моей просьбе снимала уколom сердечный приступ брата Хавартына. Жили мы очень бедно, особенно когда умер отец Фазыл, — продолжила воспоминания Хакима. — Он воевал, был в плену. А родители Риммы Сафиной как-то свозили нас, школьниц, в Чайку на татарский праздник сабантуй, на котором я побывала впервые.

Каждая весна для жителей — это ожидание наводнения. Коварная Ирень выходила из берегов, и вода заливала дома до окон. Мои приятельницы оживились, рассказывая, как спасали с братьями на лодках людей и животных, подвозили хлеб и питьевую воду...

Родным причалом навсегда осталась для нас Первомайка на Ирени. В памяти школьных друзей — родительские семьи, тайны юности и разговоры по душам. И в зрелом возрасте доверяем друг другу, понимаем и принимаем сложившуюся жизнь. И в любую минуту готовы прийти на помощь.

Игорь ТЮЛЕНЕВ (об авторе см. с. 5)

РАСТОПИЛА НЕБЕСА ЗАРЯ. Стихи

В НОВОМ ДОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ (на ул. Монастырской, 96)

Сию, пишу среди друзей:
Василий, Толя, Алексей!

Я за столом — они на стенке,
По стенке в праздничной шеренге

Могут ходить и не ходить,
Жаль, водку им уже не пить!

Дев не таскать на раскладушку,
В лесную заманив избушку.

Пусть это не хухры-мухры,
Зато спасало от хандры.

Без них Россия пропадёт?
Не думаю... Идёт вперёд

Народ безбашенной страны.
На карте изображены,

Как звёзды на груди солдат,
И каждый вам читатель рад!

Жаль недоступно лишь одно —
Стихи писать вам не дано...

Тот, кто приходит в Дом поэтов,
Пусть учится у наших мэтров!

Мусоля школьные тетрадки,
Найдут своей судьбы разгадки.

Друг другу вслух стихи читают,
Как шишки кедра созревают!

Созревших соберёт Урал,
Глаголом бьющий наповал!

ВЕТЕР

Осень. Ветер сквозь рошу засвишет,
Как в губную гармошку артист.

Разметав на пригорке стожище —
Никого, ничего не шадит!

Зря тревожишь небесные своды
И крестьянские простыни рвёшь.
У души не отнимешь свободы.
Русь за море не унесёшь.

* * *

Бежит команда голоштанная
Вдаль по упавшему дождю.
Заборов графика кустарная
Полошет тень свою в пруду.

А впереди стена из молний
Стоит, как огненный собор.
И где здесь горный мир и дольный —
Не различает рыбнадзор.

Который в мокрой плащ-палатке
Причалит к берегу баркас,
И волны, как меха трёхрядки,
Играют музыку для нас.

ПЕРЕВОЗЧИК

Ну сколько по миру скитаться,
Ковры словесные плести?
Пора до Родины добраться,
Пора машину завести...

Там берега венчают срубы,
Как соплеменники мои
Зимой, завёрнутые в шубы,
Шатаясь с дымом из трубы.

Там с права берега на левый
Кричишь, когда растает лёд,
Что перевозчик одурелый
Домой в тот час перевезёт!

Заметишь — вёсла-то сухие,
Хотя под вёслами вода...
Эй, водогрёбщик, мне в Россию!
— В Россию! — Больше никуда?..

Он подозрителен и мутен,
Его лицо не помню я.

А наш посёлок малолюден —
Такие скудные края...

Тут я, как водится, проснулся
(оставив мысли взаперти).
Не смог на Родину вернуться!
Не смог машину завести!

ФИНСКИЙ НОЖ

Отец мой погранцом корёжил финнов
У западных границ СССР!
В Карелии озёрный интерьер —
Кувшинки там огромное кувшинов.
Пришла пора! Домой на пароходе
Вернулся папа крепок и пригож.
У пьяного от дембельской свободы —
В столице отобрали финский нож!
Родился я! И вот по той же Каме
Мы плыли с папой из Перми в Москву,
Я в пионерском галстуке, в панаме,
Подверженный мечтам и озорству.
Мы слишком мало с папой говорили,
Просторами родной страны дыша!
А лопасти ритмично воду рыли,
Толкали пароход, в Москву спеша!
А папа? Он за мамой вслед ушёл.
С ним об Отчизне не договорили.
Хотя Россию-Родину любили...
А финский нож мне заменил глагол!

* * *

Гостиница на Пляс Пегаль в Париже.
Консьержка-негритянка в семь пудов.
И пальцы у неё как пассатижи,
И полон толстый рот французских слов!

А рядом Мулен Руж и всё такое...
Хозяин той гостиницы — араб!
Исполнят вам желание любое
Под Божоле или люля-кебаб!

Но эти камни мне людей дороже,
Что жили здесь иль кто ещё живёт.
Быть может, ошибаюсь я, быть может,
В обратном нас никто не переверёт!

Сегодня вечный город вдохновенья
Литературой вбитый в нас — не тот...
И слышу я, как под баранов бляенье
Париж по Сене в Азию плывёт!

* * *

Я о Донбассе не писал,
Чего-то не хватало...
Но тут позвали. Вот вокзал!
А жить начнём сначала.

Всё это русская земля,
Счёт бомб идёт по ямам.
Мы в них врагов загоним — зля
Четырёхстопным ямбом!

Гекзаметром не описать,
Как русский бьётся с русским!
Потеряны Фита и Ять!
Что Ять? Малыш на мушке...

ВСТРЕЧА

Плыла, асфальта не касаясь,
В сопровождении небес.
И может быть, в душе решая —
Кто я — герой или подлец!

Плыла, словно в театре лебедь,
Лебёдушка скорей всего!
А вслед рты разевала челядь,
Конечно, было от чего!

Затмила молнию и солнце
Своей беспечной красотой!
Как амазонка — македонца,
Разбив лицо ему камчой!

А я стоял в недоуменье,
Поверить всё ещё не мог...
Моё сознание тюленьё
Скакало с пятки на носок!

В груди штормило! Завихренье
Я сдерживать уже не мог!
Я слышал ангельское пенье
Я понимал их русский слог!

Вот подбежала! Мы обнялись!
 Друг друга языки нашли!
 Мы час прилюдно целовались,
 И люди улыбаясь шли...

ПОВОРОТ

*А даль видна до поворота,
 А кажется, что до конца.*
 П. Васильева

Мелькало много по бокам прохожих,
 Идущих в неизвестное за мной.
 На вид прозрачных или толстокожих,
 Гудящих, как в дупле пчелиный рой!

Я наблюдал мыслительные лица
 И в Третьяковке, и в лесной глуши,
 На лесосеке, сплаве и в больнице
 Я выбирал их для своей души!

Мне кажется, что нас околдовали.
 За поворотом позабыл что знал...
 Наверное, они меня кричали,
 Не знаящие, что я их потерял.

ЗЕЛЁНЫЕ ВОРОТА

Молчат зелёные ворота,
 За ними — райские сады.
 Как мне туда попасть охота!
 Любовь,пусти и проведи?

Пройдём вблизи от сладострастья
 И незамеченных потерь...
 Я приношу тебе несчастья? —
 Ты мне не веришь? И не верь!

Мы плыли в золотом тумане —
 Такой не встретишь у реки.
 Окутаны и осияны,
 К нам пробивались лишь стихи

Сквозь золотое наваждение
 И запах городских цветов...
 Мне слов хватает для сражений,
 А для любви так мало слов!

Скрипят несмазанные петли,
Вот-вот захлопнется рассвет...
На твой вопрос я не ответил,
И ты тогда сказала: «Нет!»

Гремят зелёные ворота,
Скрывая райские сады...
Из рая в окна смотрит кто-то —
Быть может, оба — я и ты?

ОСА

Ветвь рябины мёрзлой обломил,
С гроздью чуть осу не проглотил —
Умерла от холода без стопки!
Я осу как пулю опустил
В боковой карман своей штормовки.

В дом вошёл, где в это время жил,
Где стихи писал и печь топил,
И осу без всяких проволочек
На стихи под лампу положил.
Ожила... и поползла меж строчек.

Значит, миру явлен я не зря,
Растопила небеса заря,
Появился у меня читатель.
Он читает между строк, как я,
Побывав за гранью бытия,
На двоих у нас один Создатель!

В ДОМЕ РОСТОВЫХ

Дом Ростовых десять лет назад.
Я Москве свои читаю вирши.
Новый сборник мой столичный вышел!
Вот уже заполнен первый ряд.

Полон зал — друзья и не друзья.
Над башкою барская лепнина,
Но в душе крестьянская картина —
Сруб сосновый, предков образа!

Говорят, что здесь Есенин был,
Маяковский, Блок, ещё Булгаков.
Тут полно, товарищ, тайных знаков,
Что поэтов возбуждали пыл.

Всё смешалось в Доме — Боже мой!
Не случайно вспыхнет эта фраза.

Дом Ростовых — это не турбаза,
И не цех для шубок меховой...

Говорят: «Не стойте под стрелой!» —
Если в небе караван тоннажа...
До сих пор вбегает в Дом Наташа!
Первый бал назначил здесь Толстой.

Вот и я в сей Дом был приглашён,
Чтоб стихи читать медвежьим басом!
Руки разбросав как в стиле брассом,
По Москве плыву среди имён.

* * *

Мама! Мама, что со мной? —
Я тебя уже не слышу.
Неба полог голубой
Кто-то натянул на крышу!

Как Обломов, сутки сплю
Да ещё поспать мечтаю,
Русской ленью я дышу
Вспомнив детство — пропадаю!

Вот уж в космосе душа —
Межпланетная подложка!
У дождя, как у ежа,
Очень колкая походка.

Я февральскую свечу
В храме матушке поставлю...
Помолюсь и помолчу,
Душу распахнув как ставни!

АЭРОБУС МОСКВА — ПАРИЖ

Здесь стюардессу звать Стефани —
Не Степанидой, мать ети!
Коль выпивка в твоём стакане —
Любой другой питок нишкни!

Тот — мироед, та — глазки узки,
Араба мать, япономать...
Все разговляют по-французски.
Мне тоже есть что им сказать.

Увы, не понимают, черти,
Любимой Родины глагол?

Вы мне хоть верьте, хоть не верьте —
Болтал по-русски лишь монгол!

Мы с ним о лошадях и травах,
О чингизидах и орде...
Он в кресле от меня был справа,
А слева молнии в окне!

И Степанида, стюардесса,
Улыбкой портила мне кровь!
Смушала русского балбеса.
Сама по-русски ни бельмеса —
Хотя глазам не нужно слов!

* * *

Я в «пятом» Каму переплыл,
Грёб рядом в лодке Юрка,
Чтоб судорогой темп не сбил
Придонный ключик юркий.

А на реке скрипят плоты,
Колёсные буксиры.
И мать-планета впереди
Звенит строкой Псалтыри.

Мне нужно переплыть успеть
До барж и пароходов...
Жаль, чайки не умеют петь —
Не певчая порода.

Волна плеснёт через волну,
Чтоб взять пловца за руку,
Поближе подтолкнуть к челну,
Словно сома иль шуку.

Я Каму в «пятом» переплыл,
Хоть Юрки был слабее.
Мне Юрка Каму уступил...
Жаль, утонул позднее.

ДЕРЕВЯННЫЙ КОНЬ

Ах ты, мать сыра-земля,
Тополя да клёны!
Деревянного коня
Я веду по склону.

У других-то лошадей
Цокают копыта!

Мой в полозьях для саней
Вроде монолита.

Он не травяной мешок
И не любит клевер.
Он не чувствует шелчок
Веток от деревьев.

Я же лошадей люблю,
Словно птица ветер!
Вырасту — коня куплю
И пшеницы центнер!

В стойле пусть себе жуёт
Золотые зёрна.
В скачке конь не подведёт,
Победит, бесспорно!

Наша воля без конца.
Глубина без края!
А конёк мой на мальчика
Смотрит, оживая.

Николай БАШМАКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ. Рассказ

На любой войне есть свои неизвестные герои. По разным причинам слава обошла их стороной, но они тоже достойны народной памяти...

— Тихий, едрит твою налево, ты заснул, что ли?! — возмущённо кричал сержант Епишев с позывным Рыбак. — Заткни ты эту БМП, голову поднять не даёт!

Боец с позывным Тихий, флегматик по натуре, тщательно целил гранатомётом, но не стрелял. Не то чтобы испугался, в азарте боя испуг быстро прошёл, он выжидал, когда боевая машина повернётся боком. Оставалась последняя граната, и ему хотелось попасть наверняка. Иначе придётся бежать под пулёмётным огнём за новым боекомплектком. Ему повезло: вражеская машина ещё советского производства, обходя какую-то яму, резко отвернула вправо и подставила борт. Тихий немедленно произвёл выстрел, и БМП, захлебнувшись на полном ходу, выбросила облако дыма и встала.

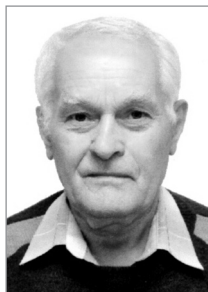
— Молодец! — тотчас похвалил его сержант. — Всади ещё одну, чтобы не оклемалась!

— Не могу, гранаты кончились! — ответил солдат, отбросил гранатомёт и, схватив автомат, принялся короткими очередями поливать залёгшую пехоту противника.

Наблюдавшие гибель своей БМП украинские пехотинцы не выдержали плотного огня первого взвода и принялись беспорядочно отходить. Следом за ними повернули назад и боевики, наседавшие на второй взвод.

— А-а-а, не нравится! Побежали... «укропы»*! — кричал вдогонку Рыбак. — Добавь огоньку, Тихий! Медаль ты уже заработал, на орден накручивай!

Внезапная утренняя атака была отбита. Временно исполняющий обязанности командира роты лейтенант Смирнов, с позывным Сибиряк, бежал по позициям роты и оценивал последствия. По-мальчишески худой, высокий и стройный, он с трудом носил на себе всю экипировку современного бойца. Можно было и не бежать,

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972) и Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер, полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор восьми книг прозы. Публикуется в российских и белорусских газетах и журналах и на интернет-сайтах. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017).

* Политически окрашенное наименование украинцев, распространённое в социальных сетях, блогах и бытовой речи. Так называют людей, поддерживающих майдан, новую власть, безоговорочную ориентацию страны на Запад, участников боевых действий на востоке Украины на стороне официальных украинских властей.

но поджигало время. Предстоял доклад комбату, а тот терпеть не мог, когда командиры не владели полной информацией о своём подразделении.

Смирнов командовал ротой два дня. Во время миномётного обстрела ротного сильно зацепило. Укры применили какие-то польские миномёты, мины которых летят без характерного воя. В результате двое убитых и четверо раненых, в том числе и командир роты. Перед отправкой в госпиталь ротный передал командование ему, три месяца назад окончившему военное училище. Комбат с мнением капитана согласился, хотя в роте был более опытный командир взвода, воевавший с самого начала операции. Теперь лейтенант Крюков (позывной Крюк) смотрит на молодого «выскачку» косо. Именно он рассчитывал на повышение в должности. А Смирнову приходится оправдывать «высокое доверие». Не за красивую же мордашку и приятный, не свойственный молодым ребятам басок назначили его командовать ротой.

Забегав в расположение своего первого взвода, в котором теперь хозяйничал заместитель, запыхавшийся от быстрого бега лейтенант торопливо спросил:

— Как у тебя, Епишев?

Сержант кивнул на подбитую боевую машину пехоты:

— Нормально, товарищ лейтенант! У «укропов» подбита БМП и семь «двухсотых». Отличился гранатомётчик Новосёлов, позывной Тихий. У нас трое «трёхсотых», один — ранен серьёзно. В остальном всё в порядке, самое время перекусить и немного передохнуть.

— Хорошо. Приводите всё в порядок, кормите людей, но не расслабляйтесь! Будьте готовы к повторной атаке.

— Это вряд ли, товарищ лейтенант. Мы им хорошо накостыляли... Думаю, сегодня они больше не сунутся.

Сержант сделал такой вывод, исходя из опыта предыдущих боёв. Он не мог знать, что в течение ночи обстановка резко изменилась. Не знал этого и лейтенант. К сентябрю 2022 года после третьей волны мобилизации украинская армия уже превосходила по численности российскую и накопила достаточно сил, чтобы не только сдерживать наступление российской армии, но и провести отвлекающий от Донецка контрудар. Западные союзники Украины к тому времени наладили снабжение частей украинской армии вооружением и техникой натовского производства. Особенно стали досажать русским дальнобойная артиллерия и ракетные системы. Чтобы избежать лишних потерь, чего постоянно требовал президент, высокое командование пошло по линии наименьшего сопротивления. Вместо того, чтобы рассредоточить, замаскировать и зарыть в землю оперативные резервы, оно отвело их за сто километров от линии соприкосновения, чем сильно ослабило передовую линию, особенно на харьковском направлении. Здесь, где у русских не было сплошной линии обороны, укронацисты совместно с наёмниками из западных стран и нанесли свой удар.

Вот потому, по вине полководцев, выросших в мирное время, привыкших руководить из тёплых кабинетов и ориентирующихся не на реальную обстановку, а на высшее начальство, события в этот день развивались совсем не так, как предполагалось и планирова-

лось. Комбат не затребовал к себе с докладом, как прежде, а вызвал Смирнова по рации:

— Сибиряк, как у тебя обстановка?

— Был накат противника до двух взводов. Атаку отбили. Пока всё спокойно. У меня пять «трёхсотых» и один «двухсотый»! Противник потерял БМП и семь человек убитыми. Раненых готовлю к эвакуации, личный состав пополняет боекомплект и завтракает!

Выслушав доклад, комбат огорошил ротного неожиданным приказом:

— Эвакуации не будет! «Укропы» прорвались в стыке между батальонами и ушли на восток в сторону границы. Мы фактически в окружении... Тебе приказ: занять круговую оборону и держаться до тех пор, пока не подойдут резервы! Выполняй немедленно! Всё!

Смирнов осмысливал ситуацию. Рота занимала оборону на левом фланге в лесистой местности. На их участке последние дни было относительно спокойно, но сейчас враг явно накатит. Не будет он держать у себя в тылу боеспособные подразделения русских. Надо подготовиться.

Лейтенант взял бинокль. В расположении противника просматривалась, как любит говорить Епишев, «движуха».

— Полиглот, — позвал он связиста. — Командиров взводов ко мне! Бегом! Чтобы через пять минут все были у меня!

Немного погодя прогноз подтвердился. Едва взводные убежали на позиции, противник начал миномётный обстрел. Следом рвануло несколько тяжёлых снарядов. Судя по всему, стреляли с закрытых огневых позиций танки. Били по всему ротному опорному пункту, не жалея ни мин, ни снарядов.

Наконец артподготовка стихла, и враг начал классическую атаку. Впереди двигались два танка, за ними в некотором отдалении диковинные, невиданные ранее бронетранспортёры, за которыми бежала в пешем порядке пехота.

«Как в Великую Отечественную атакуют, — подумал Смирнов. — Словно картинка из старых фильмов. Много, видно, сил накопили. Танки какие-то странные, на колёсах... Французские, что ли?»

— Товарищ лейтенант, а что это за кракозябры на нас прут? Я таких раньше не видел, — тихо спросил связист.

— Это я у тебя должен спросить. Ты же у нас — полиглот, — ответил Смирнов, явно намекая на не совсем удачно выбранный позывной связиста. — Натовская это техника! Теперь хохлы совместно со всей Европой на нас навалились!..

Он взял рацию и отдал распоряжение командирам взводов: «Говорит Сибиряк. Всем — к бою! Сосредоточьте огонь на танках!»

Бой протекал стремительно и закончился так же быстро, как и начался. Сначала из глубины нашей обороны ударила по наступающим миномётная батарея. Когда пехота залегла, первая линия ударила по танкам гранатомётами. Правый, получив две гранаты из ручного гранатомёта, встал и немного погодя начал отползать назад и вбок, видимо, у него были повреждены колёса. Левый, по которому попали «Фаготом», с оглушительным взрывом разлетелся на части. Судя по всему, прямое попадание в боекомплект. Сразу после этого взрыва боевые машины врага начали пятиться, и пехота повернула обратно.

Едва противник откатился на исходные позиции, Смирнова снова вызвал комбат. Он был сильно раздражён, его новый приказ отменял предыдущий:

— Сибиряк, резервов не будет! Получен приказ отходить. К десяти часам срочно выводите роту во главе с Крюковым в квадрат сорок два, тридцать семь, четыре... В полной готовности к совершению марша. Сам возьми ребят понадёжнее и прикрой отход батальона. Задержи «укропов» на полчаса, после догоняй нас. Всё, выполняй!

Лейтенант посмотрел на часы, потом на кодированную квадратами карту. Указанный квадрат был в самом начале протяжённого лесного массива, уходящего на восток. Не надо быть стратегом, чтобы понимать, что единственным маршрутом, по которому мог отходить и прорываться батальон с техникой, была просека вдоль линии электропередач.

Времени было совсем мало, но он успел своевременно отправить роту, не забыв загрузить погибших и раненых. С собой оставил БМП своего первого взвода и отделение бойцов во главе с Епишевым. Едва успел поставить им задачу, как противник начал новый обстрел. Такой мощный артналёт они переживали впервые. По позициям били не только миномёты, но и тяжёлая артиллерия. Противник фактически перепахал весь ротный опорный пункт. Лейтенант сидел в защищённом блиндаже, боялся прямого попадания и вместе с тем радовался тому, что рота своевременно ушла с позиции. Что бы осталось от неё, задержись она хотя бы на несколько минут?

Как только артналёт стих, Смирнов взял в руки гранатомёт и скомандовал группе прикрытия: «К бою!» Теперь помощи ждать было не от кого. Бой придётся вести без огневой поддержки... Даже их единственная БМП была выведена из строя прямым попаданием тяжёлого снаряда.

Батальон уже начал выдвижение в сторону границы, когда канонада позади стихла, немного погодя стих и стрелковый бой. Выдержав две стычки со случайными подразделениями противника, батальон благополучно вышел к своим, почти возле самой границы с Луганской Народной Республикой. Группа прикрытия их так и не догнала. Комбат доложил по команде о том, что арьергард, прикрывавший отход части, из боя не вышел. С этого момента все, кто остался в группе лейтенанта Смирнова, стали числиться без вести пропавшими.

Тихий очнулся и лежал, как и положено тихому, спокойно и мирно. Он с трудом вспоминал, что с ним произошло. Вспомнил, как подбил сначала БМП, а потом колёсный танк. Как сидел в передней траншее наблюдателем, когда совсем рядом разорвался снаряд. Сильная контузия раскалывала голову, руки и ноги были связаны какой-то верёвкой.

«В плен к «укропам», наверно, попал», — равнодушно, словно о ком-то постороннем, подумал он.

Услышав рядом непроизвольный тихий стон, с трудом повернулся на бок и встретился взглядом с лейтенантом Смирновым. Руки у того тоже были связаны, одежда испачкана кровью. Судя по всему, лейтенант был серьёзно ранен. Искушал все губы, чтобы не

показывать свою слабость и не стонать. Они лежали на дне пустого окопа, вырытого для БМП.

Смирнов, к своему стыду, напрочь забыл, как зовут бойца с позывным Тихий. Он так и не успел за два месяца всех подчинённых изучить досконально. Общались всё больше по позывным да по фамилиям. Новосёлов, кажется, фамилия этого солдата...

— Очнулся? — и, не дожидаясь ответа, лейтенант задал новый вопрос. — Тихий, тебя как зовут?

— Новосёлов я, Сергей...

Лейтенант, преодолевая боль, боясь, что раньше времени потеряет сознание или кто-то им помешает, принялся инструктировать подчинённого:

— Сергей, мы в плену... Ты притворись покорным. Делай всё, что они скажут, — и, переждав очередной парализующий приступ боли, добавил: — Сделай всё, чтобы выжить и рассказать, как геройски погибли ребята. Ты один остался, больше некому. Это тебе, Новосёлов, мой приказ!

Смирнов и Новосёлов были ровесниками. Только один учился в военном училище, а другой служил после «срочной» контрактником. Сергей остался в армии и подписал контракт, чтобы немного подзаработать, жениться и жить по-человечески. Из деревни, где он родился и где жили его родители, молодёжь разлеталась кто куда. Да и как иначе, коль единственное место работы — почти даром гнуть спину на лесопилке у местного кулака, которого по новым правилам власть именвала «предпринимателем». О войне он в то время как-то не думал.

Сергей удивился такому приказу командира и поинтересовался:

— А вы сами, товарищ лейтенант?

Лейтенант ответил, с трудом ворочая языком, силы его были на исходе:

— На меня надежда плохая... Умирать не хочется, но я уже не жилец. Мне кишки прострелили... без операции не выжить. А они вон даже своих «трёхсотых» не торопятся эвакуировать. Если жив останешься, расскажи всем... и маме моей расскажи...

Договорить они не успели. В окоп спустился, судя по всему, какой-то украинский командир, с ним три солдата. Все четверо были под «допингом»: или покурили что-то, или спиртного выпили в излишке и сейчас находились в состоянии эйфории. Как иначе, такая перемога выпала! Русские бежали от них как зайцы... Так и должны бегать москаль-ватники и колорады от «лучшего в Европе украинского войска».

Командир, рослый, с холёным, полным лицом, на котором отсутствовали черты интеллекта, но зато прекрасно просматривалась маска презрения и ненависть к пленным, явно был националистом. Хотя от современных бандеровцев отличался тем, что не имел татуировок, которые в изобилии кололи себе его коллеги из «Азова» и прочих националистических формирований.

Тихий, как многие не оторвавшиеся от природы деревенские люди, подобно кошкам или собакам, интуитивно улавливающим настроение своих хозяев, мог по одному брошенному человеком взгляду определить степень его агрессивности. В глазах этого человека читалась ненависть. Эту ненависть Тихий почувствовал всем своим существом и предположил, что перед ними матёрый последователь

Бандеры с Западной Украины, хотя именно этот впоследствии оказался уроженцем Винницкой области.

Бандеровец, в руках которого был пистолет какой-то иностранной системы, уже знал, кто перед ним лежит, и начал свой допрос с лейтенанта. Он заговорил голосом осипшего сифилитика-наркомана, и этот голос явно не вязался с его ростом, надменной физиономией и грозным обликом:

— Ну, кто ты такой, я знаю. Зараз будемо розмовляты на мове и побачимо, разумеешь ты або нет людской язык?

Лейтенант понимал, что провоцировать националиста нельзя, и, преодолевая боль, ответил спокойно, но тоже на «ты», как равному:

— Я сибиряк! Понимаю твой язык, но говорить на нём не умею.

Националист скорчил гримасу. Спокойный тон русского офицера не нравился ему. Не понравился и солидный басок молодого москаля, резко контрастировавший с его собственной сиплой речью. Он рассчитывал на то, что пленный будет трястись от страха и просить пощады, а тот пытается говорить с ним как с равным... А разговаривать с ним на русском — значит потерять всякое украинское достоинство. Потому необандеровец продолжал говорить на смеси слов из русского языка и заимствованных из западных стран, в первую очередь из Польши и Австрии, словечек, которые, собственно, и составляют основное отличие украинского языка от русского.

— Сибиряк? Ну, побачь мне, чого ты робишь на моей Украине, оккупант-сибиряк?

Слово «оккупант» задело лейтенанта, и он, стремясь не терять достоинства, заговорил твёрже:

— Я помогаю своим братьям на Донбассе. Они живут вместе и не делят друг друга на украинцев и русских... Они ведь и тебе братья, хоть ты и отказался от них.

Бандеровец начал терять терпение. Допрос шёл не по его плану, и это тоже ему не нравилось.

— Сепары они, а не братья! Украина це Европа, а воны в вашу лапотную Россию нацелились!.. Это ты, москаль, и все ваши орки — оккупанты! Мы вас давили и будемо давити, пока всех не передавим як клопов!..

— Так вы ополчились против русских ещё до войны. За что же к нам такая особая ненависть?

— А ни за што... Просто за то, шо вы москали и место ваше на гиляке!.. Теперь будешь кричати «Слава Украине!», пока не слохнешь! Будешь замаливати свои грехи...

— Нечего мне замаливать. Грехов пока не накопил...

Последователь Бандеры криво ухмыльнулся, обнажив нездоровые зубы, тоже не вязавшиеся с его холёным лицом:

— Твой главный грех — шо ты москалём родився, а я родився чоловиком!

Лейтенант понял: препираться с нацистом бесполезно. Силы покидали его, и он, осознавая, что расстаётся с жизнью, ответил тихо, но твёрдо:

— Да какой ты, на хрен, человек?! Был бы человеком, перевязал бы меня сначала. Мразь ты, возомнившая себя сверхчеловеком!..

Лицо бандеровца исказила гримаса ярости, рука, державшая пистолет, задрожала. Глумление над русским офицером вышло

из-под контроля. Он подскочил к лейтенанту и без раздумья выстрелил пленному в голову...

— Вот тебе, тварь, моя перевязка!..

После этого подскочил к Тихому. Разъярившись, он заговорил по-русски почти без акцента.

— Теперь твой черёд, москалюка! Видел, шо стало с твоим командыром?! Теперь ты кричи: «Слава Украине!»

Тихий всем телом почувствовал, что если не подчинится, бандеровец застрелит и его. Он негромко хриплым от испуга голосом произнёс:

— Слава Украине.

— Кричи громче, москаль! — бандеровец резко и сильно ткнул Тихому пистолетом в бок. — Кричи: «Слава Украине! Победа будет за нами!»

Тихий безропотно выполнил его требование:

— Слава Украине! — и сделав едва заметную паузу, громче и отчётливее добавил: — Победа будет за нами!

Нацист понял, что получилось что-то неправильное, но что получилось не так, понять не мог... На его лице обозначилось выражение озабоченности. Наконец его осенило, и он поправился:

— Не за вами, — он снова ткнул Тихому пистолетом в живот, — а за нами! — показал на себя. — Кричи ещё раз! Если ошибёшься, сразу пристрелю!

Тихий громко закричал: «Слава Украине! Победа будет за вами!» Для наглядности, чтобы тот не понял иначе, показал движением подбородка на мучителя.

— Теперь правильно. Кричи так, пока не охрипнешь, если кричать перестанешь — пристрелю!

Тихому развязали ноги. Теперь он стоял в центре окопа и непрерывно кричал бандеровский лозунг, а солдаты, его вчерашние славянские братья, расположившись вокруг, гоготали над испуганным пленным солдатом, отпускали шуточки по поводу «трусливых ватников», которые так боятся умирать, отвечивали пленному оплеухи или били под дых, если считали, что тот кричит не так громко, как надо.

Над Тихим глумились долго, пока не устали. Он выдержал первый этап укронацистского плена, и его не застрелили. Бесплатный цирк прекратил какой-то подошедший не то командир, не то советник. Он говорил на польском языке, но украинцы его понимали, называли «паном» и явно заискивали перед ним. В глазах «советника» Тихий не уловил какой-то ненависти, были лишь надменность и глубочайшее презрение «пана» к своим славянским холопам. «Советник» не стал допрашивать пленного и, показав на лейтенанта, что-то быстро заговорил на своём шипящем змеином языке. Бандеровец кивал головой и во всём с «паном» соглашался.

Чуть позже привели ещё двух пленных, их поймали в лесу. Тихий этих ребят не знал, они были из другой части. Бандеровец велел пленным собрать всех убитых русских и отрыть для них могилу. Сам с двумя охранниками наблюдал за их работой и поторапливал, размахивая и грозя пистолетом. Сентябрьское солнце хорошо грело, пленные исходили потом, а их противники, раздевшись по пояс, загорали, весело переговаривались и хохотали. Вот тут-то Тихий и разглядел у убийцы лейтенанта на левой стороне груди небольшую

наколку, в центре которой было выколото пронзённое стрелой сердечко и женское имя «Марія».

«Неужели такой фашист любить кого-то может? — изумился солдат. — Или у них это просто дань моде?»

Коренастый, немногословный, с обычным русским лицом, Сергей Новосёлов выглядел довольно невзрачно. Был из тех людей, которые не хватают звёзд с неба и довольствуются малым. Но мать и отец, простые сельские жители, сумели вложить в парня моральные устои, благодаря которым, собственно, и держится Русь. Чувство справедливости и совесть не были для него пустым звуком. Видимо, оттого в голове у него и возникали подобные «несовременные» вопросы, которые в принципе не могут зародиться в голове усреднённого европейского жителя. Как бы то ни было, но эта наковка крепко врезалась пареньку в память.

Когда братская могила была отрыта, пленные уложили в неё убитых товарищей, накрыли тела плащ-палатками и вылезли наверх, постоянно ожидая, что их тоже застрелят и бросят в ту же могилу. Но Бог на этот раз миловал. Они похоронили своих товарищей, после чего их погрузили в машину и отправили в украинский тыл.

Через год боец с позывным Тихий попал в списки по обмену пленными. После пересечения границы их автобусами повезли в центр реабилитации. Как только ему предоставили телефон, он тут же сообщил обо всём родителям. Новость переполошила их, они уже не ожидали увидеть сына живым.

В России он снова стал Сергеем Новосёловым. Несмотря на то что боец прошёл все круги ада укронацистского плена, был изрядно искалечен морально и не здоров физически, он выжил. Казалось бы, живи и радуйся! Но у человека с совестью не всегда так получается. У Сергея возник устойчивый комплекс вины перед соотечественниками. Его боевые товарищи погибли в бою, а он попал в плен и остался живой... Где бы он ни находился, с кем бы ни встречался, он чувствовал себя виноватым. Было ли так на самом деле, или виной тому была всего лишь его фантазия и излишняя мнительность, но ему постоянно чудился немой укор в глазах людей.

Сергей много думал о превратностях судьбы. Сержант Епишев обещал, что его представят к награждению медалью или даже орденом. Он верил: так оно и будет. А вместо награды — плен и гибель сослуживцев, свидетелей его скромного подвига. Мало того, теперь они сами числятся без вести пропавшими, и единственным свидетелем того, что они дрались с врагом героически, является он сам. Только это придавало ему силы, особенно во время бесед со следователями.

Со следователями ему пришлось беседовать много. Их было несколько. Они подробно расспрашивали об обстоятельствах, при которых Сергей попал в плен, о том, куда и как его перевозили, как и кто его допрашивал, об отношении к нему украинцев, о товарищах по плену, кто и как себя вёл в плену. Он добросовестно рассказывал обо всём, даже о таких эпизодах, которые ему самому вспоминать было стыдно. Особенно стыдился рассказывать о надругательствах, которые совершались над ним в украинском плену. Были моменты, и не раз, когда он проявлял малодушие. В плену ему очень хотелось выжить, а здесь — чтобы ему поверили.

Говорят: «Пути Господни неисповедимы!» Видимо, говорят не зря. Во время беседы с одним из следователей он опознал убийцу лейтенанта и своего мучителя. Следователь был хоть и молодой, но хваткий. Ему поручили проверить партию украинских пленных к очередному обмену — он выявлял среди них преступников. Делал это он вполне профессионально и добросовестно. Работал не только в интернете, но и подробно опрашивал своих солдат, вернувшихся из украинского плена. Показывал им фотографии пленённых украинских вояк: а вдруг где-то пересекались?

По фотографии Сергей и опознал «своего» бандеровца. За прошедший год тот сам угодил в плен. Теперь его готовили к очередному обмену. Нацистов украинский режим стремился обменять в первую очередь.

У следователя на этого представителя украинского воинства ничего не было. Перед ним предстал не последователь Бандеры с садистскими наклонностями, а человек, уродившийся в Винницкой области, которого насильно мобилизовали и заставили воевать в украинской армии... Прimitивный, лишённый творческой мысли мозг неонациста не мог изобрести ничего нового. Он придерживался общей методички, придуманной украинской пропагандой. Но хотя фактов против «насильно мобилизованного» не было, чем-то не нравился он молодому следователю. Уж больно вертлявый был у пленного взгляд, уж слишком неискренне тот говорил.

На очной ставке они сразу узнали друг друга. Лишь на мгновение в глазах бандеровца мелькнула лютая ненависть: «Жаль, не пристрелил я тебя тогда, москаль клятый!» А потом Сергей Новосёлов увидел перед собой до смерти перепуганного человека. Жалкое, с трясущимися руками и губами существо доказывало, торопясь, сбиваясь и путая слова, что его мобилизовали в армию насильно. Что он из автомата по русским никогда в жизни не стрелял, солдата, который сидит перед ним, видит впервые... Он был так напуган появлением живого свидетеля, что сразу вспомнил русский язык, на котором раньше говорить отказывался.

Из задумчивости Сергея вывел вопрос следователя:

— Вы подтверждаете, что это тот самый человек, который лично застрелил попавшего в плен лейтенанта Смирнова?

— Да, подтверждаю! Это он застрелил раненого лейтенанта!

Перепуганное существо с пеной у рта, путая русские и украинские слова, принялось убеждать следователя, что произошла ошибка... Свидетель явно перепутал его с кем-то другим...

У Сергея эта сцена вызвала чувство стыда и брезгливости. Не должен быть человек таким. «Прав был лейтенант: мразь, она и есть мразь... Матёрый бандеровец, а за шкуру свою трясётся как последняя тварь», — подумал Сергей, а вслух твёрдо произнёс: — Он это, товарищ следователь! Это он застрелил лейтенанта, а потом издевался надо мной. У него на левой стороне груди есть наковка — сердце, пронзённое стрелой, с женским именем «Мария»!..

Потом они ещё долго составляли протокол и беседовали со следователем о том, как проходил последний бой их первого взвода и что случилось после него.

— Мы похоронили ребят на опушке леса. Прямо на позиции нашего взвода. Это место я хорошо запомнил. Когда освободим, смогу показать конкретно. Они не без вести пропавшие и не дезертиры... Они все погибли в бою!..

— Вы помните всех, кого похоронили в братской могиле? — спросил следователь.

— Помню всех по фамилиям и позывным. Имена знаю только у четверых.

— Ну, это мы восстановим по спискам. Перечисляйте всех, кого вы похоронили, но без ошибок. Помните об ответственности. Мы обязательно будем делать эксгумацию и генетическую экспертизу всех убитых.

Он вспоминал и перечислял ребят, стараясь никого не пропустить:

— Лейтенант Алексей Смирнов, позывной Сибиряк; сержант Епишев, позывной Рыбак; ефрейтор Бахмутдинов, позывной Мусульманин; связист Миша Серёдкин с позывным Полиглот...

Когда закончили, следователь задал последний вопрос:

— Знаете ли вы что-то о тех ребятах, с которыми вы хоронили убитых?

— Вася Савушкин умер в плену. У него было воспаление лёгких, а в больницу его так и не отправили. Лёню Полякова обменяли вместе со мной, но увезли на другом автобусе. Где он сейчас, не знаю, но он мои показания может подтвердить.

В заключение разговора Сергей обратился к следователю с личной просьбой: узнать адрес матери лейтенанта Смирнова. Он должен рассказать ей, как погиб сын.

После показаний Сергея Новосёлова на бандеровца завели уголовное дело, и вместо обмена тот угодил под суд. Сергею хотелось верить, что убийца и мучитель получит по заслугам. Хотя лояльные к врагам законы России, которыми так гордится правящая элита, вызывали в душе солдата сомнение. Сплошь получалось так, что хищники, собравшиеся истребить российский люд только за то, что он проживает в России, убивать могут!.. А самих хищников закон убивать запрещает! А ведь они, отсидев срок, обязательно продолжат своё чёрное дело и станут готовить потом новую смену своих последователей. В истории страны амнистия бандеровцам-людоедам однажды уже была.

После реабилитации Сергей перед убытием в свою часть получил краткосрочный отпуск и, повидавшись пару дней с родителями, поехал к матери лейтенанта.

Лидия Петровна Смирнова проживала в небольшом городке Тюменской области, в доме советской постройки, в маленькой двухкомнатной квартире. Работала заведующей детским садом. Получив от сослуживцев известие о том, что сын пропал без вести, она категорически отказывалась верить в плохое. В закоулках её души жила надежда: «Пропал без вести — не значит погиб!» Она осталась с сыном одна, едва тому исполнился год. Её избранник загулял и, немного погодя, ушёл к другой женщине. Предательство мужа так на неё подействовало, что повторно испытывать судьбу она не захотела.

Всю свою любовь вкладывала в сынишку и постоянно боялась потерять его. В детстве переживала, чтобы не заболел, не попал под машину, не связался с дурной компанией... Позднее — чтобы не увела какая-нибудь не достойная сына девушка. Когда учился в военном училище — переживала, чтобы не было войны... И вот война пришла, и сын пропал без вести. Теперь её пугала неопределённость и отсутствие от сына вестей.

Когда увидела на лестничной площадке незнакомого паренька в военной форме, её сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

— Что с Алёшей, он погиб? — спросила она, едва тот представился.

Сергей встретился взглядом с довольно моложавой, симпатичной женщиной, смотревшей на него вопросительно и вместе с тем с некоторой надеждой... Этим взглядом она напомнила ему мать. Видимо, все матери, переживающие за своих воюющих сыновей, чем-то похожи.

Он молча отвёл взгляд и опустил голову. Как неприятно приносить худую весть людям. Лучше бы сам остался в той братской могиле...

По его реакции Лидия Петровна без слов поняла, что самое плохое всё-таки случилось. Глаза у неё заволокло туманом, куда-то подевались энергия и силы... Она оцепенела. Сын, который должен был скрасить её старость, от которого она надеялась дожидаться внуков, уже никогда не вернётся... Её душу обожгло сожаление: не сумела уберечь своего единственного ребёнка...

Когда временная слабость отступила, она взяла себя в руки, завела Сергея в квартиру, усадила за стол и попросила рассказать всё, что тот знал. Сергей честно и подробно рассказал о том, как её сын командовал ротой, когда они отбивали атаки укронацистов, как его, смертельно раненного, связали и бросили на дно окопа. Об обстоятельствах допроса и гибели ротного рассказывал с трудом, боялся неосторожным словом ещё сильнее ранить женщину. Она слушала его внимательно, лишь изредка, когда он смущался и запинаясь, просила:

— Говорите, как было на самом деле!

Когда он начал рассказывать, как хоронили погибших, Лидия Петровна не выдержала, вскочила с места, быстро отошла к окну и застыла в безмолвной позе. Сергей замолчал. По тому, как изредка вздрагивали плечи женщины, понял — она беззвучно плачет.

У него перехватило дыхание. Ему было безумно жаль её. Вот так, наверно, плакала его собственная мама, когда получила известие о том, что сын пропал без вести. Из его глаз тоже непроизвольно полились слёзы...

А Лидия Петровна прощалась с надеждой, которая всё это время жила в её душе. Она предчувствовала, что рано или поздно такое может случиться. И теперь, когда беда случилась, уже невозможно было что-то исправить. С уходом сына закончится и их род. Сама она была единственным ребёнком у родителей, рано погибших в автокатастрофе. Её воспитывала одинокая тётя, сестра матери, которая тоже умерла раньше времени от рака.

Лидия относилась к тому самому «поколению «пепси»», променявшему русские ценности на фантики западной демократии. Одна половина этого поколения, быстро уловившая «всесилие» денег,

теперь управляла государством, регионами, префектурами, поселениями, фирмами, банками, магазинами... Эта половина, используя полувоенное положение, получала от войны хороший доход и активно набивала свои карманы. Другая половина, относительно бедная, но с моральными устоями и совестью, сейчас активно воевала за Русский мир на фронте и в тылу.

Лидия относилась к второй половине. Она и сына воспитала в этом же духе. Потому он после военного училища ушёл на фронт, хотя некоторые из его однокашников воспользовались лазейками, чтобы «откосить» от передовой.

Женщина плакала и винила во всём себя. Прожив достойную жизнь матери-одиночки, она сожалела теперь о том, что не сумела в своё время создать крепкую семью. Все годы она заблуждалась, пытаясь построить своё счастье на единственном ребёнке. Ребёнок погиб, и счастье оборвалось... Она вдруг отчётливо и ясно осознала: возможность «пожить для себя» не делает женщину счастливой. Женщины, да и мужчины тоже, по-настоящему счастливы там, где создана крепкая, многолетняя и дружная семья. Только такая семья может быть хоть какой-то страховкой от бед и жизненных потрясений!..

Пауза затянулась.

Чтобы как-то перебить тягостную минуту, Сергей, проглотив подступивший к горлу ком, сказал первое, что пришло на ум:

— Будь она проклята, эта война!

Лидия Петровна вспомнила о собеседнике. Ей стало неудобно. Как это она так сильно расслабилась перед незнакомым пареньком. Она повернулась и поправила парня, впервые назвав его по имени:

— Не по адресу проклятие, Сергей! Война, она и есть война... Ей безразлично, хвалят её или проклинают... Проклинать надо тех, кто организовал эту войну, кто натравил русских против русских!..

Сергей удивился её самообладанию и всё же сделал ещё одну попытку утешить женщину:

— Лидия Петровна, плакать не надо! Ваш сын герой! Вам надо гордиться им!

Она вытерла слёзы. В этом пареньёк прав. Отныне её сын не был для всех без вести пропавшим. Её Алёша воевал и погиб как герой!

— Серёжа, давай-ка я тебя накормлю!

После обеда они ещё долго беседовали. Он рассказывал ей о войне, она показывала ему семейные фотографии и вспоминала о том, каким был её Алексей в детстве. В конце обменялись адресами и телефонами. Когда прощались, женщина тихо поблагодарила солдата:

— Спасибо тебе, Серёжа!

Сергей смутился:

— Да за что же спасибо? Я принёс такую плохую весть!

— Спасибо, что избавил меня от неопределённости. Неопределённость — самое мучительное чувство. Оно разъедает душу сильнее самой страшной беды!..

Лидия Смирнова была русской женщиной. Беда наложила на неё отпечаток, но не заставила угаснуть её дух. Спустя некоторое время она получила орден, которым посмертно наградили её сына. Потом пришла к мысли, что не может дальше жить прежней жизнью, и примкнула к активистам-волонтёрам, которые помогали бойцам на СВО.

Сергей Новосёлов убыл в свою часть. Он так и не получил обещанную погибшим сержантом медаль за подбитый танк и БМП. И претензии по этому поводу предъявлять было некому. Свидетели его подвига уже больше года лежали в сырой земле.

«Бог с ней, с медалью, — убеждал он себя, — главное: жив пока! А что будет завтра — на войне об этом лучше не думать... Будешь думать, обязательно потеряешь бдительность. Тут-то костлявая тебя и подловит».

Он заново втягивался в боевую работу. Их часть медленно двигалась на запад, метр за метром отвоёвывая потерянную территорию, постепенно приближаясь к тому месту, где были похоронены бойцы первого взвода вместе со своим командиром.

Над Сергеем всё меньше довели душевные и физические травмы, нанесённые ему в украинском плену. Пообщавшись с матерью лейтенанта, он окончательно переборол свой комплекс виноватого перед обществом человека и утвердился в мысли, что сделал всё правильно. Он выполнил последний приказ своего командира!..

Надежда МАЛЫЦЕВА

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА КОМИ-ПЕРМЯКОВ. Статья

Для коми-пермяцкой литературы конца XX — начала XXI века характерно внимание к современным проблемам общества, его духовному обнищанию, исчезновению малых деревень, варварскому отношению к природе, в частности к лесу. В произведениях коми-пермяцких авторов рельефно отражаются древние представления исторических предков, в частности реликты одухотворения леса, воды, земли.

Писатели устремляют свой взор в историческое прошлое, стремясь дать ему новую оценку.

В современную коми-пермяцкую литературу широко входит фольклорный и этнографический материал.

Она становится двуязычной; многие авторы работают и в поэзии, и в прозе, и даже в драматургии, пишут и для детей, и для взрослых.

Последняя четверть XX века для коми-пермяцкой поэзии знаменательна тем, что в неё приходят женщины, намного острее и глубже поэтов-мужчин воспринимающие жизнь. Литература становится более интимной, камерной.

Поэзия приобретает философский характер. Поэтов волнуют проблемы бытия, предназначения человека, вопросы жизни и смерти, выражена тревога за судьбу коми-пермяцкого языка, утрату национальных традиций. В то же время для коми-пермяцкой поэзии характерна сдержанность в выражении чувств.

Лирический герой глубоко любит малую родину Парму, дающую ему силы, вдохновляющую на новые свершения (стихи Л. Гуляевой, Ф. Истомина, Е. Коньшиной, Л. Никитиной, В. Рычкова и др.).

Мать, родной дом и материнский язык — три стержня, формирующие и сохраняющие человека. Это чётко прослеживается в поэзии Н. Исаевой-Бадиной, В. Рычкова, В. Мелехиной, Н. Федосеевой и др.

Коми-пермяцких поэтов тревожит состояние современной деревни, нишающей духовно и исчезающей физически (стихи Н. Исаевой-Бадиной, Ф. Истомина, В. Козлова и др.).

Надежда Александровна МАЛЫЦЕВА родилась 28 июля 1953 года в селе Кочёво Пермской области. Отец, Александр Степанович Грибов, преподавал физику в Кочёвской средней школе. Мать, Тамара Семёновна, работала в начальных классах. Н. А. Малыцева окончила коми-русское отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического института (1976). В Москве в Институте национальных проблем образования МО РФ защитила диссертацию (2000) по теме «Изучение коми-пермяцкого фольклора в русской школе в диалоге национальных культур», кандидат педагогических наук. Работала в Коми-Пермяцком окружном институте усовершенствования учителей, научным сотрудником — в Коми-Пермяцком отделе общественных наук ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, в филиале Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре. Является автором-составителем учебных пособий для русскоязычных школ Пермского края и вузов России, автором научно-популярной и художественной литературы для детей. Имеет свыше 130 публикаций в научно-методических и научных изданиях России, Венгрии, Финляндии. Участник и докладчик многих всероссийских и международных форумов, состоявшихся в Венгрии, России, Румынии, Эстонии, Финляндии. Кандидат в Союз писателей России (2024). Живёт в городе Кудымкаре.

Лирический герой переживает за утрату обычаев и традиций отцов и дедов. Его беспокоят ассимиляционные процессы, негативно сказывающиеся на сохранении коми-пермяцкого языка (стихи Л. Гуляевой, Е. Коньшиной, Л. Селиной и др.).

Коми-пермяцкие авторы прекрасно осознают, что малая родина — это часть большой Родины, которой также признаются в любви (А. Козлов). Они страдают ей (В. Рычков), сожалеют об утрате ею могущества в прошлом (Ф. Истомин, В. Козлов).

Размышлениями о жизни, предназначении человека наполнены стихи Л. Гуляевой, Л. Никитиной, В. Рычкова, Л. Старцевой и др.

В современной коми-пермяцкой прозе происходит размывание и взаимопроникновение поэтических и прозаических жанров. Появляются промежуточные, гибридные образования: пейзажные и этнографические зарисовки, юморески, эссе, документальные очерки, лирическая проза. В них начала художественные соединяются с публицистическими и философскими началами.

Для современной прозы характерны в основном произведения малых жанров. Ведущее место занимает рассказ.

Драматическое изображение судьбы героев — характерная особенность современных прозаиков Л. Боталовой, В. Нечаевой, Т. Савельевой, Л. Селиной, Р. Яковкиной и др.

В аспекте осмысления этнографического материала выделяются рассказы Н. Златиной, художественные зарисовки В. Мелехиной.

Мифологические и анимистические представления, присущие коми-пермякам, отражаются в рассказах В. Мелехиной, С. Федосеева.

В современной коми-пермяцкой литературе наблюдаются и сюрреалистические тенденции. В небольшой повестушке-фэнтези «Сердце матери» Е. Коньшиной героиня в бессознательном состоянии видит Безобразного, отобравшего у женщины сына. Большая материнская любовь и настойчивость помогают Дарье вернуть сына в нормальную жизнь. В рассказе «Небесный сон» Л. Никитина через сон героини утверждает мысль: любовь — самая большая этическая ценность, делающая человека человеком.

Появляются произведения мемуарного характера. Воспоминаниями детства и юности вызваны к жизни «Минькины рассказы» М. Мартынова, произведения Н. Томской и др.

В XX веке значительное место в коми-пермяцкой литературе занимает художественная публицистика, отражающая роль личности в развитии национальной культуры. Это серия очерков Н. Мальцевой, И. Дульцевой, Е. Коньшиной, В. Попова, Л. Ратеговой.

В современной коми-пермяцкой литературе находят место комические виды. В рассказах В. Кольчурина, С. Федосеева изображаются в смешном виде человеческие недостатки, обличаются отрицательные явления действительности.

В лиро-эпическом жанре работал А. Шадрин. В его миниатюрах сюжетное повествование о каком-либо событии окрашено эмоционально-медитативными высказываниями автора. Пейзажные зарисовки пронизаны философскими замечаниями и размышлениями о жизни, красоте природы.

Своеобразна жизнеутверждающая проза Е. Рамос-Павловой. Через её произведения проходит гуманистическая мысль: человек нуждается во внимании, заботе, любви другого человека. Человек

создан для жизни, а жизнь невозможна без любви, которая будит созидательные начала, облагораживает его деятельность.

Особо стоит творчество С. Федосеева. Для его повестей и рассказов характерны классические каноны создания данных жанров. Повести посвящены событиям, происходящим в коми-пермяцкой деревне в 30–40-е годы XX века, и перестроечным 1990-м годам, когда всё ломалось и рушилось в деревне. Писатель осуждает негативные явления, разрушившие лад коми-пермяцкой деревни: эксплуатацию и спаивание односельчан работодателем; незаконное присвоение лесных богатств, варварскую вырубку леса, утрату женщиной целомудрия и строгой нравственности и др.

Итак, поэзия и проза последних лет отражают особенности времени и злободневные проблемы коми-пермяцкой действительности.

Анна ИСТОМИНА

ДАВНЫМ-ДАВНО В РОДИТЕЛЬСКОЙ ТИШИ... Стихи

* * *

Я не помню — во сне или нет
Бог мои затуманил глаза,
А потом их промыла слеза,
И открылся божественный свет.

Мне Любовь подарила крыла,
Чтобы я вольной птицей была
И без страха стремилась вперёд —
Там Господь меня любит и ждёт!

Перевёл с коми-пермяцкого Виталий Волобуев

* * *

Весну встречая, наш домишко плачет —
От счастья слёзы капают с углов.
И бабушка счастливых слёз не прячет.
Они друг друга поняли без слов.

У бабушки глаза сияют светом,
И у домишки в окнах свет возник.
...Вот пережили зиму, пахнет летом.
И старость отступила хоть на миг.

Перевёл с коми-пермяцкого Николай Старшинов

Анна Юрьевна ИСТОМИНА родилась 17 февраля 1964 года в городе Кудымкаре Пермской области (ныне Пермского края). В 1984 году окончила сельхозтехникум по специальности «Агрономия». Первые пробы пера состоялись в 1979 году. Печататься начала с 1981 года (в окружной газете «По ленинскому пути»). В 1991 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького. С 1993 по март 2005 года являлась главным редактором детского журнала «Силькан» («Колокольчик») на коми-пермяцком языке. Автор девяти книг: пяти поэтических, двух детских и двух исследовательских. Публиковалась в областных газетах «Звезда» и «Молодая гвардия», еженедельнике «Литературная Россия», советско-болгарском журнале «Дружба», удмуртском республиканском журнале «Кизили», коми республиканских газетах и журналах, коллективных сборниках в городах Сыктывкаре, Перми, Кудымкаре; в антологии «Современная литература народов России» (Москва, 2003), в антологии финно-угорской поэзии (Таллин, 2006). В 2004–2007 годах возглавляла Коми-Пермяцкую окружную писательскую организацию. За двуязычный сборник «Чочком кайез» («Белые птицы») награждена литературной премией Общества М. А. Кастрена (1997). Лауреат литературной премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа им. А. Н. Зубова (2009, 2025). Живёт в городе Кудымкаре.

* * *

Белая птица летит над землёй,
Солнце и темень встречая.
Белая птица летит над землёй,
Крыльями свет излучая.

Днями они, как огня языки,
Борются с хладом и тьмью.
Ночью они, как две чёрных руки,
Гладят уставшую землю.

Дни нашей жизни, как капли дождя,
В кончиках крыльев у птицы, —
И устремляются, в дождь перейдя,
В светлую землю пролиться.

Перевёл с коми-пермяцкого Николай Карпов

* * *

Живая буду или без души,
Ты приведёшь сюда, дорога...
Давным-давно в родительской тиши
Пришла душа ко мне с тревогой.

Наверно, помнит старая сосна
И знает, для чего всё это:
И жизнь моя, и смерти тишина,
А я не знаю, нет ответа.

Живая буду или без души,
Всё на душе лежит тревога.
Судьба, ты мне вернуться разреши,
Где встретились с душой дорога.

Перевёл с коми-пермяцкого
Валерий Краснослободцев

* * *

В доме одном — ужин.
В доме другом — стужи.
Делят в одном метры.
Стелют в другом ветры.

Люди второго дома,
Не ожидайте грома:
Грянет он — дрогнут рамы,
И отворятся раны.

Но пока нет грома,
В доме одном — ужин.
В горький удел второму —
Летние пали стужи.

Так и живут-могут,
Знать ничего не желают.
Истово на дорогу
Их сторожа лают.

В доме одном некто
Струны рукой тронет.
В доме другом некто
Будущее хоронит.

Тут — поутру поздно.
Там — и в ночи — зори.
Так и плывут розно
Каждый в своем море.
Горе моё, горе!..

Перевёл с коми-пермяцкого Николай Шипилов

* * *

Душа моя трепещет, словно птица,
Где жизнь и смерть сошлись — не разойтись,
Взлетает, опускается, боится
Разбиться, и опять взмывает ввысь.

Лети вперёд, крылатая душа,
Тебе уже даровано так много.
Никто тебе не в силах помешать:
Ты в небе — дома, ты под сенью Бога!

Перевёл с коми-пермяцкого Виталий Волобуев

Елена КОНЬШИНА

ПЕСНЮ МАТЕРИНСКУЮ Я В ДОРОГЕ СЛЫШУ... Стихи

С ОСЕНЬЮ ПОМЕЧАЛОСЬ

Нашептал мне ветер о большой любви,
С шорохом осенним показалось.
Всё, о чём мечталось, думала в пути.
Ожидая, к осени прижалась.

Не дошли до сердца осени шаги.
Просто с ней, нарядной, помечталось.
Где любовь большая, осень, подскажи?
В двери сердца чьи она стучалась?

Пустоту сердечную замела листва.
Греют щёки ветра поцелуи.
Для кого-то вечностью та любовь была,
О которой жизнь стихи рифмует.

УХОДИТ ЛЕТО

Туманы нежатся на травах пожелтелых.
Цыганским табором маячит дальний лес.
На облаках, чуть серовато-белых,
Уходит лето — мир любви, чудес.

Уносит лето страстные порывы.
Разносит ветром серебристый, нежный цвет.
И в разговоре вскользь маячит — «было»,
И чаще прежнего выходит слово «нет».

Елена Ивановна КОНЬШИНА родилась 22 февраля 1970 года в деревне Митино Кочёвского района Пермской области. В 1992 году окончила коми-русское отделение филологического факультета ПГПИ. Работала научным сотрудником, журналистом в ГТРК «Коми-Пермяцкая», редактором в коми-пермяцком отделе радиовещания, начальником информационно-аналитического отдела Администрации Кулымкарского района. Главный редактор газеты «Иньвенский край» (с 2006); учредитель и главный редактор газеты «Кама кытшын» («В круге Камы» на коми-пермяцком языке, с 2010); с 2013-го — председатель Пермской региональной общественной организации «Литературное объединение «Писатели Пармы». Изданы книги: «Асывся шыэз» («Утренние звуки») (2004), «Менам горт» («Мой дом») (2012), книжки-малышки для детей: «Челядълён гаж» («Детская радость»), «Вильгодса лым чиррез» («Новогодние снежинки»), «Дзоридзо» («Цветок») (2013–2014), «Ловлён сыланкы» («Песнь души») (2016), «Онмосьтанко» («Баюно») (2020). Лауреат премии имени А. Н. Зубова за книгу «Менам горт» (2012). Лауреат премии имени М. П. Лихачёва за книгу «Онмосьтанко» (2020). Номинант Есенинской премии (2017, 2022). Член Союза журналистов России (2016). Член Союза писателей России (2018).

МАМИНА МОЛИТВА

С маминой Молитвою я иду в дорогу.
Знаю, что хранимая Ангелами, Богом.
Мамина Молитва нежно душу греет,
И от этого, что есть, я люблю сильнее.

Песню материнскую я в дороге слышу,
Песню колыбельную, что качает душу,
Ту, в которой ласково о «пцлянах» пела,
Детям верность к Родине передать сумела.

От рожденья с нами в нашей жизни мамы,
Сердце безутешно, коль уходят рано.
Чтобы жили долго, просим мы у Бога,
Чтобы была ровной у судьбы дорога.

* * *

Я люблю тебя, Парма моя!
Можно было бы, птицей летала
Над простором, где Иньва-река,
Помню, с юности душу ласкала.

На полянах душица-трава
С малых лет моё сердце дурманит.
Земляника мечту сберегла,
Та, что в роши прохладные манит.

По душе жёлтой осени грусть,
Упиваюсь её красотою.
Где-то лучше, быть может, и пусть.
Ты одна. Я навеки с Тобою!

Переводы автора

Часть 2

Александр АБДУЛАЕВ

МАНЖЕРОК. Рассказ

Солнце ещё не взошло, стояли предрассветные сумерки. В этом году июнь выдался на диво жарким и солнечным, весь месяц солнце палило сверху, повиснув на выжженном небе жёлтым блином. Витька Бабкин, намаявшись за день, крепко спал. Во сне, продолжая гонять мяч по футбольному полю, скинул ногами лёгкое одеяло на пол, уткнулся лицом в смятую подушку. В окно кинули небольшой камушек. Он проснулся, протёр ладонью сонные глаза и посмотрел на настольные часы: было уже половина четвёртого утра. «Вот дуралей, чуть на поезд не проспал», — раздосадованно подумал и сел на кровать, опустил ноги на пол. Ему ещё хотелось поспать, глаза слипались. В окно снова кинули, дзинькнуло стекло, и Витька прямо в трусах пошёл посмотреть, кто там.

В квартире брусчатого дома на первом этаже он жил вместе с матерью, отчимом и бабушкой. Под окном росли густые зелёные кусты, когда-то посаженные Витькиной матерью. Приоткрыв одну створку и высунув взлохмаченную русую шевелюру, он увидел Ивана Рыбкина, своего верного друга. Тот стоял, задрав рыжую голову, и смотрел на него круглыми серыми глазами:

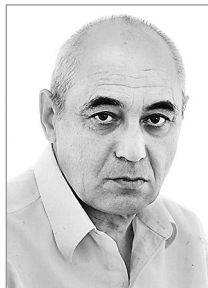
— Ты чего, Манжерок... Я тебя уже с полчаса жду, а ты, оказывается, подушку давишь. Поторопись, а то поезд без нас уйдёт!

Рассерженный Рыбкин ушёл, пробираясь сквозь кусты. Только мелькнули круглый затылок и спина в полосатой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

Манжероком Витьку прозвали из-за того, что в пятом классе на концерте, посвящённом Международному дню солидарности с африканскими странами, спел песню:

*Расскажи ты мне, дружок,
Что такое Манжерок?
Может, это городок,
Может, это островок?..*

Голоса у него от рождения не было, хотя старался изо всех сил. И непонятно, зачем его поставили выступать с этой песней. В конце исполнения он уже хрипел и помогал себе руками, делая разные пасы, лицо от волнения было мучительно бледным. Учитель пения

Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе Таджикской ССР (ныне Республика Таджикистан). Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткинскгэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве) — «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики (2014). Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

Станислав Игоревич, немолодой человек в белой рубашке, с шапкой седых волос и очками, сползающими на самый кончик толстого носа, растягивал меха баяна и притопывал правой ногой, подбадривал его, кивая головой.

Песню «Манжерок» по радио часто исполняла Полина Птицина, она не нравилась Пелагее Петровне, бабушке Витьки. Услышав её, сердито выходила из кухни, вытирала руки о вафельное полотенце, перекинутое через плечо, и хмурилась редкими бровями:

— Выключи ты эту песнюшку... уже надоела! Не по-русски она поёт, твоя Полинка. Вот пошла бы лучше в поле капусту собирать, да хоть такая от неё польза была бы. Тоже мне, певичка!..

Высказав своё мнение о певице, скрылась обратно в кухне и стучала там посудой, разговаривая сама с собой. Своего внука она очень любила и в порыве радостных эмоций звала его касатиком. Но Витьке эта песня нравилась, и он, запинаясь о дверной порог, бежал в школу, подбрасывая портфель в воздух, напевал:

— Манжерок... Манжерок... — Это слово он не знал, но оно ему казалось чем-то загадочным и восточным, как фата-моргана.

Витька с другом Иваном Рыбкиным поехали в райцентр купить щенка немецкой овчарки. Витька давно просил у матери, чтобы та разрешила завести собаку, но она долго не соглашалась. Потом всё же сдалась под его упорным натиском, только с одним условием:

— Закончишь школу без троек, тогда купим тебе собаку.

Школьные занятия остались позади, на календаре был июнь. Вечером вся семья, как обычно, собралась на кухне и пила чай: отчим Никодим Валерьянович, мать Нина Кирилловна и бабушка. На краю стола лежала новенькая красная десятка. Мать, мягко улыбаясь губами, показала серыми глазами на неё:

— Вот тебе деньги — купишь собаку, но будет один уговор: чтобы ты следил за ней, не забывал кормить и выгуливать.

Не решаясь, Витька медленно взял её в руку, постоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, готовый подпрыгнуть вверх от радости, но, засмушавшись отчима, выбежал во двор искать Ивана Рыбкина.

Они жили вчетвером в трёхкомнатной квартире. Раньше, когда был леспромхоз, в этом доме на первом этаже находилась контора, а на втором — гостиница для приезжих. Большую комнату занимали мать с отчимом, бабушка обитала в небольшой угловой, а он — в другой, с окном, которое смотрело на улицу. В бабушкиной комнате на глухой стене висели старые иконы, доставшиеся ей от родителей. Она была набожна и ходила молиться в соседнюю деревню. Там стояла большая златоглавая церковь, в солнечную погоду купол с крестом сверкал на всю округу. По церковным праздникам звонарь поднимался по крутым ступеням на колокольню, и сверху расстилалась музыкальная симфония. Она летела далеко, словно невидимая рука дирижировала ею. Когда Витьке было лет десять, однажды вечером он заглянул в комнату бабушки и увидел, что она стоит на коленях и молится перед старой, потемневшей иконой. Под ней горела небольшая лампадка, огонёк тихо мерцал в темноте. Тихо притворив дверь, он ушёл спать и утром на кухне спросил:

— Бабуля, а бог есть?

- Есть, касатик, есть.
- А он на небе живёт?
- А где же ему быть? Там и живёт.
- Учитель в школе сказала, что бога нет...
- Бабушка погладила его по вихрастой голове, только улыбнулась.
- Его не видно, но он не только на небе есть, но и в нас.
- Это правда?
- Да, когда я тебя обманывала, касатик?!

Витька, чтобы не будить мать, вылез через окно в палисадник. Осторожно прикрыл створки и быстро, что было силы, помчался напрямик на железнодорожную станцию по еле заметной тропе, затянутой с обеих сторон скользкой росистой травой. От быстрого бега в груди не хватало воздуха, и он распахнул рубашку. Возле небольшого деревянного здания, покрашенного в коричневый цвет, уже колготился народ. Был выходной день, и люди ехали по узкоколейке в райцентр по своим делам. Пожилая женщина в натянутом чуть ли не на самые глаза белом платке стояла первая у билетной кассы. Около полных ног притулилась однорукая, затянутая белой тканью плетёная корзина с гусём. Ему в ней не нравилось сидеть, и он недовольно, сильно гаркнул. Мужчина невысокого роста в старом пиджаке с засаленными лацканами стоял за женщиной, держа в руке коричневый потёртый рюкзак, и смотрел на корзину. У него под мятым козырьком фуражки скрывались узкие хитроватые глаза. Плоский утиный нос и весь его облик выдавал в нём лукавого человека. Свет в кассе наконец-то блёкло зажёгся, в оконце мелькнул женский силуэт, и люди оживились, стали поплотней.

Купив билеты, друзья оказались на привокзальном пятачке. Мужик в кепке всё держался возле женщины с гусём и о чём-то оживлённо с ней разговаривал, произвольно гримасничая лицом. Женщина поправляла свой плат, кисло улыбалась, покачивая головой. Видимо, они не могли сторговаться по цене за гуся.

Послышался отдалённый гудок тепловоза. Люди стали собирать свои мешки, корзины и подходить ближе к подходящему поезду. Появился небольшой тепловоз, тащивший за собой два вагона. Состав остановился, застучали железные буфера, дверь ближайшего вагона распахнулась, и появилось смазливое девичье лицо. У неё на самой макушке головы чудом держалась фирменная фуражка. Она сверху окинула людей скользким взглядом и стала возиться с площадкой. Первыми ринулись две женщины — они были похожи друг на друга: мясистые тела, широкие лица. Расталкивая людей локтями, они пробились к двери, а затем, таща за собой объёмные сумки, первыми оказались в вагоне и поспешили занять удобные места у окна.

Это был старый польский вагон с отшлифованными сиденьями и давно не мытыми, закопчёнными окнами. Витька с другом уселись в самом конце возле туалета, там было немного людей и можно было обсудить будущую покупку шенка. Мимо них прошмыгнул мужчина в серой кепке, придерживая заботливо карман пиджака, хлопнул дверью и исчез в туалете. Вскоре он вышел с красным лицом, глаза поблёскивали от нахлынувшей радости. Проходя мимо них, обдал свежим запахом огуречного лосьона.

Вагон несколько раз дёрнулся и медленно стал набирать скорость. Мимо окна проплывало ржаное поле, за ним, дальше к горизонту, рос еловый лес с острыми верхушками. Меж густых деревьев остро блеснули лучи восходящего солнца. В вышине небо простиралось ярко-синим, без единого облачка, и казалось бездонным. Рядом с поездом проехал красный гусеничный трактор, грохоча мотором и выбрасывая клубки чёрного дыма из трубы.

До городского рынка ребята добирались пешим ходом, автобусы в такой ранний час не ходили, а идти-то нужно было всего с полчаса. В разговорах не замечая времени, вскоре оказались на центральной площади возле небольшого круглого фонтана. Он пока не работал. Ребята обошли его по периметру. В центре на возвышенности из серых камней торчал бетонный цветок. Когда включали фонтан, из него била вверх сильная водяная струя. Бортики, украшенные цветной плиткой, ещё были влажные, и в чаше отражалось небо.

Пройдя небольшой сквер, друзья оказались возле ворот рынка. Несмотря на ранний час, народ уже ходил по рядам, примериваясь, что купить. Молодая женщина продавала клубнику со своего огорода — ягоды, налитые летним теплом, краснели боками в небольших пластиковых синих ведёрках. В длинной вязаной кофте было жарко, она ловко тыльной стороной кисти смахивала со лба мелкие бисеринки пота. К ней подошёл мужчина невысокого роста в белом полотняном костюме. На толстом носу неуклюже сидели круглые роговые очки в старомодной оправе. На голове была надета соломенная шляпа. Он работал учителем математики в школе, и дети за глаза называли его «академиком», потому что умел свой сложный предмет объяснять просто и доходчиво. Наклонив голову вниз и придерживая шляпу, он высматривал ягоду покрупнее, чтобы попробовать на вкус.

— Да вы не стесняйтесь, берите, которая понравилась! — настойчиво предложила ему женщина. — Только сегодня поутру их собирала.

Он почему-то вздрогнул, пожевал тонкими губами, осторожно взял двумя короткими пальцами самую крупную ягоду и, открыв рот, положил внутрь. Прикрыв один глаз, подержал немного и проглотил. Острый кадык на сухой шее дёрнулся вперёд.

— Действительно вкусная и зрелая. А какая будет цена за литровую банку?

Женщина моргнула мохнатыми ресницами, назвала цену, которая его вполне устраивала. Мужчина достал из кармана брюк потёртый кожаный кошелек, послунявив пальцы, отсчитал деньги и протянул ей. Та улыбнулась полными губами, отчего на щеках появились две ямочки. Ей нравилось торговать на рынке. Сочные огурцы, спелые помидоры, зелень — всё это она выращивала на своих шести сотках, и каждое утро, собрав урожай, торопилась на рынок занять своё привычное место.

Иван Рыбкин остановился и покрутил вихрастой головой в разные стороны, ища в людском водовороте, где продают собак. Его обтекали со всех сторон недовольные покупатели, толкая плечами:

— Ишь, какой увалень стоит столбом посередь... мешает пройти. Уйди с дороги!

Он, не обращая внимания на замечания, окрикнул проходившего мимо пацанёнка с заспанным лицом в синей короткой футболке и в шортах, перешитых из брюк:

— Ты не знаешь, где собак продают?

Парень остановился и с подозрением разглядывал Рыбкина:

— А зачем? — ответил он нехотя, переступая ногами в сандалиях, не желая вступать в разговор с незнакомцем.

— Хотим с другом овчарку купить. Говорят, что на вашем рынке можно найти.

— У нас можно всё купить, — как-то загадочно усмехнулся пацанёнок и собрался по-быстрому исчезнуть в толпе, но передумал, махнул в сторону забора загорелой рукой:

— Вон там собак продаёт дядя Миша, идите дальше и найдёте, — он кивнул головой в сторону и, словно предугадывая очередной вопрос, продолжил: — Высокий такой мужчина, мосластый, уши у него торчком стоят. Он всё время ходит в синей рабочей спецовке — увидите и сразу узнаете. Можете сказать ему, что я подсказал, где его можно найти. Мы тут всех знаем.

Пройдя сквозь мясной ряд, друзья оказались возле дощатого забора, потемневшего от времени и дождей. На земле валялись сломанные деревянные ящики, пахло тухлым мясом, возле зловонной лужи летали большие серые мухи. На фанерном коробе, покрытом куском цветного половика, полулежал в позе бухарского эмира высокий мужчина со впалыми щеками. Судя по описанию пацанёнка, это был дядя Миша. Лениво скользнул туманным взглядом по парням, широко зевнул, обнажив беззубый рот. Рукой провёл по лицу, словно снимая наваждение вчерашнего вечера, когда они вместе с другом выпили свежего пива возле павильона, потом пошли в рюмочную и там набрались по полной. Сегодня с утра он мучился с глубокого похмелья, в животе горел адский огонь, и он даже презирал себя. Хотелось сильно выпить, и у него в голове мелькнула шальная идея — послать этих пацанов к одной тётке-шинкарке за самогоном, но передумал и скосил на них узкие глаза.

— Вы щенков продаёте? — настороженно спросил у него Витька, подойдя поближе. Ему этот мужчина сразу не понравился, лицо было какое-то подозрительное. Откуда у него могут взяться щенки овчарки?

— А зачем тебе? — неторопливо стал подниматься со своего места дядя Миша. У него за забором в ящике сидели два щенка немецкой овчарки, и он хотел сегодня продать их. Несколько дней назад ему их толкнул по дешёвке проезжий цыган по сходной цене. Торговаться у обоих не было желания и времени, они быстро договорились, пожав друг другу руки, и деньги из одного кармана переключивали в другой. Щенков он украл в соседнем районе у заводчика собак, и его уже разыскивала милиция. Об этом он скромно умолчал и не стал откровенничать, откуда у него они взялись.

Цыган на прощание блеснул угольными глазами, хитро подмигнул, сел в легковую машину красного цвета и исчез в соседнем проулке, не оставив обратного адреса.

— А деньги у тебя есть, чтобы купить щенка? — осклабился мужик в кривой улыбке. Ему хотелось побыстрее его продать, чтобы не вляпаться в неприятную историю. У него уже были проблемы с

милицией, и он не хотел снова оказаться в кабинете следователя. Последний раз, когда его привозили в отдел за попытку кражи велосипеда и дежурный на прощание врезал пару раз по рёбрам увесистым кулаком, стало понятно, что в следующий раз он будет ночевать в казённом доме.

— Есть! — Витька вытащил из кармана рубашки десять рублей и показал купюру мужчине.

— Чирика, пожалуй, маловато будет. Шенок от породистой немецкой овчарки, и родословная имеется, — оживился он, предчувствуя выгодную для него сделку.

— А документы на него есть?

— Как нет?! Всё у меня есть, только дома, вот беда, оставил, — он с нескрываемым сожалением развёл руками. — Дай чирик, и подумаю... продавать шенка или нет.

Он взял в свою грязную руку купюру, зачем-то помял её. Она словно жгла ему ладонь, и хотелось поскорее засунуть себе в карман.

— Ладно... считай, что сторговались. Сейчас принесу, — и он исчез в проломе шаткого забора. Минут через пять появился, держа чёрного шенка за шварник: — Вот держи, папан, только никому не говори, где купил и у кого. Договорились?!

— Почему? — не понял Витька, в голове мелькнула тревожная мысль, что шенок не его, а невесть откуда у него появился и может быть, даже краденый.

— Такая примета есть, чтобы он рос крепким, — сразу нашёлся, что ответить, дядя Миша. Ему хотелось, чтобы этот парень не передумал покупать. — А «немец» хороший и ничего не боится, — он сильно хлопнул в ладоши.

На Витьку с любопытством смотрели чёрные глазки. Он взял шенка на руки, погладил по мягкой шерсти и прижал к себе.

Спустя три дня в дверь квартиры настойчиво постучались. Открыл Никодим Валерьянович и увидел на пороге участкового Гричина с незнакомым мужчиной, одетым в костюм бежевого цвета с белой рубашкой, ворот которой был затянут синим галстуком. Мужчина стоял с нахмуренным лицом, сдвинув брови и широко расставив ноги в широких брюках. Вся поза говорила о его решительности. Участковый шершавой ладонью привычно поправил лакированный козырёк фуражки, надвинутой низко, почти на большие уши. Он глухо кашлянул в кулак, больше для порядка:

— Можно к вам зайти?

Никодим Валерьянович был растерян от такой неожиданной встречи и не мог сообразить, чем же вызван приход участкового Гричина с незнакомым мужчиной. Отошёл в сторону, пропуская их войти в квартиру.

— А где ваш сын сейчас находится? — спросил участковый, напугав себя строгостью. Его голос прозвучал сухо, по-казённому, хотя Никодим Валерьевич был знаком с ним — несколько раз встречались в доме культуры. Довелось даже сыграть несколько партий в шахматы.

— Ушёл с собакой погулять. Они там с другом вместе на футбольном поле, — он мимолётно глянул на настенные часы. — Да он скоро домой вернётся, дисциплинированный парнишка. А вы пока на кухню проходите, чаем напою.

Из своей комнаты вышла бабушка. Взглянув на мужчин, заспешила на кухню. Дверь распахнулась, и в квартиру почти влетел Витька, а за ним шенок.

Мужчина в костюме присел на корточки, стал разглядывать его:

— Да, это мой... Только его украли припленные цыгане. — Он поднялся, по-бычьему наклонил голову, исподлобья упёрся тяжёлым взглядом в Витьку,

— Нехорошо покупать ворованное у людей! Так можно и в тюрьму угодить.

Витька не знал, куда провалиться от стыда. Лицо стало полотняным, в груди сильно забухало сердце, на глаза внезапно навернулись слёзы:

— Я не знал, что шенок краденый. Дядя Миша сказал, что это его, он мне продал за десять рублей, и у меня есть свидетель.

Никодим Валерьевич, увидев, в каком состоянии его пасынок, подошёл к нему, положил тёплую руку на плечо и спокойным тоном произнёс:

— Не волнуйся, мы постараемся этот вопрос решить. Иди к себе в комнату и щенка с собой возьми.

На кухне бабушка быстро накрыла клеёчатый стол, нарезала солёных огурчиков, открыла банку рыжиков, из кастрюли достала тёплую картошку. Поставила табурет, встала на него и, немного покачиваясь, рукой нащупала в настенном шкафчике бутылку столичной водки, водрузила её на стол.

Пока мужчины о чём-то разговаривали и их голоса глухо доносились из кухни, Витька сидел у себя в комнате на кровати, прижимая к себе щенка, которого назвал Эльзой. Он гладил её по мягкой шерсти, а собака тихо покусывала и тянула мордочку к его лицу, намереваясь лизнуть языком. Ему не хотелось отдавать мужчине Эльзу, и в голове созрел план сбежать через окно в тайгу, чтобы там отсидеться до тех пор, пока они не уйдут из квартиры.

В коридоре послышались мужские голоса. Дверь хлопнула, выпуская участкового Гричина с женщиной. В комнату вошёл Никодим Валерьевич, на его покрасневшем лице была видна улыбка, в глазах теплился огонёк, ему хотелось порадовать Витьку удачным разговором.

— Всё решили с хозяином. Щенок остаётся у тебя, будешь его воспитывать, как мы раньше об этом говорили. Пусть он пока поживёт в квартире, а потом решим... может, ему будку во дворе с тобой сколотим.

Никодим Валерьевич не стал вдаваться в подробности, каким образом смог договориться с женщиной. Оказывается, он доплатил ему ещё десятку за щенка, пожали друг другу руки, и тот забрал своё заявление о краже у участкового Гричина.

Витькин отчим появился у них в семье два года назад. Родной отец, Ананий Петрович, заядлый охотник, ушёл с утра на промысел, но потерялся, блуждая в холодную метель в тайге. Его случайно нашёл возле дороги один шофёр, ехавший из соседнего посёлка. Он увидел наметённый снежный бугор, из которого торчало ружьё. Остановился и стал лопатой откапывать охотника. С трудом посадил в машину и погнал в больницу. Привёз обмороженным, в бессознательном

состоянии. Там неделю отец метался в огне и умер, оставив Витьку сиротой, а его мать вдовой.

До призыва в армию оставалось полгода, и военкомат отправил Витьку учиться в районную автошколу на водителя. Мать смогла через своих знакомых договориться, где сыну можно было пожить это время. Витька, приехав в город, сразу с вокзала отправился искать дом Пелагеи Васильевны, которая согласилась за символическую плату сдать ему свободную комнату в частном доме, только с одним условием: помочь ей с заготовкой дров на зиму и в сентябре выкопать картошку с участка. В одной руке Витька держал рюкзак с вещами, а в другой — сетку с трёхлитровой банкой мёда. В кармане брюк лежала записка, адресованная пенсионерке, которую мать наказала не читать, а только передать её в руки самой хозяйке дома.

Майское солнце ярко светило на голубоватом небе. Деревья распушились зелёными красками, и их листья трепетали под лёгким ветерком. По земле тянулся ковёр из мать-и-мачехи. Эти маленькие цветы с жёлтыми головками напоминали о приходе весны. Витька шёл по деревянному тротуару и легко дышал свежим, слегка кружащим голову воздухом. Поднявшись на взгорок, он остановился возле раскидистой берёзы, чтобы перевести дыхание от быстрой ходьбы. Услышав щебетание невидимой птахи, он задрал голову вверх так, что клетчатая фуражка слетела с головы. Витька наклонился поднять её с земли и увидел подходящего мужчину в рабочей спецовке и кирзовых, давно не чищенных сапогах с прилипшей грязью. Мужчина был невысокого роста, с угловатым лицом и большим горбатым носом, и, видимо, куда-то торопился, широко размахивая руками. На его лице читалась тревога.

— Извините, а вы не подскажете, где здесь улица Колхозная?

Мужчина остановился, смерил Витьку острым взглядом из-под лохматых бровей, даже как-то подозрительно посмотрел на парня, шмыгнул носом, на его кончике висела светлая капля. Он спешил домой. На склад, где мужчина работал грузчиком, прибежала с красным лицом пятилетняя дочь и, сбиваясь словами, выпалила ему, что коза Маня сбежала со двора в лес и нигде не могут найти. Молча выслушав своё дитя, он сбросил со спины тяжёлый мешок на землю и, не сказав никому, заторопился домой, чтобы узнать от жены подробности. Буквально два дня назад заметили медведя на опушке леса. Бурый, увидев людей, постоял на задних лапах, рассматривая их, и потом исчез в ельнике.

— Как не знаю?! У нас тут одна улица Колхозная, а номер дома какой?

Витька назвал. Мужчина немного постоял в задумчивости и махнул головой в сторону ближнего уличного проулка:

— Вот туда зайдёшь, и шагай смело до конца, а там увидишь дом с синими резными наличниками и рогатой антенной на крыше, вот это будет дом Пелагеи.

Повернувшись к парню сутулой спиной, мужчина ускорил шаг и скрылся за буйно растущими кустами сирени.

Витька спустился вниз с пригорка и, насвистывая песню «Манжерок», двинулся искать. Проходя мимо кирпичного дома с большими железными воротами, он услышал злобный лай собаки, остановился, чтобы посмотреть, откуда она может выскочить, как дверь при-

открылась и в светлом проёме появилась девушка с длинными, до плеч, пшеничными волосами. Из-под сиреневой облегающей футболки очерчивались два бугорка. Она была похожа на подростка с припухлостью щёк и губ. Окинув Витьку изучающим взглядом карих глаз, прикусила нижней губу. Собака, не переставая, громко лаяла, и девушка, нахмутив брови, топнула ногой, сердито на неё прикрикнула:

— Дунай, сейчас же замолчи! Хватит лаять без толку.

Собака затихла, только слышно было, как на соседней улице протарахтел колёсный трактор да отозвалась лаем соседская овчарка.

Витька прошёл ещё вперёд и невольно обернулся, словно ему сверлили взглядом спину. Девушка всё ещё стояла на том же месте и смотрела на него. Возле её худощавых ног крутилась собака с большой головой и закрученным кренделем серым хвостом.

Увидев небольшой дом в два окна с синими наличниками, толкнул покосившуюся калитку и оказался в узком дворе. Внутри дымились квадратная железная печка, возле неё суетилась маленькая пожилая женщина. Обернувшись и увидев стоящего Витьку, она выпрямилась, откинула с морщинистого лба прядь седых волос и, сощутив близорукие подслеповатые глаза, стала смотреть на него.

— Здравствуйте, Пелагея Васильевна.

— Здравствуй, здравствуй, — ответила она, не сводя с него глаз. — Ты откуда будешь? — Она шагнула к нему навстречу, сделала улыбку на сухом пергаментном лице и двумя пальцами провела возле тонких синеватых губ.

Витька было замешкался с ответом, но вовремя спохватился, вспомнив о записке в кармане брюк, запустил руку, извлёк её на свет и протянул Пелагее Васильевне.

— Ты думаешь, я это смогу прочитать? Ты побудь во дворе, я за очками схожу.

Она пошла в остеклённую веранду. Вскоре вернулась, держа очки в руке. Затем водрузила их на курносый нос. Стала читать, шевеля губами. Подняла глаза и спросила:

— Значит, Ананий Петрович твой отец будет?

— Да, так и есть, — подтвердил Витька, думая, зачем она спрашивает о нём.

Старушка ещё раз посмотрела на него, убеждаясь в правоте своего вопроса.

— Не удивляйся, мы с твоим отцом отработали несколько лет вместе на лесозаготовке. Хороший был человек и требовательный начальник. Мог спрашивать с людей работу, как без этого... а то народ разбаловаться может. — Пелагея Васильевна замолчала, словно вспоминая своё прошлое. Глаза потеплели. — Ты, наверное, в дороге проголодался? Сейчас будем кушать, я сварила густой кулеш, — она хлопнула руками себя по бёдрам, досадливо покачала головой. — Вот старая, совсем память отшибло, пора снимать его с огня.

После того как они пообедали и попили травяной чай с мёдом, Пелагея Васильевна отвела Витьку в его временное пристанище.

Отворила дверь, пропустила вперёд. В угловой комнате единственное небольшое окно с паутиной треснувшего стекла выходило в огород. В ней был стол, придвинутые к нему два ещё крепких стула, низкая тахта, заправленная сверху цветным покрывалом, которое когда-то было очень красивым. Возле окна на стене висел алюми-

евый старый рукомойник, над ним квадратное зеркало в деревянной оправе, помутневшее от времени. Под неровно побеленным потолком свисал вниз белый плафон. Комната выглядела простой и даже бедноватой, и было похоже, что в ней давно никто не живёт.

— Вот здесь твоё место, пока учишься на шофёра. Спи на тахте, здесь у меня прохладно и добрые сны будешь видеть. Постельное бельё тебе принесу. Деньги за питание в конце недели клади сюда — рукой постучала по столешнице. — Кормёжка не барские разносолы, а простая еда... А когда курсы заканчиваются? — поинтересовалась она, присев на скрипучий венский стул и сложив сухие с прожилками тонких вен руки на животе.

— Где-то в октябре должны быть экзамены по теории и вождению. А потом в армию призовут.

— Пока отдыхай, можешь сходить в город, ну а завтра после занятий поможешь мне в огороде землю перекопать, она уже прогрелась и можно всякую мелочь садить.

На следующее утро Витька рано проснулся и лежал, слыша, как бабка ходит по скрипучему полу на кухне и сама с собой разговаривает. Позавтракав перловой кашей на молоке, он торопливо выскочил из дома и почти помчался с зажатой под мышкой тетрадкой на занятия в автошколу. Пробегая мимо кирпичного дома, в котором жила девушка с распущенными волосами, он, теша себя надеждой снова встретиться с ней, замедлял свой ход, всматриваясь в окна, затянутые в белые занавески.

В воскресные дни занятий в автошколе не было, и он уезжал на поезде домой, чтобы повидаться с родными и потренировать собаку. Увидев его издали, она начинала скулить, рваться к двери и царапать её когтями. Шли дни, недели... Она превращалась из щенка в молодую умную собаку с сильной грудью. Витька у знакомого взял журнал и стал обучать Эльзу различным командам. Она всё с охотой выполняла и смотрела на него чёрными глазами.

Витька всё же встретился с девушкой в начале октября, когда холодный осенний ветер сдул с берёз жёлтые листья и деревья стояли стыдливо обнажённые в ожидании снега. Трава прибилась к земле, было скользко ходить по ней. По небу медленно плыли свинцово набрякшие дождевые тучи.

У него заканчивалась последняя неделя обучения в автошколе. Он торопливо возвращался в дом Пелагеи Васильевны. Сырые ботинки скользили по траве, и он чуть не упал, проходя мимо дома с железными воротами. Остановился почистить забрызганную уличной грязью штанину и, балансируя на одной ноге, увидел, как из калитки выходит девушка. Ему тогда показалось, что она даже повзрослела — черты лица уже не выглядели по-детски, припухлость щёк разгладилась, глаза стали более серьёзными. На девушке была надета синяя болоньевая куртка, вокруг шеи замотан пёстрый вязаный шарфик, пшеничные волосы были убраны под вязаную шапочку. Незнакомка улыбнулась ему, как старому знакомому, остановилась рядом и посмотрела из-под длинных ресниц. Протянула маленькую, тёплую ладонь:

— Меня звать Ульяна, можно просто Уля, я так привыкла, — улыбнулась глазами, верхняя тонкая губа дрогнула. — А тебя как?

Витька немного замешкался, правая рука была грязная, и он протянул другую.

— Виктор.
— Значит, ты победитель. Так переводится твоё имя.
— Пока никого не побеждал.
— Всё у тебя впереди! Я пошла в педучилище, в этом году поступила, потом буду в школе работать, как моя мама. А у тебя какие планы?

— Пока особых планов нет. Через месяц меня призовут служить в армию, а потом решу, что делать: может, дальше пойду учиться, мне понравилось с техникой возиться. Да и глупо сейчас что-то строить, за два года может много воды утечь.

Уля согнула кисть руки и посмотрела на небольшие часы с браслетом серебристого цвета, свела брови.

— Ой! Мне уже пора, и так опаздываю. Увидимся как-нибудь...

Она пошла, осторожно ставя ноги, обутые в короткие резиновые сапожки, на раскисшую серую землю.

Витька крикнул ей вслед:

— Обязательно встретимся! Земля-то круглая...

Он обернулся и увидел, как в окне дома мелькнул и пропал в глубине комнаты размытый женский силуэт.

В начале ноября пришла повестка в армию. Погода стояла уже зимняя. Снега намело много, и Виктор утром выходил с лопатой откидывать его от подъезда. Холодный ветер гулял свободно по длинной улице, шипал лицо. Проводы были скромные. Пришли соседи и Гриша Колёскин, его одноклассник, получивший отсрочку от призыва на год. Мать с бабушкой суетились на кухне. Овчарка Эльза лежала под столом возле его ног, иногда поскуливала, словно предчувствуя долгую разлуку. К полудню подошёл вахтовый автобус, подвезти Виктора до районного военкомата. Все встали из-за стола и молча вышли на улицу. Бабушка стояла на крыльце в накинутом на голову пуховом платке и всё плакала, вытирая бегущие слёзы по щекам. Мать прижала его к себе и не хотела отпускать. Отчим подошёл ближе и обнял его крепко, еле сдерживая слёзы. Собака крутилась возле его ног, и когда он сел в кабину и поехал по дороге, она сорвалась с места и побежала следом и отстала только тогда, когда машина выехала из посёлка.

Виктор попал в оперативный полк внутренних войск. После учебки он прослужил уже полгода, когда ночью роту подняли по тревоге и самолётом перебросили в Моздок. Там уже ждали... Собрали сводный отряд, и он сел за баранку ЗИЛ-131. На заправке залил полностью два бака бензином, проверил аккумулятор. Получил автомат, боеприпасы, надел бронежилет и каску на голову. Ему не было страшно, но военные действия вызывали тревогу. В кузов машины погрузили военную амуницию и длинные опечатанные деревянные ящики.

Ранним утром последнего ноябрьского дня 1994 года колонна, состоящая из пяти машин и одного БТР, выдвинулась в сторону Грозного. Плотный густой туман висел белёсой стеной, не было видно даже огней впереди идущей машины. Через несколько часов солнце разогнало ночную хмарь, стало светлее, и горизонт раздвинулся вширь и вдаль. Всё казалось мирным, если бы не движение военной техники

и угрюмые солдатские лица. Вместе с ним ехал прапорщик Вялов. Он был высокого роста, с короткой стрижкой на большой голове, сидел первое время нахолившись, погружённый в свои мысли, и, казалось, ему не хватало места в кабине машины. Сильные кулаки лежали на коленях. Под хрящеватым носом у него росли тонкие, ухоженные усы, по которым он изредка проводил указательным пальцем, приглаживая. Держа руками автомат между ног, он тихо напевал от скуки:

*Вольному — вольная воля,
Ни о чём не грущу,
Ветром в чистое поле
Я тебя отпущу...*

— Слушай, а девчонка у тебя осталась на гражданке? — неожиданно спросил он Виктора, не поворачивая к нему голову.

— Нет, не успел ещё завести знакомство, — честно признался тот и нажал на педаль тормоза, чтобы не столкнуться с бампером машины, которая ехала впереди.

Прапорщик Вялов от резкого торможения подался вперёд и чуть не ударился каской о лобовое стекло. — Вот чёрт, кто там за баранкой сидит, уснул что ли! — незлобно ругнулся, откинулся назад на спинку сиденья и положил автомат на колени.

— Нужно было подружиться с кем-нибудь, и она бы тебе писала письма и, наверное, ждала бы.

— Как-то не получилось. У нас в посёлке многие девчонки из класса уехали в город учиться или работать. Остаться там — одна зелёная тоска...

Прапорщик Вялов задумчиво почесал кончик острого носа, указательным пальцем провёл по усам, сдвинул брови, отчего между ними пробежала борозда.

— А вот у меня дома непруха пошла! — он сделал паузу, раздумывая, стоит ли говорить об этом рядовому, но хотелось высказаться, тем более на войне может не получиться второй раз свидеться. — Жена хочет со мной разводиться, — он сжал губы в одну полоску, мотнул непродуманно головой, словно хотел стряхнуть наваждение, и на лице неподвижно застыли глаза, не мигая. Некоторое время он задумчиво молчал, собирая в памяти обрывки последнего домашнего разговора с женой. — Мало, говорит, денег домой приношу, да устала одна, часто в командировках... Она ведь, по сути, права, но что я могу поделывать... такая моя служба.

Колонна остановилась, пропуская вперёд танки. Они, грохоча, проехали, не сбавляя скорости, и исчезли из вида. В воздухе ещё держалась гарь от сгоревшей солянки.

Прапорщик Вялов вытянул сигарету из пачки, помял её пальцами:

— Будешь курить? — протянул Витьке.

— Нет, я не курю.

— Тогда молоток. Зачем здоровье гробить?! — ловко чиркнул пальцем колёсико зажигалки и глубоко затянулся, отчего у него впали щёки, задержал внутри себя дым и выпустил его в окно. Едкое сизое облачко попало ему в глаза, тыльной стороной кисти он стал их тереть. — Может, эта катавасия скоро закончится, как было в Фергане в восемьдесят девятом году. Нас туда перекинули

для умирения узбеков, когда они хай подняли. У них с турками-месхетинцами нашла коса на камень, что-то произошло на бытовом уровне. Эти джигиты взяли в руки палки, арматуру и пошли дома турок громить. Тогда всем досталось, и русским тоже. Молодёжь быстро подхватила эту волну неприязни, стала грабить магазины и киоски. А мы прилетели на транспортном самолёте, без оружия, только щиты да дубинки. Короче, попало всем, и в нашем полку пострадавшие были, но потом стало спокойно, турков-месхетинцев увезли из Узбекистана в Россию.

Впереди колонны шёл БТР с разведчиками на броне. Уже ближе к вечеру добрались до блокпоста взвэшников. Сложенный из железобетонных блоков с пулемётом наверху, пост был неплохим укрытием. Им поступила команда остановиться и только утром продолжать движение к Грозному. Машины съехали с дороги в поле. По периметру выставили охрану. Прапорщик Вялов взял свой автомат, подмигнул Виктору.

— Ты давай не унывай, утром свидимся. Эх, паря, жизнь всё же непростая штука! — Открыл дверь и шагнул с подножки на землю, только были слышны удаляющиеся шаги.

Виктор остался спать в кабине машины. Ночью стало холодно, накинул на себя бушлат, поворочался и забылся тревожным, хлипким сном. В тёмном небе появились две осветительные ракеты. Они висели над ними, и по машинам открыли сначала миномётный огонь, потом стали стрелять из автоматов. С крыши блокпоста ответили частыми пулемётными очередями, трассеры рассекали ночную темень, улетали вдаль.

Витька проснулся и первое время не мог понять, что происходит. Схватив автомат, выскочил из кабины и бросился вниз. Лежал на мёрзлой земле, уткнувшись в неё носом. Ему хотелось превратиться в невидимую мышку, в жучка и спрятаться подальше от минных осколков. От их попаданий загорелся рядом стоящий БТР, колёса стали чадить едким дымом, из него испуганно выскочили несколько солдат и исчезли в темноте. Стрельба прекратилась внезапно, как и началась. Стало тихо. Только одиночные выстрелы слышались где-то в стороне от них.

Витьку ранило осколком в грудь, и он почувствовал невыносимую боль. Стянул с себя тяжёлый бронежилет и прижал руку к груди, откуда сочилась кровь, тихо постанывал, лёжа в небольшой канаве лицом к звёздному небу. Ему казалось, что они падают на него, и он закрыл глаза. Очнулся от того, как двое солдат вытаскивают его за руки и несут в сторону, где стоял санитарный узик. Голова безвольно повернулась набок, и он сквозь пелену бессознательности увидел лежащего на земле прапорщика Вялова. Лицо у него было полотняным, каска слетела с головы и лежала рядом, руки раскиданы в стороны, словно он хотел улететь из этого проклятого места.

Пролежал Виктор в госпитале почти четыре месяца, и его комиссовали. Пока был там, в семье умерла бабушка. Перед тем как уйти из брэнного мира, она попросила Никодима Валерьяновича свозить её в церковь. Она стояла перед иконой, молилась и крестилась дрожащей от старости рукой. Обычно бледная лицом, а в ту минуту оно казалось миротворённым. Потом подошла к пожилому священнику и говорила с ним несколько минут. Она чувствовала, как силы

покидают её. Спустя неделю к вечеру тихо отошла, но перед смертью сильно хотела повидать Витьку — своего касатика.

Рыхловатый снег ещё лежал на поле за домом, он уже подтаял, и чернела местами земля. Солнце по-весеннему блестело сверху, и мутные воды стекали по дороге вниз к оврагу.

Весной овчарка Эльза несколько дней скулила и не находила себе покоя, перегрызла толстую верёвку, сбежала из будки. Возле посёлка стали появляться волки, они приходили каждое воскресенье ночью и были на окраине возле старого амбара, наводя страх на людей. Так продолжалось с месяц. Двое охотников, Лёвка Мамлев и Никита Колотов, выходили несколько раз в засаду, но волки, словно чувствуя, обходили стороной посёлок, а их вой слышался вдалеке возле самого озера. «Случайная стая, может, уйдут дальше в тайгу», — решили они и больше не выходили на ночное дежурство, правда для остротки несколько раз постреляли в воздух, отпугивая стаю. Лесные хищники ходили по своему таённому маршруту, и так выходило, что в воскресенье оказывались возле посёлка.

В стае их было несколько — так охотники определили по следам. Матёрый волк, волчица, три переярка и два волчонка, рождённые в этом году.

Жители посёлка не выпускали собак из домов, боялись, что их могут порвать. Мать Виктора так и думала, что Эльзу, наверное, увели с собой серые хищники. Искать в лесу она не осмелилась, а только выходила недалеко от дома и громко звала её.

Прошло два года, как Виктор вернулся из армии. Женился на учительнице начальных классов Ульяне Костровой, у них появился ребёнок, девочка Настя. Сам он заочно окончил техникум и работал механиком в леспромхозе. Как-то незаметно на работе его стали называть по имени-отчеству, да ему и самому нравилось, когда к нему обращались Виктор Ананьевич. Сперва его так стала называть главный бухгалтер Лидия Павловна, а потом и остальные подхватили. Ему казалось, что он ещё молод, чтобы так к нему с уважением относились, стеснялся, но потом привык.

В конце лета он собрался поохотиться несколько дней в тайге. С вечера собрал рюкзак, приготовил надёжную отцовскую двустолку ИЖ-27. Рано утром, как только появился мутный серый рассвет и у соседей прокукарекал петух, Виктор проснулся и стал не спеша одеваться, припоминая, всё ли он взял с собой. Тайга ошибок не прощает. Потом попил крепкий чай на кухне, заглянул в детскую комнату, где спали жена с дочкой, поцеловал их обеих и вышел из дома. До заимки ходу было примерно километров семь. Сразу за посёлком сначала нужно подняться на невысокую сопку, а дальше вниз, петляя по известной ему тропе до избушки, которую они построили вместе с отцом. Она была небольшая, приземистая и срубленная из крепких сосновых брёвен. Крыша двускатная, покрытая талью, с торчащей чугунной трубой. Внутри отец выложил из красного кирпича печку, с ней было тепло даже в сильные морозы. Совсем рядом внизу шустро бежала светлая речка. Её вода была такой прозрачной, что можно разглядеть на дне серые камешки, и в ней водился хариус. Удился и плотва, её можно было поймать возле берега в спокойной воде.

В конце августа погода стояла тихая, тёплая, солнце ещё ярко светило, но по ночам температура понижалась, и в низине оврага возле речки стояли густые белые туманы. Виктор добрался до своего места. Отворил незапертую дверь, и на него пахнуло застоявшимся воздухом. Зайдя внутрь, сбросил с плеча тяжёлый рюкзак, поставил ружьё возле двери и вышел наружу. Сел на сколоченную из досок скамью, вытянул устало ноги и глубоко вздохнул. В высоком небе кругами летала большая птица, она делала сильные взмахи крыльями и парила, высматривала себе добычу. Воздух, настоящий на со-сновой хвое, на разнотравье, с непривычки вскружил голову. Врачи рекомендовали ему прогулки по лесу и целебный воздух. В госпитале ему удалили часть лёгкого.

Виктор взял удочку и спустился вниз к быстрой речке. Стеснённая высокими глинистыми берегами, она сверкала светлой и незамутнённой водой. Как только красный поплавок встал, так тут же дёрнулся и пошёл вниз. Появилась первая поклёвка. Виктор подсёк и вытащил поблескивающего на солнце хариуса. За короткое время наловил несколько рыбин и подумал, что этого будет достаточно на ужин. Поднялся по крутому берегу обратно к избушке. Под навесом были сухие дрова. Расчистил от прошлогодней хвои место на земле, развёл костёр и поставил на него котелок с водой. Вскоре уха была готова, и он с удовольствием поел. Потом решил сходить в лес осмотреться, где можно будет поохотиться. Закинув за плечо ружьё, пошёл в лесную чащобу, где редко бывал, да и она разрослась за годы. Над головой тревожно подала голос сойка, словно предупреждая о чём-то недобром. Виктор вышел на звериную тропу и увидел волчьи следы. Они петляли между деревьев, оставляя следы на мягкой земле. Их было несколько. Он присел на корточки и стал пристально рассматривать. Большой след оставил вожак стаи, рядом след поменьше, но он не был похож на волчий, а скорее на собачий, и несколько отпечатков, они принадлежали маленьким, прибыльным волчатам. «Наверное, недалеко их логово», — решил он и, сняв ружьё с плеча, тихо ступая на землю, пошёл в сторону небольшого озера, заросшего по берегам камышом и кустарником.

Солнце светило ему прямо в глаза. Раздвигая густые ветки, Виктор оказался на берегу озера. Оно серебрилось под тихим, просторным небом. Послышался всплеск крупной рыбы, появились круги на воде. Так щука гонялась за своей добычей — плотвой. Ему захотелось пить, он провёл языком по сухим губам. Стянул со спины рюкзак и достал фляжку с водой, сделал глоток и почувствовал чей-то взгляд с другого берега. Замер, не двигаясь, и стал пристально всматриваться в прибрежные кусты. Увидел серый силуэт крупного волка. Тот стоял неподвижно, повернув голову в его сторону. Вожак и раньше встречал людей в лесу и, почувствовав их запах, обходил стороной. Он помнил, как в него стреляли два охотника зимой, когда вышел на дорогу. Увидев его, они сняли с плеч ружья и почти одновременно нажали на спусковые крючки. Одна пуля пролетела рядом с головой, а другая попала в грудь, но прошла по касательной, не принеся ему вреда.

Вожак вышел из кустарника и не спеша пошёл вдоль берега озера почти у самой кромки воды. Мелькнул крупным телом ещё раз и исчез в густоте леса. У Виктора от нахлынувшего волнения

зачастило сердце, в ружье были патроны только с мелкой дробью. Он вынул из патронташа два патрона с пулями, перезарядил на всякий случай ружьё и, держа его в руках, отправился обратно, с тревогой посматривая по сторонам.

Вход в волчье логово был незаметен, его накрывали ветки поваленной в прошлом году сосны, когда молния ударила в дерево. Эльза лежала, положив тяжёлую голову себе на вытянутые лапы, и поводила ушами, вслушиваясь в тишину. Из норы появились два щенка, они принялись играть, хватая друг друга зубами за шерсть. Рыкнула на них, оскалив зубы, чтобы замолчали. Собака поджидала с охоты вожака, он убежал вечером и ещё не вернулся, но среди деревьев она увидела, как мелькнула его тень. Встала с места, сделала несколько шагов ему навстречу и остановилась. Волк вернулся с удачной охоты и принёс в своём желудке пищу. К нему подбежали голодные волчата и стали лизать морду и губы, давая понять, чтобы он накормил их. Тогда он срыгнул на землю уже наполовину переваренного зайца.

Возвращаясь обратно в избушку, Виктор добыл пару рябчиков. Одного сразу снял на сухой берёзе, а другой от звука выстрела неожиданно поднялся из травы и, чая крыльями, полетел на большую ель. Он навскидку удачно попал в птицу.

Каждый день Виктор выходил в лес и замечал новые следы волка, который кружил, словно выслеживая его, но не показывался на глаза. Несколько раз слышал волчий вой, раздававшийся совсем недалеко, ему отвечали два звериных голоса. В волчьей семье молодых волков-переварков изгоняют, чтобы они жили самостоятельно, но, когда нужно вместе охотиться, вожак их зовёт обратно в стаю. Виктору от таких звуков становилось не по себе, он просыпался ночью и не мог потом уснуть, лежал на топчане, ожидая слабого рассвета. Выходил из избушки, поднимал ружьё вверх и несколько раз стрелял в воздух. Становилось тихо. Прошло два дня, и он уже решил возвращаться обратно домой. Собрал рюкзак, вышел из заимки, дверь не стал запирать на замок и присел возле неё на старый пенёк.

В глубине леса послышался тревожный голос невидимой сойки. Она, как верный страж, предупреждала всех лесных жителей об опасности.

Виктор поднял глаза и замер от неожиданности. Он увидел, как из-за деревьев не спеша вышла крупная чёрная собака, а за ней бежали два щенка. Их окрас повторял масть матери. Собака остановилась, вытянула вперёд голову с умными глазами и завиляла хвостом.

— Эльза, Эльза, иди ко мне, — тихо позвал Виктор, а у самого на глазах навернулись слёзы. Он никак не ожидал встретить свою собаку в лесу через несколько лет.

Овчарка в два прыжка оказалась рядом, подпрыгнула, упёрлась лапами ему в плечи и встала, поскуливая и вылизывая его сырое лицо. Виктор обнял её за шею и прижал к себе. Волчата стояли в стороне, опасаясь подходить ближе, для них человек был опасен. Эльза привела их показать своё потомство. Она несколько дней появлялась возле избушки, стояла в отдалении и смотрела. Учужья знакомый запах, как только он появился в лесу и шёл по тропе. Овчарка легла возле ног, положив голову на передние лапы. Виктор гладил руками её густую шерсть, от волнения в груди сильно билось сердце.

Со стороны озера послышался протяжный волчий вой, это вожак звал самку к себе. Эльза вскочила с земли, сильное тело её напряглось, голова тревожно повернулась в сторону, откуда раздавались звуки.

Она посмотрела на Виктора, словно прощаясь навсегда, и ринулась между деревьев по высокой траве, а волчата, сидевшие в стороне, перебирая лапами, заспешили к ней. Они быстро скрылись из виду, только сойка снова тревожно прокричала.

Пока Виктор шёл по тайге, возвращаясь домой, ему всё казалось, что чёрные глаза Эльзы следят за ним.

Поздней осенью, когда выпал первый снег, принеся с собой морозы, волчья стая ушла дальше в тайгу и больше не появлялась возле посёлка.

Николай ГЛУМОВ

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ СТИХОВ ПРЕД ХОЗЯЙКОЮ ДОМА. Стихи

* * *

Россия и бездна едины,
И вдруг в сновидения миг
В мой мозг, словно нож серафима,
Имперский наш демон проник.

И в дверь мою стукнул. Открыл я.
Из сердца вдруг вырвался стон —
Уж слишком сей юноша милый
Был дивной красой наделён.

Уж слишком он быстро примчался
На мой безрассуднейший плач.
Уж слишком бесстрастным казался,
Презревшим чреду неудач.

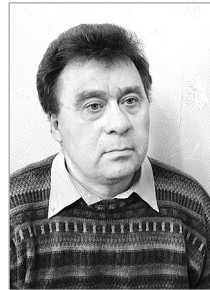
Я долго ему улыбался...
Недавний свой стих прочитал...
Напрасно так сильно старался —
Я Русь без одежд увидал...

В Российской империи тайны,
Что лучше не знать никому,
Проник я, сновидец случайный
(Что страшно теперь самому).

С прошедшего спали оковы
И час мой последний настал —
Малевичем стать не готовый,
Я чёрный квадрат рисовал.

Расстрелянного Николая,
Распятый Советский Союз...

Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета имени А. М. Горького (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время — рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского I, II, III степени (2022, 2020, 2011). Лауреат премии имени А. Решетова (2015), Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016). Живёт в городе Перми.

Над Русью, как ангел, витая,
Как пасынок сталинских муз.

Сменялись российские царства,
Ничтожество гений сменял...
Я русские наши мытарства —
Я нашу шинель примерял...

Вдруг व्यюнош исчез. Стало грустно.
Русь сжалась до строчки моей.
Грудь стиснуло страшное чувство
Ничтожности нынешних дней.

Ничтожности жалкой персоны,
В которой я срок отбывал.
Я бросился к двери, влюблённый
В Империи злой идеал.

И встав пред распахнутой дверью,
Непризнан, нечёсан, несмел,
С предчувствием близкой потери
В Империю-бездну смотрел.

* * *

О Пушкин! Русский гений смуглоликий!
Насмешливый и ветреный слегка,
Российский Зевс, ужасный и великий,
Глядящий на потомков свысока.

О Лермонтов! Лорд Байрон обрусевший!
Принявший пулю в час свой роковой,
Талант к стихам прекраснейшим имевший,
К поэзии, возлюбленной толпой.

Вы прописали жизнь Руси до гроба,
Вы предсказали каждый русский шаг,
И не найти буржуа и холопа,
Который бы не знал, что это так.

Что к русским слово гордое «свобода»
Приходит на короткий только миг.
Оно проходит, как чужая мода,
Как чуждый нам навязанный язык.

Что мы должны под сенью президента,
Генсека, императора, царя
Вкушать судьбы заветные моменты,
Пришедшие лишь им благодаря.

Что хорошо быть русским в русском мире,
Вставать, ложиться, просто водку пить,
И, запершись в Империи-квартире,
Жене и стенам правду говорить.

* * *

Страна, позабывшая данное богом название.
Похоже, в Европе. Похоже, на самом краю.
Последних любителей книжного слова собрание,
Всех тех, кто пока что остался в последнем строю.

Вечернее чтение стихов пред хозяйкою дома.
Штук восемь бутылок. Когда-то известный поэт,
Читающий гражданам стих свой когда-то знакомый,
Когда-то написанный (славный доселе) сонет.

Все слушают стих нескончаемый, мерный, тягучий,
Как будто бы в детстве заморскую жвачку жуют,
Как будто бы в поле шагают под чёрною тучей
И что-то куда-то в тяжёлых котомках несут.

Дочитан сонет. И чрез пару мгновений молчанья
Мужчины и дамы — все хлопают дружно ему.
И гром сотрясает поэта, квартиру и зданье,
И даже саму позабывшую имя страну.

Потом все встают и, допивши вино из бутылок,
Попарно выходят в забывшую имя страну,
И смотрят стране той в мальчишеский круглый затылок,
И дружно твердят, что пора отправляться ко сну.

Неспешно расходятся странные божьи создания.
Хозяйка на старом диване заснула одна.
А следом заснула страна, что забыла название,
И сон ей приснился, что вспомнила имя она.

* * *

Слов любви от граждан скрыть не в силах,
Прозревая гибель впереди,
Я восстал, как Йорик, из могилы,
Слово-шпагу вынул из груди.

И шагнул к скучающему залу,
И вонзил в него свои слова,
Ведь мгновенье нужное настало,
Ведь моя кружилась голова.

Произнёс. Подумал. Рассмеялся.
Постоял. Потупил пылкий взор.
Понял, что опять перестарался.
Старый мальчик. Грустный мушкетёр.

Понял, что во тьме большого зала
«Быть или не быть» в сто первый раз
Слишком станиславски прозвучало.
Слишком школьно. Слишком напоказ.

Что ж, на сто второй, многострадальный,
Применив актёрский навык свой,
Зал зажгу средневековой тайной,
Зал сразу великою игрой.

А пока не плачу, не зову я,
Не кляню талант, что слишком мал,
Йориком бреду в свою пивную
Пить за то, как славно я играл.

* * *

Я дворянин. Я русский князь.
Как жизнь и смерть неразделимы,
Так между мной и Русью связь
Как никогда крепка и зрима.

Как никогда я чую Русь,
Холопов мелкие заботы,
И предсказать стихом берусь
Судьбы имперской повороты.

Уходит мелкая шпана,
Лишь стихотворцы остаются.
Россия встрянет ото сна,
Поэты русские очнутся...

И вложат русских песен грусть
В свои великие творенья,
И бедный люд узреет Русь
В её небесном облаченьи.

* * *

Спиртное возвращает ностальгию,
И прямо из стакана предо мной
Всплывают годы детские, простые,
Всплывает детство, ставшее судьбой.

Дорожки сада. Ласковые кошки.
Четыре ровно. Старенький барбос,
От счастья надоедливый немножко,
Суёт в мою ладошку мокрый нос.

Прекрасен грустный шелест грустных веток,
Печален средь дорожек старый пёс,
И дождь весенний вновь пуглив и редок,
Но ощутим, как мокрый пёсий нос.

И снова грежу обретённым домом
И обретённым садом и судьбой,
И кажется до детских слёз знакомым
Скрип гравия под детскою ногой.

И позабыв убогую квартиру
И череду своих убогих дней,
Я к этому мечтательному миру
Привязываюсь с каждым днём сильней.

* * *

Посвящается
жене Татьяне

Грустный стих нашей грустной судьбы
На тетрадном листке предо мной.
В нём наш город, и звёзды, и ты,
В нём наш город, что стал нам судьбой.

В нём нельзя ничего изменить,
В нём написаны только для нас
Двух судеб очень тонкая нить,
Двух судеб очень грустный рассказ.

В нём написана только для нас
Наша грустная, снежная Русь,
И добавить луч солнца в рассказ
Даже я никогда не возьмусь.

Потому что не мной вплетены
В ткань стиха этот град за окном,
Эти звёзды, печалью полны,
Эта Русь, покорённая сном.

Нам осталось смотреть за окно
(Перед тем, как уйдём навсегда)
На России небесное дно,
На осколки небесного льда.

Виктор РЫЧКОВ

ВСЕ МГНОВЕНИЯ ЛУЧШИЕ ЗДЕСЬ ПРОНЕСЛИСЬ. Стихи

Перевёл с коми-пермяцкого Андрей Расторгуев, г. Екатеринбург

ДАВНИШНЕЕ

Лошадь старая еле плетётся,
Держит морду не выше колёс...
Сдать на бойню, похоже, придётся —
Отработала... Жалко до слёз.

С нею смолоду вместе пахали,
Боронили, косили луга.
Силы дочиста все отдавали —
Грязь месили, тропили снега.

Надрывались — нагружены лишку,
Лес тянули, возили зерно.
Дам короткую ей передышку,
Напою — и опять под ярмо...

Вот и выдохлась... Как извиняюсь
Я, кормилицу глядя мою,
С ноги на ногу переминаюсь,
Слёзы горькие медленно лью.

Виктор Васильевич РЫЧКОВ родился 16 февраля 1959 года в деревне Трошево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области. Писатель, краевед, общественный деятель. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1981), работал преподавателем истории и обществоведения в школе № 9 г. Кудымкара. Окончил Уральский социально-политехнический институт (1991) в Свердловске (ныне — г. Екатеринбург), Российскую академию государственной службы при Президенте РФ в Москве (2002). С 1983 года на выборных должностях в молодёжной общественной организации, затем преподавал, работал в партийных и советских органах. В 1994 году принят на государственную службу и назначен начальником отдела, затем заместителем главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа. С декабря 1997-го по 2000 год — Полномочный представитель Президента РФ в Коми-Пермяцком автономном округе (КПАО). Заместитель главы администрации КПАО (2001–2008), возглавлял государственную приёмную Уполномоченного по правам человека в Пермском крае в г. Кудымкаре (2010–2012). Исполнял обязанности министра по делам Коми-Пермяцкого округа (2012–2020). Литературным творчеством начал заниматься в начале 1990-х годов, автор сказок для детей. Первые стихи на коми-пермяцком языке были опубликованы в окружной газете «Парма» (г. Кудымкар), литературно-художественных сборниках «Иньва», «Искорка». Первая книга под названием «Оланлӧн шӧрт» («Нить жизни») была издана в 1997 году и включала поэтические произведения на коми-пермяцком языке. Первый сборник стихов вышел в свет в Коми-Пермяцком книжном издательстве (1997). Его стихи переведены на русский, коми-зырянский, удмуртский, марийский, эстонский, французский языки. Удостоен литературной премии имени Михаила Лихачёва в области прозы (премия Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа) за книгу «Рӧма вӧттэз» («Цветные сны») (2011).

ХЛЕБ

В доме он хозяином зовётся:
Хлеб насущный — голова всему.
Есть он — и прохожему найдётся.
Нет его — напяливай суму.

Хлебом поминаем тех, кто в небе
Ожидает наших новостей.
Песни есть хорошие о хлебе.
Хлебом-солью потчуем гостей.

Мудрость эту каждый понимает.
Отчего ж среди размытых глин,
Словно слёзы, зёрна рассыпает
У деревни недожатый клин?

ДАЛЁКАЯ ЗВЕЗДА

Чтобы идущий всегда
Видел дорогу и реку,
Свет отдалённый звезда
Каждому шлёт человеку.

Чтобы в пути не юлил,
С добрым не путал худого,
Попусту слёзы не лил,
Силы берёг для живого.

Зёрна от плевел везде
Мог отличить без обмана...
Верим далёкой звезде —
Жаль, если скатится рано.

ВЕСНА ИДЁТ

Гляди — темна проталина до дна.
Весной запахла проблески рассвета.
Она согрета ожиданием лета,
Озарена и вновь открылена.

Ещё чуть-чуть, и парма оживёт —
Омоется ручьями, пробудится,
Покажутся подснежники и птицы,
И загремит на Иньве ледоход.

* * *

День за днём стремиться в гору
Нам не надоест —
Каждый на свою Голгофу
Ташит тяжкий крест.

ВЕЧНОЕ

До меня
День светился и падала ночь,
Таял снег и катился потоками прочь.
И опять над землёй поднималась трава,
Распускалась и вновь облетала листва.

Я живу —
и свеча оплывает моя.
Повидал я немало иные края,
Но когда оглянусь на закатную высь —
Все мгновения лучшие здесь пронеслись.

А уйду —
Ничего не изменится вдруг.
Так же будут шептаться деревья вокруг,
Птицы звонкие петь в тишине надо мной
И кружить по орбите своей шар земной.

* * *

Березняк на косягозе к осени
Обметает небо голубое.
По соседству молодые сосенки
Шепчутся о чём-то меж собою.

Не сойтись им вместе по-хорошему,
Не сплестись от корня до макушки,
Как бы свежий ветер ни ерошил им
Без того лохматые верхушки.

Вот и нам с тобой, похоже, выпало
Жить, не совпадая клеткой каждою.
Видно, мы любовь до капли выпили,
Хоть себя обманываем жаждою.

Любовь БОТАЛОВА

НЕВЕЗУЧАЯ. Рассказ

— Ох и невезучая ты, Любка, — ухмыльнулась соседка, когда та в очередной раз упала, разбив коленки. Любка вначале не обратила внимания на слова соседки, но потом, лежа на диване с ноющей от боли ногой, задумалась, почему же соседка такое ей сказала.

Любка гладила свою раненую коленку, пытаясь понять, в чём причина, что её называли невезучей? Может, в том, что она часто спотыкается, падает, разбивая коленки, и рвёт свою одежду? Но разве она виновата, что ей нужно везде успеть? Вот потому часто не идёт шагом, а несётся бегом. Она пытается помочь маме с младшими сёстрами, погулять с подружкой, сходить к бабушке. Разве это плохо? Любка лежала, думала и незаметно заснула.

Утром, встав, как всегда, очень рано: она очень любила утренние часы, когда вставало солнышко, запевали птички, с реки тянуло свежим влажным воздухом, — вышла на балкон и, раскинув руки, улыбнулась и прошептала:

— Здравствуй, солнышко! Птички мои, здравствуйте!

Синички действительно были Любкины — она подкармливала их всю зиму. Увидев её на балконе, птички начинали чирикать, приветствуя девочку. Постояв, любясь восходящим солнцем, несколько минут, она почувствовала, как утренний холодок пробежал по ногам, и зашла в комнату. Все ещё спали, и Любка вновь легла в постель, согреваясь от утренней прохлады. Ей было хорошо и уютно, но что-то внутри не давало покоя. Вспомнив слова соседки, она почувствовала горечь и обиду. Почему её считают невезучей?

Любка начала анализировать свою ещё такую короткую подростковую жизнь. Вспомнила обидные слова учительницы в третьем классе. Тогда в школьной столовой дали манную кашу с комочками и за их столом никто из ребят не стал эту кашу есть, учительница только ей, Любке, сказала:

— А ты почему не ешь? Ладно другие не едят, избалованы, а ты чего копаешься? Семья многодетная, у вас, наверное, и такой каши нет.

Любку как ушатом холодной воды окатили тогда. Семья действительно была многодетная, детей было пятеро. Может быть, у них не было разносолов, но они никогда не голодали. У них всегда были и завтрак, и обед, и ужин, а по выходным мама стряпала шанежки или пекла блинчики. Семья была хорошая, дружная. Отец всегда находил для них время и на лыжах сходить, и книги по вечерам вслух читать.

Любовь Прокопьевна БОТАЛОВА родилась 16 мая 1954 года в городе Чернушке Пермской области. Окончила Кудымкарское педучилище, филологическое отделение Пермского педагогического института, юридический факультет Удмуртского госуниверситета. Работала в школе, в горкоме ВЛКСМ, в районном и окружном управлениях сельского хозяйства, в территориальном отделе Госкомсевера РФ, окружной администрации, Министерстве по делам Коми-Пермяцкого округа. Автор сборника стихов «Кредо» (г. Кудымкар, 2017).

Это же счастье — иметь большую дружную семью! Почему это не понимала учительница?

Может, невезение — тот вечер, когда Любка пришла в школу, сшив себе новое платье, а одноклассница подошла и хихикнула:

— А у меня домашний халатик из такой ткани.

Конечно, платье было сшито из недорогой ткани, но Любка шила его по модной выкройке и очень гордилась, что оно получилось таким замечательным. Однокласснице она ничего не ответила, но на душе стало так противно.

«Зачем она это сделала? Хотела унижить меня или позавидовала?» — думала Любка, но не поддалась плохому настроению и старалась веселиться и танцевать.

А может, невезение — это те случаи, когда записку, предназначенную тебе от мальчика, перехватили и не дали даже прочитать, или когда соседская девчонка крикнула, что она ненавидит Любку, потому что её одноклассница дружит с Любкой, а не с ней.

Ещё долго Любка лежала и вспоминала, что с ней происходило в жизни. Случалось ведь не только плохое, но было много хорошего и радостного. Например, она с удовольствием гостила у бабушки в деревне. Там ей нравилось всё: в раннее утро выйти на улицу, вдыхать свежий воздух, пахнувший травами и цветами, с подружкой ходить за грибами и ягодами в лес. Она пила парное молоко, ела пирожки с пистиками (местным деликатесом — ростками полевого хвоща), впервые попробовала медовые соты, которыми её угостил деревенский пчеловод.

А смешной случай, который произошел с ней, не знающей местного языка. Они с подружкой Настей пошли в соседнее село за продуктами. По дороге в деревню их догнала машина, и шофёр предложил подвезти их. Девчонки тащили большие сумки с продуктами и, конечно, согласились. Девчонки ехали в кузове грузовой машины, и чтобы спуститься с машины, пришлось проявить ловкость и аккуратность, так как были в платьях. Рядом с дорогой стояли молодые люди и разговаривали. Любка не понимала, о чем они говорят, но, услышав знакомое, где-то слышанное слово «чишьян» — платок, сказала:

— Да, надо было надеть платок, жарко.

Парни расхохотались. Ничего не поняв, Любка заторопилась домой. Настя, подружка, еле догнала бежавшую по дороге Любку. Настя знала коми-пермяцкий язык и объяснила Любке, почему они так смеялись:

— Ты перепутала два слова: «чишьян» — платок и «вешьян» — штаны. Звучат похоже. А они просто сказали, что в штанах надо на машине ездить, а не в платье.

Девчонки посмотрели друг на друга и прыснули со смеха. Любка по привычке сразу запела: «Подари мне платок...».

А привычка что-то напевать у Любки с раннего детства была. Не успеет утром проснуться, как начинает мурлыкать себе под нос. Если на улице с утра было солнышко, Любка могла начать утро с бодрой песни: «Солнышко светит ясное, здравствуй, земля прекрасная!», а если с утра было пасмурно, то грустно звучало: «Скоро осень, за окнами август...» Если она слышала какую-то песню по радио, то тогда она могла напевать её весь день.

В течение дня Любка могла спеть несколько песен, а бывало, что весь день она напевала одну и ту же фразу. Как-то сосед, встретив

Любку во дворе, придя с работы и услышав её мурлыканье, спросил: «Ты всё ещё утреннюю песню поёшь или уже другую?» Бабушка не раз ей пеняла:

— Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

Но привычка всё время петь была сильнее Любки. Она пыталась какое-то время молчать, но молчание давалось тяжело, и поэтому она опять начинала напевать. Так и росла с песней на устах.

А как она полюбила бабушкиного телёночка Мишку, что была неразлучна с ним целыми днями! С утра уходила за деревню, выбирала хорошую полянку, привязывала телёнка и сидела рядом, загорая или читая книжки, напевая свои песенки. Однажды, загорая, она уснула и не заметила приближающийся дождь. Когда спохватилась, дождь уже вовсю лил. Но вместо того, чтобы накинуть курточку на себя, Любка натянула её на спину телёнку и побежала с ним домой. Полностью промокшая, но довольная, что любимого телёночка прикрыла от дождя и холода, она завела Мишку в ограду и вошла в дом. Бабуся встретила Любку упрёками:

— Ты что, глупая, делаешь? Вся промокла! Простынешь ведь! Зачем ты телёнка курткой укрыла?

Любка сквозь слёзы ответила ей:

— Мишку жалко было, не хотела, чтоб он промок и заболел.

Бабушка растёрла Любку, дала сухую одежду, напоила горячим чаем с малиновым вареньем и уложила в постель. Обошлось! Любка не заболела.

Утром бабуся, угощая внучку любимыми блинчиками, объяснила ей, что у телёнка шкура толстая и он не замёрзнет под дождём, а вот она, Любка, может простыть и заболеть.

Любка не преминула ответить бабусе песенкой:

— Закаляйся, если хочешь быть здоров!

Бабуся улыбнулась, махнула рукой и проговорила:

— Ну что с тобой сделаешь, птичка ты моя певчая!

Вот так Любка лежала, вспоминала свою жизнь. А что такое невезение? Любка вдруг задумалась над смыслом слова «невезение», решив, что, может, она что-то не понимает. Она соскочила и рванулась к книжной полке, нашла «Толковый словарь русского языка» и прочитала: «Невезение — несчастливое стечение обстоятельств, постоянное отсутствие удачи». Любка прочитала и вдруг рассмеялась: «Глупая же я! Какое постоянное отсутствие удачи? Ведь есть моя семья: мама, папа, сестрички. А бабушка? А подружки? А книги? А солнышко, природа, птички? А любимый учитель математики Юрий Александрович, сказавший, что Любка у него — любимая ученица? А сама математика — царица наук? Да в мире столько хорошего, что какие-то глупости и неприятности не идут в сравнение с этим! Никакая я не невезучая. Я — счастливая». От этих мыслей Любка успокоилась и уснула.

Спи, Любка, спокойно. Невезучая — не про тебя. Нет! В твоей жизни будет много хорошего и плохого! Но ты всегда останешься смелой, независимой и верной себе, будешь защищать слабых, бороться за справедливость, радоваться жизни.

Будь счастлива, Любка! Да, наверное, это правда, что ты — счастливая.

Любовь КОСОВА-СТАРЦЕВА

ГОЛУБОК ВОРКУЕТ С КРЫШИ. Стихи

ЗВАТЬ СОБАЧКУ СЕРКО

Звать собачку Серко,
Ходит в шубке серой.
Шубку я украшу,
Угольком раскрашу.

Перевод с коми-пермяцкого А. Шадрина

БЕЛЫЙ БИМ — СОБАЧКА НАША

Белый Бим — собачка наша,
Нет вокруг собачки краше.
Глазки радостно сверкают,
Хвостик весело виляет,
Нос темнеет шоколадкой,
Как снежок белеют лапки.

Перевод с коми-пермяцкого А. Шадрина

КОРОВУШКА ПЛАЧЕТ

Му да му мычит корова,
В лес не хочется ей снова.
Топают ногами
Да трясёт рогами:
Там гуляют мишки,
Там кусают мошки.

Беля, Беля, в лес иди,
Травку вкусную найди.
Дружно топнем вместе,
И медведь исчезнет.

Любовь Афонасьевна СТАРЦЕВА (КОСОВА) родилась 10 октября 1959 года в деревне Палёво Верх-Иньвенского сельского совета Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа. Окончила Кудымкарский лесотехнический техникум (1980), филологический факультет Удмуртского государственного университета (1991). Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России (2007). Живёт в городе Кудымкаре.

Топа-топа-топа-топ,
Толай весело, дружок!

Бея, Бея, в лес шагай,
Травку сочную срывай.
Мы руками хлопнем,
Комаров прихлопнем.
Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп,
Хлопай весело, дружок.

Перевод с коми-пермяцкого А. Шадрина

ЗАЯЦ-ЗАЙЧОНКА

Заяц-зайчонка
В белой шубёнке,
Выйди из леса,
Встань с нами вместе.
Прыг да скок, прыг да скок —
 Не жалеет заяка ног.
Заяц-зайчишка,
Хвост-коротышка,
Прыгать кончай,
Петь начинай.
 «Ля-ля-ля, ля-ля-ля!» —
 Запевает детвора.
Заяц-трусишка,
Быстро бежишь ты.
Шаг прибавляй,
Нас догоняй!
Прыг да скок, прыг да скок,
 Скачет заяка со всех ног.

Перевод с коми-пермяцкого А. Шадрина

ГОЛУБОК ВОРКУЕТ С КРЫШИ (колыбельная)

Голубок воркует с крыши,
Серко-пёс из будки вышел,
Котик песню напевает,
А малыш наш засыпает.
Спи, малыш-цыплёночек,
Вася-Василёночек.

Голубок, воркуй потише,
Чтобы маленький не слышал.
Или лучше помолчи,
Пусть наш маленький поспит.

Спи, малыш-цыплёночек,
Вася-Василёночек.
Ты не лай, собачка Серко,
Спит наш маленький в постельке,
И ты, котик, пой чуть слышно,
Не мешайте спать малышке.
Спи, малыш-цыплёночек,
Вася-Василёночек.

Перевод с коми-пермяцкого А. Шадрина

МУКА ИЗ ПНЯ

Жил в лесу медведь лохматый.
Мох снимал когтистой лапой.
Бил трухлявые пеньки,
Раздирая до муки.
Раскидал муку из пней,
Пусть растёт малина в ней.

Перевод с коми-пермяцкого А. Сукгоевой

Ирина ДУЛЬЦЕВА

ЕДУ В ДАЛЬНИЕ Я ДАЛИ!

Цикл «Отпускной». Стихи

ГЕРАНИ БАБУШКИ ТАНИ

В деревне у бабушки Тани
Растут сортовые герани:
Герань цвета «алая зорька»
Запряталась в спальне за шторкой,
Герань с розоватым отливом —
На кухне, где чай пьём с малиной.
Как белое платье невесты —
На полке нашла своё место,
Бордовый цветок у окошка —
Любуется им наша кошка.
Коралловый цвет — у камина:
Уютно, тепло и красиво.
Герань королевская в моде,
В прихожей она, на комодке.
Такую вот вносит гармонию
В бабулину жизнь пеларгония!

НАХОДКА ИЗ ЧУЛАНА

Этим летом я в чуланчик
Ненароком заглянул,
И нашел совсем случайно
Мамин старенький баул.
Расстегнул замок тихонько:
На меня глядит она
Через маленькую шёлку,
Кукла мамина одна.
Но она уже без глаза,
И оторвана рука.

Ирина Леонидовна ДУЛЬЦЕВА родилась 1 марта 1977 года в селе Ошиб Кудымкарского района. После окончания Гуринской средней школы в 1994 году поступила в Сыктывкарский государственный университет, на финно-угорский факультет. В 1999 году окончила университет, получив специальность «Филолог. Журналист». Работала корреспондентом в газете «Парма-Новости», затем около 10 лет в окружной газете «Парма» журналистом, заместителем главного редактора газеты. С 2018 года — специалист Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Литературным творчеством занимается с юности: пишет стихи для детей, рассказы, мини-пьесы. Печаталась в окружных газетах, в детском журнале «Сизимок», литературно-художественном приложении «Парма ру», журнале «Войвыв кодзув» [«Северная звезда»] (г. Сыктывкар). В 2014 году вышла авторская книжка-малышка с детскими стихами «Дас чунёк» [«Десять пальчиков»]. Живёт в городе Кудымкаре.

Починить её бы разом,
Я подумал, а пока
Куклу чистил я от грязи
Целый день и отмывал,
Платье новое из бязи
Сшить я маме заказал.
Починил глаза и руки,
Стала куколка мила,
Будет снова нас от скуки
Веселить-бодрить она.

ЕВА-КОРОЛЕВА

Заявила смело Ева:
— Я сегодня королева!
Буду кушать, спать, играть
И приказы раздавать:
Не хочу делать зарядку,
Просто дайте полежать,
У меня свои порядки:
Целый день буду гулять!
И, пожалуйста, карету
Мне подайте ко двору!
Где любимые конфеты? —
Есть хочу их поутру...
Дайте жалобную книгу,
Чтобы были на столе:
В полдник ящик ежевики,
А на ужин крем-брюле!
Туфли, сумочки и платья
Мне купите и гамак!
Мне без них не будет счастья
Королевского никак.
Где мой паж, охрана, слуги?
Где мой замок из песка?
Жизнь пошла — сплошная скука,
Ни балов, ни волшебства...
«Королевничает» Ева:
— Это надо, то хочу...
Но «хотелки» королевы
Без короны ни к чему.

НА ВЕЛИКЕ

Гром гремит, сверкает небо,
Котик спрятался, а мне бы
Выйти в поле погулять,
Велик новый испытать!

Ливень льёт, гроза бушует,
Ветер режет провода.
Под зонтами, ног не чуя,
Все несутся по домам.

Даже кот дрожит под пледом,
Пока дождь по крыше бьёт,
Ну а мне бы, ну а мне бы
Как вписаться в поворот.

Дождь и лужи — не преграда,
Мы с «конём» погоде рады!
Я кручу, кручу педали,
Еду в дальние я дали!

Вдалеке светлеет небо,
Ну а мне бы, ну а мне бы
Облака рукой достать,
Велик будет мне под стать.

Тут и дождик перестал —
Я нисколько не устал.
Весь сырой и весь в грязи,
Велик мой, домой вези!

Ну а дома без печали
Кот довольный нас встречает.
Был обкат удачный первый,
Велик — друг теперь мой верный!

ТЁТИ-ГАЛИНА МЕЧТА

На лавке у подъезда
Сидела тётя Галя
И с дачи по приезде
Всем байку рассказала.

На грядках тёти Гали
Есть тыква аж с карету,
Какую не видали,
Каких в округе нету.

Продать бы подороже
Свой овощ она рада,
И тётя Галя сможет
На юг махнуть не глядя.

Плескаться будет в море,
Ловить медузы в банки,
Это потом, а вскоре
Финал узнаем байки...

На грядке оказалась
Лишь тыковка с клубочек,
Но верить в чудо-овощ
Хозяйка очень хочет.

РЫБАЧОК

Собрался я как-то ловить карасей,
Весь вечер готовил я кучу снастей:
Катушки, крючки, балансиры, прикорм,
Сачок, пару лесок, вдруг клонет и сом.

Палатку взял, термос, стальной котелок,
И стульчик складной, даже пару сапог,
На велик я сел и к пруду прикатил,
Тут вспомнил, что удочку взять я забыл...

Часть 3

Михаил МАРТЫНОВ**ЛЕБЕДЬ.** Рассказ

Полог стал. Его берега сковал молодой осенний лёд. Река превратилась в широкую, ровную дорогу. Мягкий, невесомый снежок надёжно укутал её своим холодным покрывалом. Широкие кроны сосен, стоящих на берегу, от снега ослепительно белые. Молоденькую черёмуху, не успевшую сбросить свои красно-бурые листья, снег пригнул до земли. На нижней ветке виднелись несколько не занесённых ещё снегом листочков. Издалека они были похожи на небольшой красноватый флажок.

На льду, возле согнутой черёмушки, около камышей, виднелся небольшой продолговатый бугорок. Такой же белый, как и всё вокруг. Ещё вчера его здесь не было. Вокруг бугорка не видно ни следа.

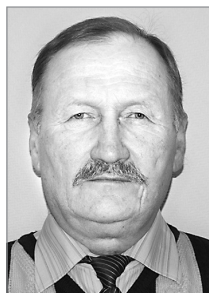
Утреннее рубиново-красное солнце медленно поднималось за нижним поворотом реки. Отдельные снежинки тут же вспыхнули маленькими малиновыми звёздочками. «Флажок» молоденькой черёмухи ярко загорелся бордовым цветом. По маленькой сосульке, висящей на одном из листьев, скатилась капелька талой воды. Затем другая, третья, четвёртая... За ними ткнулась в снег сосулька. Очень скоро вокруг зачастили сочные звуки падающих капель.

Под лучами солнца воздух немного нагрелся. Снег становился мягче. На реке громко лопнул лёд. Его звук тотчас устремился вверх по реке. Из-под сосен испуганно взлетела птица, за ней другая.

Бугорок возле камышей вздрогнул. Его правая сторона раздвинулась. Оттуда показалась длинная, с руку человека, белая шея. Это был лебедь. Он тяжело поднял голову и своими чёрными глазами осмотрелся вокруг. Долго смотрел вверх, где начали собираться мутно-серые облака. Затем опустил голову к груди и затих. Скоро он вновь спрятал её под крыло.

Прошёл час. Из-за нижнего поворота реки показались двое. У ступавшего впереди человека на плече висел рыбацкий ящик, в руке он держал ледобур. У шагавшего за ним ящик был поменьше, за спиной висел небольшой рюкзак. Шли они в сторону камышей.

Рыбаки шагали неспешно, на ходу о чём-то переговариваясь. Изредка слышался их смех. Вскоре они подошли к камышам.

Михаил Егорович МАРТЫНОВ родился 31 августа 1954 года в деревне Бачманово Чазёвского сельского совета Косинского района. Окончил Пермский государственный сельскохозяйственный институт им. академика Д. Н. Прянишникова по специальности «Экономика и организация сельскохозяйственного производства». Работал экономистом и директором совхоза «Чазёвский», председателем Косинского райпо, председателем Чазёвского сельского поселения. С 2010 года исполнял обязанности директора Косинского районного этнографического музея. Проводит исследования по истории и культуре Косинского района. Первая книга — «Селения Косинского района» вышла в 2009 году. В последующие годы изданы книги «Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XVII веков» (в соавторстве с А. С. Ниловым), «Преданья старины глубокой». Пишет рассказы для детей и взрослых, которые печатались в литературно-художественных сборниках «Иньва» (г. Кудымкар) и «Войвыв кодзув» [«Северная звезда»] (г. Сыктывкар). Краевед. Живёт в деревне Чазёво Косинского района.

Шагавший впереди как бы споткнулся и остановился. К нему вплотную приблизился и шедший за ним.

Лебедь поднял голову и громко зашипел.

— Лебедь? — сказал ступавший впереди. — Смотри, Анна, лебедь!

— И правда лебедь, — откликнулась женщина. — Вася, а что он тут делает?

— Больной, наверное, — негромко сказал Вася, — или поранился в пути. Мужчина попытался подойти к лебедю ближе. Птица высоко подняла голову и ещё громче зашипела. Встать она, видимо, не могла.

— Не надо, не надо, — быстро проговорила Анна, — клонуть может.

Вася стоял и смотрел на лебедя. Затем он огляделся вокруг. Белая птица зло шипела на снегу.

— Что ж, — поправил на плече ящик Вася, — видать, тут ничего не поделаешь. Не хочешь подпустить ближе? Сам знаешь...

Он обернулся к жене, махнул рукой и зашагал дальше.

Скоро рыбаки скрылись за верхним поворотом реки. Вокруг снова стало тихо. Солнце спряталось за низкими, мутными облаками. То и дело начинал падать снег.

Лебедь, спрятав голову под крыло, неподвижно сидел на льду. Смеркалось. Из-за поворота показались два рыбака. Они опять остановились около лебедя.

— Может, всё-таки возьмём его с собой? — негромко сказал Вася. — Умрёт ведь здесь.

— И что ты с ним будешь делать? — говорила Анна за его спиной. — Кормить чем будешь? Ты знаешь, что он ест?

— Так, — на ходу отозвался Вася, — не знаю.

Он подошёл к птице вплотную. Лебедь тут же с шипением вытащил голову из-под крыла. Вася протянул к нему руки. Лебедь сильно ударил его клювом по руке.

— Да ты так глаза выклюешь, — обиженно сказал Вася. — Сквозь рукавицу и то больно. Ну, что делать будем? — обернулся он к жене.

— Я же сказала, — ответила та, — оставим его здесь. Как ты его понесёшь? На руках, что ли? Так он всё лицо твоё исклюет. Был бы с собой мешок, его бы на голову накиннули. Тогда бы он, может, и успокоился... Пойдём, темнеет уже.

— Так, — грустно отозвался Вася, — мешка с собой нет.

Рыбаки немного постояли возле лебедя и направились вниз по реке. Вскоре они вышли к небольшому посёлку. Здесь Вася и Анна сели в машину и уехали домой.

Вася всю ночь ворочался с боку на бок. Ему снилась большая белая птица, оставшаяся неподвижной на заснеженном холодном льду Полога. Снилось Василию, как лебедь легко стряхнул с себя примёрзший снег, поднял голову, встал на ноги, несколько раз взмахнул широкими крыльями и громко закричал. Затем побежал по снегу с низко опущенной головой. Ещё несколько взмахов сильных крыльев, и он взлетел. Сделал над камышами круг, другой и снова закричал.

Из камышей вышла другая большая белая птица. Она подняла голову и громко кликнула. Сверху донёсся ответный клик. Белой молнией нёсся к реке лебедь. У самых камышей он расправил крылья и сел на снег.

Две птицы стояли друг перед другом. Они радостно тёрлись носами, шеями, и кружились, словно танцуя. Скоро два лебедя, радостно крича, бежали по льду Полога, чтобы взлететь под низкие зимние облака. Через минуту они скрылись из глаз...

Через пару-тройку дней Вася и Анна снова поехали на рыбалку. Оставив на берегу машину, пошли пешком по льду Полога. День был пасмурный. Ветви сосен, стоящих на берегу, сильно придавило снегом. Позавчера была пурга, местами намело сугробы. Из-за них идти было тяжело.

Вскоре рыбаки подошли к камышам. Сильный ветер сдул с молодой черёмухи снег. Вместе с ним сорвал с неё последние листья. Её согнутый ствол, опершись на голые, воткнутые в снег ветки, стоял, низко наклонившись к камышам.

У камышей, как и раньше, виднелся небольшой бугорок. От выпавшего вокруг снега он казался немного ниже. Вокруг — тишина. Вася подошёл к бугорку вплотную. Тот не шелохнулся. Рядом встала жена. Несколько минут Вася и Анна молча стояли перед ним. Затем, также молча, направились своей дорогой вверх по реке. К середине зимы от бугорка не осталось и следа. Только ровный, холодный зимний снег.

Алексей ГАЛУЗИН

ПРЕДАТЕЛЬ. Рассказ

Стоял яркий, солнечный полдень первого дня зимы. Я вышел прогуляться по городу. Надо было положить деньги на карту в Сбербанке, да хлебушка купить в магазине. Глаза на морозе слезились, я то и дело доставал носовой платок из кармана куртки и вытирал катившиеся по щекам слёзы. Он был не новый, белый, с голубыми полосками и зеленоватыми мелкими квадратиками, и нравился мне своей мягкостью и приятностью прикосновения к телу.

Я зашёл в банк, достал платок из кармана, вытер слёзы и произвёл нужную мне операцию с деньгами в банкомате. Вышел из банка и направился в гастроном. Прошёл метров сто, и вновь покатились окаянные слёзы. Я сунул руку в левый карман куртки и...

О боже! Его там не было! Не было и в правом кармане. Я его потерял! Скорее всего, выронил при выходе из банка, когда доставал перчатку. Ну и фиг с ним! Он и новый-то стоил рублей сорок. Его уже стирали раза два или три. У меня ещё есть дома не один.

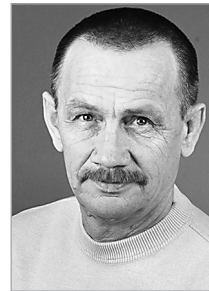
До гастронома было метров пятьсот. Мысль о платке не покидала мой мозг. Ладно, думаю. Куплю хлеба, вернусь к банку. Может найду.

Полдень. Самый центр городка.

Мимо Сбербанка по тротуару, жирно присыпанному песком с солью, непрерывно шёл народ туда и обратно. В банк тоже заходили и выходили оттуда люди. Платок лежал прямо перед входом — грязный, в снегу и песке, прищёпнутый несколькими десятками башмаков. От намерения найти и подобрать его не осталось и следа. Я приостановился, посмотрел на него с чувством лёгкой досады, на людей. Как может прилично одетый, пожилой человек, с сумочкой через плечо и с жёлтым полиэтиленовым пакетом с хлебом в руке, наклониться у входа в Сбербанк и поднять эту жалкую, грязную тряпицу? Ума не приложу! И я пошагал дальше. Но неосознанное чувство вины нарастало. В черепную коробку неотвязно бились слова: «Ты предатель! Ты предатель!»

Я остановился, развернулся и уже не задумываясь быстро пошёл назад. Мне было абсолютно наплевать, что подумают люди. Я поднял платок, отряхнул от налипшего снега и песка, аккуратно сложил квадратиком и сунул в пакет с караваем.

Я его постираю. Он мне ещё пригодится. Будет вытирать мои слёзы в морозные зимние дни.

Алексей Васильевич ГАЛУЗИН родился 1 апреля 1957 года в деревне Матвеевка Аскинского района Башкирской АССР. Окончил среднюю школу в Казахстане, служил в Группе Советских войск в Германии. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России (2022). Живёт в городе Кудымкаре.

Вера МЕЛЕХИНА

НА МУХЕ НЕ ЖЕНЯТСЯ... Притча

В одной деревне жил-был мужик. Был он большим умельцем и очень работящим. Всю мужскую работу умел делать и в доме, и во дворе: что лапти плести, что валенки подшить, и в огородных делах всё соображал. Одно было плохо: мужик был неженатым и жениться не собирался — жили они вдвоём с мамой. А что?! С мамой жить хорошо: она и кушать приготовит, и одежду справит, и вымоет-постирает в доме.

Но время ведь не стоит на месте, жизнь движется вперёд — мама постарела да и умерла... Мужiku плохо стало жить одному: кушать никто не приготовит, никто одежду не постирает, никто за ним не ухаживает, не лелеет... И вот тут-то и задумал он жениться. Но сколько бы ни выбирал, выбрать себе невесту так и не сумел, ему всё в них было что-то не так: эта — слишком толстая, а эта — слишком худая, эта — слишком маленькая, а эта — слишком высокая, эта — старовата, эта — злая, эта — некрасивая... Ох-хо-хо...

А тут и осень наступила. На улице холодать стало, дожди частые пошли. И вот одним вечером, откуда ни возьмись, около домов стала летать припозднившаяся муха. Наверное, надеялась ещё залететь куда-то в тёплое местечко. Увидела она свет в окошке, подлетела ближе, присела и видит: в доме на лавке сидит мужик, один, и лицом грустный-грустный. Подлетела муха к двери и постучала тихонько: тук-тук-тук... Мужик открывает дверь, смотрит, а перед ним стоит невиданной красоты девушка: молодая, глаза большие, одежда сверкает-переливается разными цветами, а говорит таким тонким да ласковым голосочком, вроде и не говорит, а поёт: «Дзы-ынь, дзы-ынь...» Мужик впустил муху в дом, и решительно сказал, мол, на этой девушке и женюсь!

Женился. Гостей был полный дом, пели-плясали допоздна, а когда гости разошлись по домам, молодые тоже решили, что пора

Вера Петровна МЕЛЕХИНА родилась 2 августа 1965 года в деревне Лобозово Кочёвского района Пермской области в семье колхозников. Училась в ГПТУ N 104 г. Верещагино (1980–1982). С отличием окончила Коми-Пермяцкий сельскохозяйственный техникум. Работала заведующей сельским клубом, затем в селе Кочёво в районном Доме культуры — заведующей автоклубом (1989–2002). Руководитель фольклорных коллективов «Надея» и «Лымдорча» [«Подснежник»]. Первые стихи на коми-пермяцком языке опубликованы в газете «Парма» (1992). Печаталась в районных газетах «Северянка» и «Кочёвская жизнь», окружных газетах «Парма» и «Кама кытшын» [«В круге Камы»], литературно-художественных сборниках «Иньва» и «Бичиро», детском журнале «Сизимок». Принимала участие в различных литературных конкурсах, награждена дипломами. Победитель окружного конкурса, посвящённого 110-летию основоположника коми-пермяцкой литературы М. П. Лихачёва, за создание прозаических произведений на коми-пермяцком языке (2011); победитель литературного конкурса на создание произведений на коми-пермяцком языке в номинации «Детская книга» (2012). В 2010 году издана первая книга «Оланлӧн пассэз» [«Знаки жизни»]. В 2013 году напечатаны две книжки-малышки со стихами на коми-пермяцком и русском языках: «Ӧтӧрлӧн гаж» [«Весёлое раздолье»] и «Вӧрын да гортын» [«И в лесу, и дома»]. Член Коми-Пермяцкого окружного объединения при Пермском отделении Союза писателей России (2013). Живёт в селе Кочёво Кочёвского района Пермского края.

отдыхать, и легли в постель. Укрылись одеялом, мужик только-только начал засыпать, и тут муха стала его кусать да кусать, кусать да кусать, да кровушкой его напиваться! Мужик разозлился, вскочил с постели и размахивая полотенцем выпроводил муху обратно на улицу... И недолго думая, всё же женился — из своей же деревни и нашёл себе жену. Долгую и хорошую жизнь они прожили, горя не знали, да ещё и детей нажили да вырастили...

Ну что тут ещё скажешь... Человек, наверное, с человеком и должен пожениться, а не с мухой...

Надежда МАЛЫЦЕВА (об авторе см. с. 33)

ВАСИЛИСА. Рассказ

День сегодня солнечный, ясный. Над скошенным лугом летает, играя высыхающими стебельками травинок, лёгкий ветерок. Лежащая ровными рядами кошенина, ещё ярко-зелёная, словно нежится под лучами солнца.

Василисе, голубоглазой, с шелковистыми волосами девочке лет одиннадцати-двенадцати, нравится такая летняя пора. От высыхающей травы поднимается такой аромат, что хочется его вдыхать и вдыхать.

В это лето девочка уже помогает родителям на покосе. Отец смастерил для дочери небольшие грабельки, и Василиса трудится наравне со взрослыми уже на третьем покосе.

Вначале косили и убрали сено в Большом Логу. Потом поставили небольшой стог в Галямысе, а сегодня гребут Вадорвидз. Трава была густая и высокая, и кошенина получилась толстой, плотной. Её надо без конца переворачивать, чтобы быстрее высохла под лучами солнца.

Василиса с матерью стали переворачивать кошенину. Отец же начал готовить место для будущего стога. Он срубил и воткнул в один ряд несколько крепких, длинных жердей, между ними положил приготовленные короткие слег, чтобы сухое сено не отсыревало от земли. Заготовил и подпорки для будущего стога.

В спорой работе время пролетело незаметно. Наступила пора обеда.

Обедать заготовители сена устроились в тени развесистой черёмухи, где было прохладно.

Мать постелила небольшую скатерть, поставила бутылку с топлёным молоком, разложила варёные яйца, печёную картошку, головки зелёного лука и каравай хлеба.

Отец принёс из родника туес с холодным густым ырэшем*, предложил утолить жажду дочери и жене. Мать приняла из рук мужа берестяной сосуд, сдунула белую пену ырэша и напоила Василису, а потом с большим удовольствием выпила питьё, придающее силы, и сама. Напившись, мать передала берестяной туес мужу, который большими шумными глотками начал поглощать его содержимое. Насытившись, отец поставил сосуд на скатерку и произнёс: «Теперь можно и пообедать».

Все дружно принялись за еду.

Василиса любила вкусное топлёное молоко с ржаным хлебом. Здесь, на покосе, холодное молоко с лёгкой пеночкой казалось ещё вкуснее.

Родители не спеша кушали и рассуждали, хватит ли заготовленного корма скоту на долгую зиму или придётся ещё заготовить яровой соломой.

Василиса наелась и побежала за земляникой. Выше покоса на вырубке возле пней в густой зелёной траве рдели, как огоньки, крупные красные ягоды. Через некоторое время пол-литровая кружка

* Ырэш — густой овсяный напиток, хорошо утоляющий жажду.

наполнилась спелыми, душистыми ягодами. Девочка, довольная даром леса, вернулась к родителям.

Мать, ласково посмотрев на дочь, промолвила:

— Доченька, ты ведь сегодня именинница. Двенадцать лет назад, как раз около обеда, ты и появилась на свет. Бабушка на ужин хотела постряпать пирожки с луком и грибные пельмени. Вот и ягоды будут кстати: полакомимся земляникой со сметаной.

Отец с хитринкой в глазах произнёс:

— Поставим если стог, придётся, хозяйка, отметить не только день рождения дочери, но и завершение сенокоса.

Слова отца как будто напугали мать, она проговорила:

— Вначале стогование бы завершить посуху, чтоб дождь не испортил, а тогда и посмотрим, что и как отмечать.

После обеда Василиса с матерью начали сгребать кошенину к месту будущего стога. Отец стал метать хрусткое высохшее сено в промежутки между воткнутыми жердями. Когда стожок вырос выше его роста, он попросил дочь взобраться на сложенное сено, чтобы плотнее укладывать ноши. Сам же заменил черенок вил на более длинный и стал подавать своей помощнице большие, душистые охапки. Василиса еле успевала их подхватывать и складывать, а мать всё носила и носила...

К закату солнца труженики сенокосного уголья работу завершили. Отец помог дочери спуститься со стога, граблями причесал сложенное сено, с обеих сторон подпёр его кольями, отошёл от него, внимательно осмотрел своё произведение высотой с двухэтажный дом и весело спросил у дочери:

— Ну как, Василиса, нравится тебе наш стожок?

— Пап, да такой красивый и аккуратный зород** ставить, как ты, по-моему, никто не умеет, — улыбнулась девочка в ответ.

— Мать, слышишь, как оценила наша дочь труд отца?

— Да, мои труженики, славный сегодня получился денёк, а скорее всего потому, что наша именинница целый день работала не покладая рук вместе с нами, — заметила та одобрительно.

По дороге домой Василиса с матерью, хотя и уставшие, но довольные проведённым днём, завернули в ближайший лесок за грибами. Отец же отстал от них. Грибники насобирали на жаркое толстых сыроежек, нашли и несколько крепких подберёзовиков и отправились домой.

Дома их встретил отец с букетом из полевых васильков и ромашек. Улыбаясь, он протянул цветы дочери и произнёс: «Василиса, именинница ты наша, помощница ты наша, цветочек ты наш, ты родилась в очень хорошее время года, когда солнце ярко светит, когда на полях хлебушко поспевает, когда земля цветёт. Будь здорова, доченька, расти и радуй нас с матерью добрыми делами», — и ласково притянул к себе дочь.

От букета и одежды отца пахло ароматом душистых трав, а его пожелания, как звуки прекрасной музыки, разлились в душе Василисы, тронули-разбудили всё лучшее, что было в сердце девочки.

За праздничным столом, который накрыла бабушка к возвращению тружеников с покоса, было сказано ещё много добрых слов в адрес именинницы.

** Зород — стог сена не круглой, а продолговатой формы (изобретение коми-пермяков).

В этот удивительный вечер Василиса уснула безмятежным сном. На раздумывавшемся лице девочки блуждала улыбка.

Назавтра, когда Василиса проснулась, солнце заливало уже всю комнату. Девочка немножко понежилась в мягкой постели, и вдруг в её светлой голове залиvistым колокольчиком зазвенели слова: «В какое же прекрасное время года я родилась, когда солнце ярко светит, когда на полях хлебушко поспевает, когда земля цветёт». Прекрасные звуки колокольчика усиливались и разливались в душе девочки, наполняли каждую её клеточку. Василиса больше не могла оставаться в постели, она сбросила с себя покрывало, вскочила с кровати, кинулась к раскрытому окну и во весь голос прокричала: «Ясное солнце! Добрый день! Я буду хорошо-хорошо учиться и много-много помогать родителям! Обещаю!»

Надежда ФЕДОСЕЕВА

ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи

* * *

Улетят журавли в небо синее,
 Как мечта, как песня, как облака.
 Сердце ноет, но бывает, как видимо,
 Вдруг согреет просто чья-то рука.

Ах, прижать её к сердцу так хочется,
 Пальцы нежно и легко целовать.
 Может, в душу любовь и запросится,
 И не будет она пустовать.

И придёт эта осень весенняя,
 Запоют в октябре соловьи,
 Я опять зачитаюсь Есениным
 О тоске, бунтарстве и любви.

* * *

Сил нету. Сил нету, сил!
 Что бы сделать, чтоб всё забыть?
 Как бы это взять — отомстить?
 Больше нет, больше нет сил!

Боль одна. Боль одна, боль!
 Взять бы и уйти не дыша.
 Тенью бродит в теле душа,
 В ней лишь боль, боль лишь одна.

Может быть, сон это? Сон?
 Только притянул бы к себе —
 Намертво б прижалась к тебе!
 Только вот это не сон.

Надежда Павловна ФЕДОСЕЕВА родилась 18 июля 1974 года в деревне Войвыл Косинского района. Окончила коми-пермяцко-русское отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического университета (1996). Работала в Сольмыской общеобразовательной, Пуксиской коррекционной школах. Стихи начала писать в школьные годы. Печаталась в окружных газетах, в литературно-художественном сборнике «Иньва», коллективных сборниках «Лысва воть» (Капля росы), 2005; «Пармалён надея» (Надежда Пармы), 2016; «Асья енёж» (Утренние небеса), 2020; «Миян кад» (Наше время), 2020; в других сборниках. В 2011 году вышел авторский сборник стихов «Шуд менам, лов менам» (Счастье моё, моя душа), за который присуждена литературная премия имени основоположника коми-пермяцкой литературы А. Н. Зубова (2013). Многократный победитель окружных литературных конкурсов. Член Пермской региональной общественной организации «Писатели Пармы». Живёт в деревне Войвыл Косинского района.

* * *

Ночные птицы звонко так поют.
А мне твоя рубашка ближе к телу.
Я со своим соседом старым пью.
Но разве в этом, мой хороший, дело?

Ах, как хочется, взявшись за руки...

Твоя рубашка, помню в ней тебя.
Она легка, она из того лета.
Вдыхаю запах твой родной, любя.
Нет, не забыть вовек мне это лето.

Да по полю пройтись, прижавшись...

Я так давно не слышала тех птиц,
С тех пор уж, как тебя я потеряла,
Как слёзы высохли с моих ресниц.
Твоя рубашка... Я её украла.

Чтобы солнце нам было радостью...

Ночные птицы! Что вам всем до нас?
Вы — песня лета, голос летней ночи.
Не дайте же душе совсем пропасть,
С рубашкой жить, коль без неё нет мочи.

Чтобы тучи не были в тягость...

* * *

Мне бы птицей улететь
Белокрылою,
Словно пёрышком весной,
Ветром сдунутой.
Да с растаявшими тропками
Зимними
Снова буду всеми вечно
Покинутой.

Эх зима, ах зима.
Заколдуй, заморочь,
Не уйди, не бросай,
Не кидай на «авось».

Королевой снежной, вечной
Красавицей,
В зеркала глядеть, пускай
И безжизненны,

То ли жить, то ль в отражении
Маяться
И поймать случайный взгляд твой,
Но искренний.

Эх зима, ах зима,
Заколдуй, заморочь,
Не уйди, не бросай,
Не кидай на «авось».

Аль закружится или
Не закружится
В тишине моей нежнейших
Раздолия.
Ну зачем мне это нужно
Замужество?
Мне б с родными хлеб из печки
С застольем.

Эх зима, ах зима,
Заколдуй, заморочь,
Не уйди, не бросай,
Не кидай на «авось».

Людмила НИКИТИНА (БАТИНА)

ЖИЗНИ ПУТЬ ЗАБВЕНЬЕМ НЕ ЗАРОС. Стихи

ВЕНЕЦ ВЕРЫ

Не люблю, когда прикрываются верой,
И не верю, когда мне клянутся в любви.
Цена им какой измеряется мерой? —
Распятим Христом на кресте во крови!

Не хочу, чтоб надежда была последней.
Я не знаю, когда мой наступит конец.
Но силой любви и бессмертьем надежды
Пусть чело обрамит мне веры венец.

СНЕЖИНКИ

Холодный костёр — на облаке где-то,
и искры-снежинки сыплются с неба,
как райские птицы пух свой роняют,
летят мотыльками и замерзают.

Солдат убиенных — души святые
на зиму ищут обитель земную.
Божественный дар — те снежинки в руках
растают-умрут, не воскресишь никак.

ДАНО ЛИШЬ БОГУ ЗНАТЬ

Ночами мне не раз во сне являлся,
шёл молча рядом, не говоря ни слова.
Спросила: «Как в миру ином живётся?»
Сказал: «Пока земная жизнь — основа,
доколь у жизни нить не оборвётся,

Людмила Алексеевна НИКИТИНА (БАТИНА) родилась 10 августа 1956 года в деревне Батина Кудымкарского района. Окончила Ёгвинскую среднюю школу, коми-пермячко-русское отделение филологического факультета Пермского государственного педагогического института (1983). Писать стихи начала в школьные годы. В последние годы стала писать небольшие рассказы о судьбах женщин. В разные годы печаталась на страницах газет «Парма», «Иньвенский край», «Кама кытшын» [«В круге Камы»], в литературно-художественном сборнике «Иньва». В течение многих лет сотрудничала с Институтом перевода Библии (Финляндия). В 2023 году вышла в свет авторская книга. Живёт в посёлке Быстром Степановского поселения Кудымкарского района.

не нужно вопрошать о свете том;
у каждого свой час, своё наступит время,
когда не мыслию, не сердцем слышит он.
Земная жизнь душе мятежной — бремя,
душа лишь слышит райской куши звон.
А райский сад для человека — это жизнь.
Дано лишь Богу знать о том. Не обманись».
Мне так хотелось что-то возразить в ответ,
Я обернулась — никого уж рядом нет.
Кто это был? Куда внезапно вдруг ушёл?
Не знаю до сих пор — Кто Он? Кто рядом шёл?

ЖИЗНИ НИТЬ

Не спеши заказывать погост,
Перед Богом рано ставить свечи.
Жизни путь забвеньем не зарос,
И пока нас не лишили речи.

Будет время — и отправят в путь,
И зажгут пред Богом ярко свечи.
И сыра земля придавит грудь —
Не подняться, не расправить плечи.

Но не оборвётся жизни нить,
Если следуешь законам Божьим.
Этот Свет оставить не спеши...
Будем на погосте, только позже.

* * *

Считая жизни вехи, дни проходят:
сметают пыль, спешат добро сложить людское.
За ними я бегу, они уходят!
Как быстроскрылый конь, жизнь улетает.
И в этой гонке не найти себе покоя.
Держись, дружище! Я не успеваю!

Надежда ВЕРШИННИНА (об авторе см. с. 8)

ВСТРЕЧИ НА ПАРАДНОЙ УЛИЦЕ КРАСНОДАРА. Заметки

ВСТРЕЧИ НА ПАРАДНОЙ УЛИЦЕ КРАСНОДАРА

Дружеское общение с писателем Виктором Ивановичем Лихоносовым — это счастливое совпадение с летним отдыхом в 2018-м и 2019 годах. При появлении нас на пороге редакторского кабинета, в котором готовился к изданию журнал «Родная Кубань», — непринуждённое приветствие:

— Как вы живёте на Севере? Только там, наверное, Россия и сохранилась?

Нужно пояснить, что в обиходе жителей Кубани непонятный, далёкий Урал не звучит, а принимается северной холодной территорией.

«ПИСАТЬ НАДО ПРАВДУ!»

В высказываниях Виктора Ивановича, классика, спешила в личной беседе не упустить ни единого слова, принимая как постулат в сочинениях:

— Русская литература не может строиться на лукавстве. Тексты должны быть возвышенны и воспитывать читателя духовно и нравственно.

— Правила искусства одни и те же веками: правда, красота, одухотворённость, конечная польза и прежде всего — талантливость.

— Национальные корни, первородность, жизнь отцов, матерей, предания — основа творчества.

(О жизни и творчестве В. И. Лихоносова опубликованы статьи Н. Вершининой в газете «Пермский писатель» в 2019, 2021 гг.).

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ЛИХОНОСОВА С НАДЕЖДОЙ ВЕРШИННИНОЙ:

— Я отвечаю с запозданием, милая Надежда.

Спасибо за добрые слова в очерке... («И на старости лет бью поклоны литературе». Н. Вершинина. Ноябрь, 2018).

— ...200-летие И. С. Тургенева не отметили как следует. 190-летие Л. Толстого прошло так себе. Я с сотрудницами дома Толстого ездил целый день по старинным усадьбам, и заглянули мы в село Тургенево (рядом со Спасским-Лутовиновым), где он писал рассказ «Певцы». Поглядели и на Бежин луг. Из Тургенево Иван Сергеевич ездил (12 верст) к Марии Николаевне Толстой в Покровское. Мы и туда пробежали. Я написал к юбилею «Даровано Господом», но местная газета не взяла, не до Тургенева им. Как-нибудь пришло, вот научусь технике и скину.

Два дня в Тамани и в Пересыпи. А так... всё сижу, сижу дома возле супруги. Такое послушание отвёл мне Господь.

Ваш В. Лихоносов.

24 ноября 2018, Краснодар

Виктор ЛИХОНОСОВ

ДАРОВАНО ГОСПОДОМ. Сокращённый вариант статьи

Как дороги мне мгновения, часы, светлые дни родственного чувства к великим русским писателям (и то же только к знаменитым, но любимым). Оно покоится в тебе, забывается, гаснет как день, потом опять рассветает, в кои-то дни возбуждается заметнее, радостнее. И я вспоминаю, что всего сокровенней, тоньше, певучей звучит оно в усадьбах, где заветные классики родились или куда приезжали к бабушкам-дедушкам, братьям и сестрам. И где что-то вдохновенно писали.

Господь даровал им тонкость и красоту души и («как нарочно») дивную красоту окружающих мест, так схожих с тем, что они сотворяют в художественной своей ипостаси. Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Боратынский, Веневитинов, Тютчев, Аксаков, Некрасов, Фет, Л. Толстой, К. Леонтьев, Блок, Есенин, Шолохов, Белов, Рубцов, Шукшин, Распутин, Абрамов, Астафьев, — все они богаты такими приютами, такими родовыми обителями.

И Тургенев Иван Сергеевич...

«Только и думаю о возвращении весной в возлюбленный Мценский уезд, — писал он О. Хилковой в 1861 году. — Егорьев день, соловьи, запах соломы и берёзовых почек, солнце и лужи по дорогам — вот чего жаждет моя душа...»

Двести лет назад родился он.

Нынче, «во дни сомнений, во дни раздумий о судьбах моей родины», полезно подчеркнуть вековую дальнюю родовитость писателя. Приятно прочитать в «Тургеневском сборнике», что Тургеневы ведут свой род с 1440 года от татарского мурзы Льва Тургена, что прадеду по матери Ивану Андреевичу Лутовинову царь Иван Грозный пожаловал «на кормление сельцо Спасское», что царь Алексей

В. И. Лихоносков и Н. Вершинина

Виктор Иванович ЛИХОНОСОВ (30 апреля 1936 г., станция Топки, ныне Кемеровской обл. — 9 августа 2021 г., Краснодар) — русский писатель, публицист, педагог. Член Союза писателей СССР/России (1966). Возглавлял литературно-исторический журнал «Родная Кубань». Член высшего творческого совета при правлении Союза писателей Российской Федерации. Почётный гражданин города Краснодара, Герой Труда Кубани. Опубликовано 40 книг, среди них: «Наш маленький Париж», «Прощай, Тамань?», «Святые колокола», «Тут и поклонился», «Позднее послесловие». Премии и награды: орден «Знак Почёта» (1984), Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1988) за роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», орден Дружбы (1996), Патриаршая литературная премия (2017).

Михайлович позднему Лутовинову (Марку Тимофеевичу) вручил в 1669 году ключ от города Мценска. Трофим Лутовинов был из Литвы. Иван Тургенев («Большой») славился Тульским воеводой. А прадед Алексей Романович Тургенев был пажом у императрицы Анны Иоанновны, затем боевым офицером.

Всё это сплетало душу писателя с исторической далью, растягивало вместе с красотами пейзажа мелодию его художественной речи и сберегало в нем (несмотря на симпатию к Европе) глубоко русскую статью.

Мы ехали из Ясной Поляны через городок Чернь в село Тургенево и говорили как раз об этом. Через три дня исполнялось 190 лет Л. Н. Толстому, и я на ночь читал статью Т. Комаровой «И. С. Тургенев в семейной летописи Толстых». Всё соединялось близостью русского художественного величия — Толстой, Тургенев, XIX век, дворянские усадьбы, родовитая Русь. И мы говорили, вспоминали страницы, известных героев. Везде теперь печалилась забытая родная старина, и душа хотела воскрешения её с помощью классиков, хотя бы на мгновения поклона, путешествия в прежние домашние гнёзда. Как будет праздновать юбилеи общество, мы не гадали, нынче предвидеть что-нибудь трудно, но мы приберегли свое затаённое родство с писателем, которого каждый из нас читал в разных возрастах.

Хранитель фондов дома Толстого Надежда Переверзева, научная сотрудница из той комнаты, где после войны пребывал Сергей Львович, Людмила Васильевна и неутомимый, отзывчивый Александр (фотохронограф усадьбы), разделяли моё тоскливое желание почаше и подольше созерцать славные уголья классиков. Всё в тот день было какое-то тургеневское: сентябрьское солнце, сухая травяная дорога, несколько раз встречавшаяся узенькая (шириною в десять сажень и меньше), какая-то сиротливая, девически-чистая речка Снежедь и, слава Богу, само ещё целое селыцо Тургенево, и возникшая на пороге особняка милая, тихая, приветливая Светлана в синем костюмчике, хранительница-экскурсовод. Она живёт неподалёку в маленьком селе, и это ещё приятнее сблизало её с глухими тургеневскими временами.

— Вы из «Месяца в деревне» или из «Дворянского гнезда»? — хотелось мне потревожить её женское тщеславие, но я сдержался.

Она рассказывала нам о том, что затвержено в путеводительских листах о тургеневских владениях возле речки Снежедь.

«Имение прабабки Прасковьи Михайловны, в девичестве Сухоиной, и деда Николая Алексеевича... В 1813 году всего сто тридцать душ. От Спасского-Лутовинова восемнадцать вёрст... Церковь Введения Пресвятой Богородицы. Вы видели её, когда въезжали. Семейная реликвия — серебряная икона, осыпанная по венцам жемчугом, сопровождала Тургеневых в бою, берегла их... В этой комнате Иван Сергеевич писал рассказ «Певцы»...

«Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед нами, уходя в бесконечную даль...»

И вспомнилось всё! Вспомнились школьные уроки, учебники, портреты писателей в коридорах и классах, «Записки охотника» и все знаменитые рассказы: «Муму», «Хорь и Калиныч», и эти «Певцы»,

и книги Тургенева на полках библиотек, и роскошное собрание его сочинений в двадцати восьми томах, изяшных, завёрнутых в белую обложку...

Как тихо у вас и хорошо вокруг... Мне всегда в такие мгновения хочется остаться и пожить... А надо ехать... Зачем мы торопимся уехать подальше от преданий?

И мы с сожалением попрощались с доброй Светланой и поехали проводить Бежин луг, чтобы сказочно явилась нам та зелёная долина, которую знали с детства по бессмертному рассказу Ивана Сергеевича, и... мальчиков в ночном у костра, почти родных нам благодаря гению Тургенева — Федю, Павлушу, Костю и Ваню.

«Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга».

И я увидел наконец-то этот круглый луг, стоял в сторонке у берёзовых прясел и чуть не плакал. Я жалел этих мальчиков, давным-давно покинувших белый свет, жалел самого себя, маленького, чисто верившего всякому доброму слову писателей, живших на сибирской улице, пожалел в свои восемьдесят два года и великого писателя, который прожил всего шестьдесят три года...

Речка Снежедь и здесь была с нами. А как умел народ называть свои жилые места! Поблизости от села Тургенево — Кобылий Верх, а там вокруг где-то деревни Жучиная Поляна, Большая Рябая, Красивая Меча и Батюшкин пруд. И на краю Бежина луга Прощёный колодец, к которому носили бабы обмывать детей — чтоб не болели. Тут и писатель бывал, конечно. Всё народное влияло на его творчество.

«Был прекрасный июльский день, один из тех дней...» — так я помню с детства начало рассказа.

А я, спустя десятилетия, застал солнечный тёплый день... сентябрьский... Всё то же вокруг, что и целые века. Но как менялась русская жизнь!

— Хочется всё перечитать, — сказала радостная Надежда Перерезева.

— И Колотовку найти, и проехать той же дорогой в Покровское, что и Иван Сергеевич ездил к Марии Николаевне Толстой... Всё близко, всё рядом. А там и усадьба Дельвигов возле Хитрово.

— И Гринёвка, и Никольско-Вяземское.

— Сложилось так, что писательские имена и напоминают о родовой Руси прежде всего. В дни их юбилеев воскресает не только литературная слава, но и патриархальная, великорусская. Спасибо, что они были. Когда вот так обитаешь по усадьбам, то с тобой не только Хорь и Калиныч, Лаврецкий или Лиза Калитина, а и всё русское, дальнее, умирившееся долей земной. Кланяешься всем.

Речка Снежедь вилась девичьей косой в низине, то пряталась от нас, то открывалась и звала к себе, и перед графским имением Покровским опять изогнулась и пропала в густом лесу.

— Не одна во поле дороженька пролежала, — пел он.

И всем нам сладко становилось и жутко.

— Попробуем, что ли, и мы. Слова знаете? Молчите? А барин, крепостник Тургенев, знал.

Худенькая, всегда молчаливая Людмила Васильевна спасла всех от неловкости.

— Я взяла с собой тонкий журнальчик «Русская земля», в нём — не песня про дороженьку во поле, а стихотворение Ивана Сергеевича, такое чистое, даже детское.

*Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землёй.
Поля просторные, немые
Блестят, омытые росой.
Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.
Молчит и млеет лес высокий,
Зелёный, тёмный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.*

— Нынче такая хрупкая пора в обществе, что у классиков полезнее выбирать самое близкое русскому сердцу. Не мотивы отрицания в романе «Рудин», не базаровщину в «Отцах и детях» навязывать, пережёвывать... Нет, нет, вовсе другое, что-то очень родное, простое и доброе, чего в русской литературе достаточно. «Записки охотника» необходимее романа «Новь», мелодии «Певцов» и стихотворений в прозе — почаше бы звучать по радио. «А на душе легко и свято» — куда это исчезло? И что же это: писатель, вроде даже славянофил, как я, восторгается рассказом Тургенева, в котором Яков-Турок, наверняка неграмотный, и рядчик из Жиздры гениально поют «Не одна во поле дороженька пролегала», этот самый писатель не может подхватить, потому что не знает слов старой песни. Так и скажем: простите нас, древние люди и вы, Иван Сергеевич.

За спиною моею молчали, а Надежда слева за рулём поддержала меня мудрой улыбкой.

В густом жёлтом золотарнике, достававшем верхушками наши плечи, мы огляделись, полюбовались лесным горизонтом. И просто-душно поверили в то, что так всё и было в давности, когда Тургенев подъезжал в коляске к Покровскому и так же, как мы, видел вдали белый камешек, то есть особняк, в котором обитала в тот миг Мария Николаевна, будущая героиня повести «Фауст».

— И «Фауста» надо перечитать, — сказала Надежда.

В пустом одиноком Покровском домовничал Александр Григорьевич, ждал нас, знал, что мы паломниками явимся со стороны сельца Тургенево. Опять душе было тепло оттого, что нас соединяют писатели — Тургенев и Толстой.

Но как тихо и скучно вокруг, где ещё после войны полными, живыми стояли деревни.

— Что ж вы, толстовские хранильницы, примолкли и не удивляетесь? — нарочито спросил я. — Разве вы не слышите, как они разговаривают, смеются, поют, разве вам не верится, что они все здесь

бывали? Братья Толстые, Дельвиги, Тургенев, Мария Николаевна и её крошка Варечка, к будущей дочери которой, Татьяне Николаевне (подумать только!), я приходил в семидесятые годы в Краснодаре на улицу Советскую (бывшую Графскую). Вот как близки сроки земные.

— Уцелела только речка Снежедь... — сказала Надежда.

Комнаты в доме Александр Григорьевич потихоньку кое-чем старинным обставил, любовно убрал, полочку оснастил книгами. Мне тотчас выпала книжечка Н. П. Пузина «Вокруг Толстого», и так же угодливо раскрылись страницы про Тургенева и Машу Толстую.

«“Фауст” был написан для неё и про неё» (М. Стахович).

«Вспоминая свою жизнь в Покровском, Мария Николаевна рассказывала... как она аккомпанировала Тургеневу, когда он пел известный романс Глинки на слова Пушкина “Я помню чудное мгновенье”» (Е. В. Оболенская).

Мы потрапезовали у стены особняка за уютным столом, почитали абзацы из «Фауста», отгадывали — задето ли в повести Покровское, нет ли чего нам знакомого, похожа ли на Веру Ельцову Маша Толстая, надеялись найти речку Снежедь...

В первых сумерках мы с крутой высоты ещё раз подивились сиротству этой нескончаемой реченьки, которая и уцелела-то, кажется, во имя воспоминаний о великих русских писателях. Л. Н. Толстому — 190, И. С. Тургеневу — 200. Четыре стопочки с темрюкским коньяком поднялись и сблизились в согласии.

— Спасибо Господу, что даровал их России...

Игорь КАРНАУХОВ

«ГДЕ Я ПЕЛ И ГОРЕ МЫКАЛ». Выставка в Перми о первом сроке Шаламова. Заметка

В пермском историческом парке «Россия — моя история»* представлена выставка «Вся судьба моя живая...», посвящённая первому сроку заключения Варлама Шаламова (1907–1982), отбывавшемуся в Верхнекамье, на севере современного Пермского края.

Название её — строка из позднего стихотворения писателя, написанного спустя сорок с лишним лет после пребывания в Вишлаг, в 1973 году:

*Правлю в Вишеры верховья
Лоцией средневековья.
Это Пеля, это Мыка,
Где я пел и горе мыкал.
Это Ветренка и Вая.
Вся судьба моя живая
Натянулась тетивой
Среди ветра, визга, воя,
Как стрела чужого лука.
Первобытная наука...*

В посёлок Вижаиха на севере Уральской области, в тогда ещё 4-е отделение СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения), ставшее отдельным учреждением, Варлам Шаламов, студент-юрист Московского университета, осуждённый на три года «концлагеря», — прибыл в апреле 1929 года этапом через Соликамск. Отбывая свой первый срок за раскрытие и распространение «завещания Ленина» («Письма к съезду»), будущий классик отечественной литературы — а тогда ему было ещё немногим за двадцать, — трудился на строительстве заводов в Красновишерске и Березниках. Там, в Верхнекамье и на Вишере, в наблюдении разнообразных людских характеров, при созерцании суровой первобытной природной красоты тех мест, в решении производственных и инфраструктурных задач началось становление Шаламова как художника слова, считают создатели выставки из музея-заповедника «Перми-36».

Любопытно, что, будучи освобождён досрочно, молодой мужчина ещё остался работать на новой ТЭЦ в Березниках на три месяца

Игорь КАРНАУХОВ, журналист. Родился, учился, живёт и пишет в городе Перми. Выпускник Пермского государственного университета. Со СМИ профессионально связан с 1992 года. Работал в газетах «Молодая гвардия», «Пермские новости», «Звезда», в пермской редакции «Российской газеты», сотрудничал с рядом других изданий, был внештатным корреспондентом ТАСС. Ныне — сотрудник пермского исторического парка «Россия — Моя история», пресс-секретарь. Автор портала «Год Литературы.рф». Член Союза журналистов России (1996).

вольнонаёмным... Вроде не против был даже поработать и ещё, даже приехал в Березники снова после отпуска в Москве... но всё-таки пришлось уехать насовсем.

Увиденное и пережитое Шаламов описал в «Вишерском антиромане», поздней своей книге, над которой он работал в 1960–1970-е годы (жанр такой, антироман, он выделил сам). Этому своему произведению Варлам Тихонович не успел придать законченного вида. Максимально полное издание этого произведения Шаламова было предпринято музеем «Пермь-36» в 2021 году; подготовку текста осуществил давний исследователь творчества писателя, кандидат культурологии Валерий Есипов (Вологда).

В витринах выставки представлены теперь раритеты из Верхнекамья: инструменты рабочих, образцы горных пород (верхнекамский невольник поработал и в геологической партии, кроме строек первой пятилетки), печатные издания тридцатых годов. Все эти экспонаты собирались в ходе экспедиций музея «Пермь-36» по «шаламовским» местам, проведённых в 2020–2024 годах.

Проект посвящён 25-летию полной реабилитации писателя. Сложилось так, что избавление Варлама Тихоновича от обвинений по делу 1929 года произошло только... на девятом году, как пала власть, перед которой политически активный гражданин «провинился», и спустя восемнадцать лет после того, как писателя не стало, в 2000 году. Свершилось это хлопотами литературной наследницы писателя Ирины Сиротинской (1932–2011), и об этом тоже рассказывается на стендах.

Выставку можно видеть на пермском Речном вокзале: ул. Монастырская, 2. Доступ к ней свободный.

По замыслу организаторов, «Вся судьба моя живая» — экспозиция передвижная и может быть развёрнута на любой заинтересованной площадке.

КОГДА БУШУЕТ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН. Стихи

МОЛИТВОЙ СТАНЬ

Когда буханка хлеба за полтинник,
А литр молока за полтора,
И ты не знаешь, кто он, твой противник,
Не отличишь министра от вора,

Закрой глаза и встань перед лампадой,
И отключись от мира суеты.
И ничего теперь тебе не надо,
И ничего не хочешь слышать ты...

Молитвой стань и подними из пепла
Людей погибших, сёла, города.
Судьбою стань не вышедшим из пекла
До дня свершенья Божьего суда.

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

Стихи, что пишутся весной,
С наплывом чувств, с любовной дрожью,
Не прячьте в стол, им путь иной
Определён по бездорожью.

Прикосновение любви
От первой встречи до финальной
Течёт безвременно в крови
Метаморфозой изначальной.

Пусть говорят, что время лечит.
Увы, лечиться неохота.
Дожить бы мне до первой встречи,
Судьба распишет всё по нотам.

ТЫ ЗНАЕШЬ

Ты знаешь, а я ветер не люблю,
Порывистый, холодный беспощадный...
Я об одном сейчас тебя молю:
Ты не печалься, милая, не надо.

Трещат стволы деревьев вековых
Под натиском шального урагана...

А мне хватило пары слёз твоих,
Чтоб написать прелюдию романа.

Летят с домов обломки ветхих крыш,
Заборы падают и валятся афиши...
Ты только не ругай меня, услышь.
И у людей порой срывает крыши.

Когда бушует ветер перемен,
Тогда из преисподней миром правят.
И на анализ кровь берут из вен,
У изголовий капельницы ставят.

А у подножий — скорбные кресты.
Нет ничего печальнее на свете...
И ты меня, пожалуйста, прости,
За то, что не люблю проклятый ветер.

НЕ МНЕ СУДИТЬ

Зачем пришёл ты в церковь, христианин,
Перекреститься, глядя на других,
Когда душа утоплена в стакане
И за спиной не видно дел благих?

Покаяться и попросить у Бога
Прощенья многочисленных грехов?
Твоя душа темна, пуста, убога.
Не мне судить. Я, может, сам таков...

ЧЕМПИОН

Потише, ты не на бегах!
Твоя любовь — моя ошибка.
Луна играет на губах
Блаженной, ласковой улыбкой.

Я хоть бывалый человек,
Но чуть от скорости не помер.
Всё чепуха, но твой побег
Из-под меня — коронный номер!

Ты наверху, ты чемпион!
Танцуй и радуйся победе.
Но сделай чуть потише стон,
А то разбудишь всех соседей.

Затухает закат над рекой...
То грешу безоглядно, то каюсь.
Я, наверно, по жизни такой,
Я опять без тебя задыхаюсь.

Слышать, видеть и трогать тебя —
Не блаженство, не счастье ли это?..
Беззастенчиво, просто любя,
Провожает сентябрь наше лето.

В горле ело слезую,
И кружили слова вороньём.
И бездомные всюду
горели ночные костры.
Я в разлитое светом
гулянье больших городов
заходил ненароком
приюта испить до поры.

Екатерина УЖЕГОВА

ВСЁ ОСТАНЕТСЯ ПРЕЖНИМ. Стихи**ОТЗОВИСЬ**

Отзовись во мне истинным чувством —
Нам теперь нет дороги назад.
Моя боль — это тоже искусство,
А стихи мои — собственный ад.

Эти стены мне стали противны,
Мне тебя очень нужно найти.
Только в мире людей так безлюдно —
Нет в нём веры, добра и любви.

(Хватит прятаться где-то в ущельях,
На погостах у старых могил!
Что забыл ты в сырых подземельях?
И зачем меня бросил без сил?)

Тихо падают жёлтые листья
На холодную землю, и вновь
Затеряюсь среди катаклизмов,
Не найдя твоих тёплых следов.

Я врасту в эту землю корнями,
Без тебя и не смерть, и не жизнь.
Я застряла, но... между мирами...
Умоляю тебя, отзовись!

* * *

Не надо мне сниться, пожалуйста,
Моё одиночество-грусть.
Я крыльями белого аиста
На Родину тихо спущусь,

Екатерина Ивановна УЖЕГОВА — член Пермской региональной общественной организации «Литературное объединение «Писатели Пармы», лауреат краевого конкурса «Земля Пермская» в номинации «Поэзия» (2023), победитель литературного конкурса Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа в рамках проведения творческой мастерской «Гижиссез ордын» [«В гостях у писателей»] (2023).

Где между дождями-туманами
Ютятся лишь стаи ворон,
Где снится мне домик с завалинкой —
Тревожный, но трепетный сон...

Прошу же, земля необъятная,
Ты силой меня надели.
Деревья усыпаны каплями,
А это всё слёзы мои...

МГНОВЕНИЕ

«Он не умрёт!» — кричало эхо.
Вдали белели облака.
Деревьям было не до смеха.
Покрылась горестью река.

Трава, примятая ногою,
Не сможет заново привстать,
Ведь мир, затянутый войною,
Не перестанет здесь звучать.

Дыханье замерло. Умолкли
И лес, и поле, и луга.
Три километра до посёлка...
Летели мимо облака...

* * *

Я к тебе — босиком по снегу,
Я к тебе — через боль и ад,
Без провизии и ковчега
Я иду через страшный мрак.

Я к тебе — через сны и ветер,
К этой бездне — лицом к лицу,
Обойду все пути на свете,
Но к тебе всё равно приду.

Слишком быстро проходит время,
Заметая твои следы,
Но никто тебя не заменит,
В мире свет для меня — лишь ты.

Я иду к тебе сквозь туманы,
Ураганы, грозу, дожди...
Через множество испытаний...
Умоляю, ты только жди.

* * *

Пусть закончатся слёзы и эта война,
 Всё останется прежним: дожди и туманы,
 Только нужно в душе это всё пережить,
 Чтобы мне в одиночестве и слишком рано
 Из-за пули тебя не пришлось хоронить.

Губы шепчут о том, как я сильно скучаю,
 Как тебя потерять очень сильно боюсь,
 Как я жду в двадцать пятом победного мая,
 Как меня одолела апатия-грусть.

Мне бы слышать лишь ветер кричащий и мне бы
 С изумлением молча и снизу смотреть,
 Как макушки деревьев царапают небо —
 Они выше всего, что касается смерть.

Улыбнусь. Через силу и даже сквозь слёзы
 Отряхнусь после долгого зимнего сна.
 Пусть скорей распускаются почки берёзы,
 Пусть закончатся слёзы и эта война.

Галина ФЕДОСЕЕВА

ТВОРИТЕ ДОБРОТУ. Стихи

* * *

Живите с Богом, со Христом,
Чтоб дух Его животворящий
Грел душу вам своим теплом,
И в будущем, и в настоящем.

Живите с Богом, со Христом,
Чтоб никогда не было больно
За те мгновения, что на потом
Вы оставляете невольно.

Живите с Богом, со Христом,
Творите доброту не глядя.
Вы будете стократ сильней,
С душою тело будет ладить.

МАМА

В. Конюховой

Прости, коль чем-нибудь обидел.
Я знаю, ты не держишь зла.
Я лучше женщины не видел.
Родная, милая моя!

Мне хорошо с тобою рядом!
Всегда забота и тепло.
Душа твоя цветущим садом
Всегда стучит в моё окно.

Давай присядем, как и прежде
Тебя я крепко обниму.
Моя ты жизнь! Моя надежда!
И я тебя боготворю!

Галина ФЕДОСЕЕВА проявилась литературным творчеством в обществе коми-пермяцких писателей не так давно. Живёт в Косинском районе Коми-Пермяцкого округа.

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

ОТВЕТКА СУДЬБЫ. Пьеса

Пьеса «Ответка судьбы» (трагедия с итальянским акцентом в 2-х актах, 16+) попала в финал 48-го Международного конкурса современной драматургии «Время драмы, 2026, весна».

Действующие лица:

МАША, студентка медучилища, детдомовка.

ПРОКОФИЙ (ПРОША), возлюбленный Маши, учится на фельдшера.

БОГДАН, контрактник, брат Маши, детдомовец.

СТЕПНЯК, командир отделения, мобилизованный, отец двоих детей.

ПРОКОФИО, итальянский наёмник с русскими корнями.

НАЗАР, солдат ВСУ, сопровождающий Прокофио через «серую зону».

Персонажи «за кадром»:

водитель, онкологический больной мужчина за 40 лет, решивший отправиться на СВО; мать Маши и Богдана; отец Прокофия и другие второстепенные персонажи.

АКТ I**КАРТИНА ПЕРВАЯ**

Парковая лавочка возле медицинского училища. Маша и Прокофий.

МАША. Привет Прокофий, гордость медучилища!

ПРОКОФИЙ. Привет, Маша, надежда здравоохранения.

МАША. Это правда, что вас, фельдшеров, на практику заслали к онкологам?

ПРОКОФИЙ. Когда ты меня так официально называешь — Прокофий, чувствую, подвох будет...

МАША. Хорошо. Просто Проша. Так точно в онкологию?

ПРОКОФИЙ. Да, Маша, после третьего курса на практику всегда посылают в поликлинику к онкологам.

МАША. Подвалило тебе счастье... Там же полный трэш!

ПРОКОФИЙ. Место невесёлое, но есть прикольные моменты.

МАША. Например?

ПРОКОФИЙ. Вчера был мужик за сорок лет. Рак желудка, метастазы, 4-я стадия. Проходит химиотерапию...

Сергей Владимирович ТЕЛЕВНОЙ родился 16 января 1959 года на хуторе Графском Ставропольского края в семье колхозников. Литературой увлёкся со школьных времён. Начал публиковать стихи в районной газете «Ленинская правда» Моздокского района и в республиканской газете «Молодой коммунист». С 1991-го — в региональных изданиях. В 2013 году вышла книга «Ветер противоречий» (Кисловодск). Как литератор, соотносит себя с «реальными реалистами» — пишет о жизни простого человека. Тяготеет к «деревенщикам». Член Союза писателей России (2014), состоит на учёте в ПКОО «Союз писателей России» (Пермь). Живёт в городе Моздоке (Алания).

МАША. И что прикольного?

ПРОКОФИЙ. Требуется у онколога выдать ему справку о том, что он здоров.

МАША. Зачем?

ПРОКОФИЙ. Говорит, хочу на СВО. И денег срубить, и погибнуть как герой... Что гнить без толку, родню в долги вгонять?! Таблетки, говорит, я и там могу глотать.

МАША. А в этом что-то есть...

ПРОКОФИЙ. В смысле?

МАША. Ну, я бы заценила, если бы мой отец так поступил. Но у меня на горизонте нет такого отца.

ПРОКОФИЙ. Зато есть брат Богдан — богом данный. Как он там на СВО?

МАША. Мы по выходным связываемся. Им телефоны выдают, места для связи определяют. Должен на днях с полигона, где они проходят подготовку, уже во второй эшелон отправиться.

ПРОКОФИЙ. Всё будет нормально, не волнуйся. Он чёткий парень!

МАША. Чёткий — это ты точно сказал. *(Через паузу)* ...И что тот мужик, у которого онкология?

ПРОКОФИЙ. А при чём тут он?

МАША. Так, просто... Знаешь, Проша, у нас, детдомовских, пунктик такой есть: как бы примеряем чьих-то родителей к себе.

ПРОКОФИЙ. Ну и как? Не жмёт нигде?

МАША. С моей модельной фигурой все одёжки хороши. И родители...

ПРОКОФИЙ. Маш, а вот о своих родителях ты никогда не рассказывала.

МАША. Друг мой Прокофий, ты прямо, как у нас в фельдшерско-акушерском пункте. Заведующая всё выспрашивала: а кто родители, а где они, а ты с ними встречаешься?

ПРОКОФИЙ. Ну, тут понятно — заведующая хочет побольше узнать о практикантке.

МАША. Ага... А у самой готово с языка вот-вот сорваться: а мама у тебя алкоголичка? А отец в тюрьме сидит?

ПРОКОФИЙ. Маша, я у тебя этого не спрашивал... Э-э-э... Так куда тебя закинули на практику?

МАША. В село Приближнее отправили. Сажу в ФАПе. Ну, давление бабушкам измеряю, шприцы готовлю. А так в основном медицинские карты заполняю.

ПРОКОФИЙ. Ну, после второго курса только это и доверяют. У тебя почерк красивый. Как у учительницы, а не как у врача... Уколы хоть доверяют делать?

МАША. Ну да, подкожные инъекции, внутримышечные...

ПРОКОФИЙ. Я, когда зимой практику в «скорой помощи» проходили, там с уколами насобачился...

МАША. Проша, на людях не собачатся...

ПРОКОФИЙ. Так то же больные.

МАША. Ты кровожадный монстр.

ПРОКОФИЙ. Я просто крови не боюсь... Будешь звонить Богдану, привет от меня.

МАША. Надеюсь, дозвонюсь...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Богдан находится в расположении батальона,
с ним — командир отделения Степняк.

БОГДАН. Привет, я — Богдан. Буду служить у вас в отделении.

СТЕПНЯК. Богдан — типа Хмельницкий?

БОГДАН. Богдан — типа Богом данный... Так говорила моя мать.

СТЕПНЯК. Мать? Ты же, кажется, детдомовский. Старшина сказал.

БОГДАН. Не инкубаторский же, не из пробирки... А ты и есть Степняк?

СТЕПНЯК. Он самый.

БОГДАН. Степняк, потому что друг степей?

СТЕПНЯК. Друг и учитель салага. Твой комод — командир отделения. А если я командир отделения, значит ты должен представляться как положено.

БОГДАН. Упс!.. Рядовой Богданов. Представляюсь по случаю назначения на воинскую должность стрелка для дальнейшего прохождения службы.

СТЕПНЯК. Вот так-то правильнее. Ты же сразу на срочке контракт подписал?

БОГДАН. Ну да... Так точно!

СТЕПНЯК. Значит, должен знать, как обращаться к командиру. Понимаешь, что тут не картинки из телека или тик-тока? Всё по-взрослому. Иногда убивают...

БОГДАН. А что так сразу — убивают... Я сюда не за этим пришёл.

СТЕПНЯК. А зачем пришёл? Это, Богдан, война. Или ты — или тебя.

БОГДАН. Командир, ты меня на слабо не бери. Я детдомовский.

СТЕПНЯК. Это ни о чём не говорит. Тут такие крутыши сдувались...

БОГДАН. Я не воздушный шарик. Не сдуюсь.

СТЕПНЯК. Это всё слова. Жизнь покажет. Я думаю, вас за два месяца на полигоне кое-чему научили. Элементарного повторять не буду. Но... копать окопы глубоко и быстро, каску, броник не снимать, автомат держать при себе, следить за небом. Смотреть под ноги. Остальное — по ходу пьесы.

БОГДАН. Товарищ младший сержант, а вы знаете, что такое пьеса?

СТЕПНЯК. Я одно время работал в районном доме культуры электриком. Там народный театр был...

БОГДАН. О как! И что, с настоящими артистами?

СТЕПНЯК. С настоящими, хотя из народа... У каждого своя роль. Выучил — изображай. Как в армии. Типа боевого слаживания. Может, слышал на полигоне?

БОГДАН. Не только слышал... Нас обучал инструктор из главного управления боевой подготовки Минобороны. Из самой Москвы. Чтоб ты знал...

СТЕПНЯК. Забудь, у нас всё по-другому. Завтра разберёмся... Пока можешь час поспать. Не у каждого такая привилегия. Вот твой настил, вот матрац.

БОГДАН. Мне за что привилегии?

СТЕПНЯК. Ты же Богом данный... (*Смеётся*). Просто скоро может не быть такой возможности. Обустраивайся. Быт бойца — это, может, девяносто процентов солдатской жизни. А ты думаешь, что героизмы здесь будешь совершать постоянно?

БОГДАН. Я из себя героя и не строю. Но не из робкого десятка.

СТЕПНЯК. Правильно, не надо изображать героя. Запомни, ты не бессмертный... С кем держать контакт, если что?

БОГДАН. Если что — у меня сестра Маша. Она в медучилище учится.

СТЕПНЯК. Ясно. Значит сестра-медсестра?

БОГДАН. В будущем.

СТЕПНЯК. Про будущее — это в будущем. Сейчас живи настоящим, здесь и сейчас. Завтра может не наступить.

БОГДАН. Опять страшилки, товарищ младший сержант. Будет у нас завтра, так же как есть сегодня и было вчера.

СТЕПНЯК. Не изображай из себя сильно умного. Всё равно не верю...

БОГДАН. А я верю... в себя.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Итальянский наёмник Прокофио и солдат ВСУ Назар осторожно передвигаются по пересечённой местности.

ПРОКОФИО (*Прокофио проваливается в копанку*). О мама мия! Ке куло!... А-а-а... Я, кажется, сломал ногу...

НАЗАР. Я же предупреждал, смотри под ноги! Не пойму, кто здесь из нас наёмник, кто «дикий гусь»*, кто Рембо? Или как там у вас, итальяшек, называется крутой парень?

ПРОКОФИО. Tipo tosto... Назар, давай, спускайся сюда. Обезбол мне надо... И шину наложить. Вас же в Харьковской теробороне учили этому?

НАЗАР. Да, в Харьковской, да, кое-чему учили... Это вас, серых гусей, непонятно чему учили... Только бабки считать...

ПРОКОФИО. Назар, про бабки потом поговорим... Спускайся, тут есть какая-то лестница. Ты меня слышишь?

НАЗАР. Не только тебя слышу... Слышу, что дрон летит. Скорее всего «Мавик». И скорее всего не пустой.

Назар поспешно спускается в шахту-копанку. Делает обезболивающий укол. Жужжание дрона нарастает.

ПРОКОФИО. От этих «птичек» нигде не скрыться. (*Слышится взрыв*).

НАЗАР. Граната взорвалась... По кому это он отработал? По нашим или по русским?

ПРОКОФИО. По-моему, дроноводам всё равно кого мочить.

НАЗАР. Ты даже знаешь, что такое «мочить»? Так хорошо говоришь по-русски, даже подозрительно.

ПРОКОФИО. Всё просто. Я же говорил, у меня дед русский. Прокофий Степанович Кравцов. Был советским военнопленным, содержался в Италии. Город Новара, лагерь N 133. Родом он из-под Харькова. В честь него меня и назвали — Прокофио.

* Крылатое прозвище иностранных военных наёмников, которые воюют в разных странах не из-за политики или родины, а за деньги.

НАЗАР. Да брось фантазировать... Это сказки для русской контрразведки. Я тоже из Харьковской области, но про село такое не слышал.

ПРОКОФИО. Не село, а железнодорожная станция. Если ты не слышал, не значит, что этой станции нет.

НАЗАР. Мне всё равно, станция, станица, столица... Моё дело тебя из серой зоны вывести, получить обещанную сумму, а там кто куда, хоть в Рим, хоть в Крым, хоть на станцию Артёмовку.

ПРОКОФИО. Нет, сейчас только в Рим. Родина предков — потом. Когда эта заваруха уляжется, может и до Артёмовки доберусь. После того как там склад матобеспечения теробороны раздолбили, пока воздержусь. Хотя бабушка моя Аврора просила побывать на родине деда.

НАЗАР. Видно, долго придётся ждать, пока всё утрясётся. Вражды — на десятилетия.

ПРОКОФИО. Посмотрим, если появится возможность. Но лет через пять-десять всё будет восприниматься по-другому... А ты куда потом, когда меня выведешь? Обратно в свой взвод?

НАЗАР. Мы ещё из этой братской могилы не выбрались с твоей сломанной ногой. Пойду, куда кривая выведет. Я, может, и в Италию с тобой рванул бы, да ты же не возмёшь.

ПРОКОФИО. Зачем в Италию? Здесь у тебя жена, дети... Я с твоим взводным договорился, что тебя не будет три-четыре дня. Он прикроет. Свою долю взводный получил, так что будь спокоен.

НАЗАР. Я в курсе, что он своё получил, а вот я не получил. Чувствуешь разницу?

ПРОКОФИО. Я могу тебе сейчас отдать половину наличными. Только куда ты их денешь?

НАЗАР. Ты отдай, а я сам разберусь, куда их деть.

ПРОКОФИО. Сегодня день здесь отсидимся, а ночью надо выдвигаться. У меня нога вспухла. Обезбол что-то не действует. Хорошо, что закрытый перелом.

НАЗАР. Хорошо ещё, что мы возле лесополосы не навалились на мины.

ПРОКОФИО. Молодец, Назар, что заметил.

НАЗАР. Да, под ноги научили смотреть. А то бы было прикольно: итальянец подорвался на итальянской мине, и я вместе с ним.

ПРОКОФИО. Это была не итальянская мина. Только похожа на противопехотную Valsella. Италия тридцать лет такое не производит. Это какая-нибудь банановая республика штампует по лицензии.

НАЗАР. Хоть по лицензии, хоть не по лицензии, нас обоих разобрало бы на запчасти. Биологический материал, так сказать... И никто бы не искал. Ну, пока мы не биологический материал, надо двигаться. Бросить тебя с твоей ногой, Прокофию, я, конечно, не могу. Так что выводить тебя буду, куда кривая выведет...

ПРОКОФИО. Да, погибаться в этой норе не хочется. И в плен не хочется. Домой, домой мне надо, Назар!

НАЗАР. Посмотрим. Как с твоей ногой мы будем передвигаться, не представляю.

ПРОКОФИО. Да, если бы не нога, я бы через два дня был в Одессе, а потом — Bel Paese («бель-паэзе»).

НАЗАР. Что это ты про поэтов? У меня дочка тоже стихи сочиняет... И на русском, и на украинском...

ПРОКОФИО. Нет, бель-паэзе — не про поэтов. Бель-паэзе — прекрасная страна! Так мы называем Италию.

НАЗАР. А... Понятно. А зачем ты из прекрасной страны приехал сюда — в непрекрасную и нестрану?

ПРОКОФИО. А зачем сюда едут все? Заработать... И не только, конечно... Я же тебе говорил, дед мой — русский, родился под Харьковом. Железнодорожная станция Артёмовка. Я хотел повидать родину предков.

НАЗАР. Опять фантазии? Тут война идёт, а ты про родину предков.

ПРОКОФИО. Этого не объяснить. Может, как раз потому, что война...

НАЗАР. Что-то много совпадений. Так не бывает. Я ведь тоже из Харьковской области, говорил же тебе. А ты, видно, на лету придумал про своего деда из-под Харькова?

ПРОКОФИО. Назар, надо родиться на четверть русским, чтобы понять, почему во время войны тянет на родину предков.

НАЗАР. Сказочник! У вас там, в Италии, могут сочинять про Чиполлинов и Буратинов... На четверть русский. Я вот наполовину русский. Мать украинка, отец русский. На Слобожанщине всегда было так... И что с того?

ПРОКОФИО. Думаю, тебе ещё больше.

НАЗАР. Непонятнее. Русские то заходили, то уходили... Народ взбаламутили. Кто-то радовался, что Россия пришла, кто-то залёг на дно. Просто народу что делать, если бежать некуда?

ПРОКОФИО. А ты сам что, радовался или залёг на дно?

НАЗАР. Лежал на дне и радовался... Домик у нас под Волчанском. Жили по-крестьянски. Хозяйство держали. Я на элеваторе работал. Там у нас семечками занимаются.

ПРОКОФИО. А в армию как попал? ТЦК* выловил?

НАЗАР. Нас полсела эвакуировали в Харьков. С работой был напряг. Решил сам пойти в ТЦК, чтоб не бегать зайцем и у семьи не сидеть на шее.

ПРОКОФИО. Но и в армии у вас невеликие деньги платят. Думаю, ты не пожалеешь, что взялся меня сопровождать. Заработаешь нормально.

НАЗАР. Потому и согласился. Так, давай деньги, не тяни. А то вдруг гангрена у тебя случится. А от гангрены, знаешь, и умирают. Я же не буду шарить у тебя после смерти по карманам.

ПРОКОФИО. Если вдруг что, я готов... *(Передаёт пачку долларов Назару)*. Что-то слабо действует обезбол...

НАЗАР. Если болит, значит живой. А обезбол — это как маленькая ходка на тот свет.

ПРОКОФИО. Человек рождается в боли, умирает от боли...

НАЗАР. Философ самодельный...

* Территориальный центр комплектования и социальной поддержки — орган военного управления на Украине, который выполняет функции, аналогичные военкоматам.

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

Располога, Богдан и Степняк.

СТЕПНЯК. Отоспался? Всё, забудь как сон, что было до того. Сегодня вечером выдвигаемся на боевое задание. Готовься. Идёшь в паре со мной.

БОГДАН. Что за задание?

СТЕПНЯК. Задачу поставлю, когда будем ехать к месту высадки. Сейчас упакуйся по полной выкладке. Но ничего лишнего. Сухпаем не увлекайся. Лучше лишнюю бутылку воды возьми и пару магазинов.

БОГДАН. Кажется, всё взял, всё упаковал...

СТЕПНЯК. Напашник почему не одел? Своё мужское достоинство защищать надо. Пригодится.

БОГДАН. А... фартук этот. Лишние килограммы. Мы же ползком будем передвигаться? Не строевым же во весь рост в атаку идти.

СТЕПНЯК. И ползком тоже, и гусиным шагом, и строевым. Как получится. Тут у нас пошёл слух, что из Прибалтики биатлонистки на той стороне появились. Снайперши. Стреляют в пах.

БОГДАН. Да. А здесь женщин не хватает.

СТЕПНЯК. Эти ведьмы сюда за другим приехали... Мой дядька в Чечне воевал. Там действовали «белые колготки», снайперши. Тоже из Прибалтики. Неуловимые сучки. Ну одну изловили, рассказывал дядька. На месте не стали расправляться. Из Ханкалы в Моздок отправили на вертолёте. Но вертушка в Моздоке приземлилась без биатлонистки. Чабаны потом в степи искали белые колготки.

БОГДАН. Но без нормальных женщин бойцу никак.

СТЕПНЯК. Ты ещё малолетка о таком говорить. Вот есть у нас Галя, которая, слава богу, обстирает некоторых разгильдяев, этому надо радоваться. Обстиранный, накормленный, искупанный боец, это уже половина боевой задачи выполнена. Тут, конечно, война, но не только стрелялки и дроны. Располога — это наш дом, временный, но дом.

БОГДАН. Командир, а сам-то дома когда был? В отпуск когда отпускали? По жене скучаешь?

СТЕПНЯК. Один раз был, две недели... По жене скучаю, и по детям... Я же мобилизованный. Младший сын в садике уже марширует строевым. А старший, ему 14 лет, всё в телефоне сидит. Блогером, говорит, буду. Но я вернусь, наставлю на путь истинный.

БОГДАН. Дома, небось, оторвался. Бухла море, баб толпы...

СТЕПНЯК. Бухло — в меру... Я не святой, конечно, но и в хлам не напивался. У нас в селе не принято... Старики за этим следят. Раньше араку разрешалось пить мужчинам после 40 лет или у кого уже родился внук... Сейчас не так, но всё-таки...

БОГДАН. Да ну, брось ты... Что, и с женщинами после 40 лет?

СТЕПНЯК. Ты, Богдан, болтаешь не по делу... Когда к жене возвращаешься через полгода, надо думать, чтоб будущий ребёнок был здоровый. А после бухла всякое может быть... Вон сколько больных детей появляется... А я вернулся, у нас с женой был как бы медовый месяц, будто пятнадцать лет назад. Скоро родит третьего... Сын будет, уже знаю!

БОГДАН. Ну, нормально, три сына.... А здесь сто грамм фронтовых бывает?

СТЕПНЯК. Ты что, пацан, с дуба рухнул? У меня в отделении не бухают и энергетик не хлещут. Потому за полгода ни одного «двухсотого», два «трёхсотых». Ну... и один «пятисотый» был. Таким крутышом казался, но...

БОГДАН. И что этот «пятисотый»? Дрыснул, что ли из окопа?

СТЕПНЯК. Бухнул какой-то самопальной водяры для храбрости и... не вылез из окопа... Сдрейфил. Ну, первый раз... Бывает. Выцепили его сразу же. Шуму не стали поднимать. Никому это не выгодно. Сейчас в ремонтной роте служит. Вроде неплохим мотористом оказался.

БОГДАН. У меня, если что, есть водительские права. Перед армейкой получил.

СТЕПНЯК. На гражданке пригодятся, а здесь у тебя другая задача. Собрался?

БОГДАН. Ну вроде как...

СТЕПНЯК *(проверяет снарягу)*. А это что такое? *(Вынимает из рюкзака энергетик)*.

БОГДАН. Командир, ну зарядиться энергией надо же.

СТЕПНЯК. Сними шлем... *(Богдан снимает. Степняк отweist ошутимую пощёчину, Богдан заваливается на армейские вещи. Хватается за автомат. Степняк наступает ботинком на оружие)*. Остынь, пацан... Это тебе, чтобы статистику мне не портил. Повторяю: у меня в отделении ни одного «двухсотого», два «трёхсотых» и один «пятисотый».

БОГДАН. Командир, ответка от меня будет. Рано или поздно. Мы, детдомовские, всегда отвечаем...

СТЕПНЯК. Конечно, будет ответка. Вот скоро выдвигаемся на боевое задание... Как будем в серой зоне, можешь в спину мне шмальнуть. А можешь сейчас в военную прокуратуру бежать. Но пока возьми антидроновую плащ-накидку, против тепловизоров... *(Степняк уходит)*.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Богдан и Степняк едут в «уазике» на боевое задание.

СТЕПНЯК. Готов?

БОГДАН. Да.

СТЕПНЯК. Довожу до тебя задание, которое нам надо выполнить. Мы с тобой должны доставить по два баула с продуктовыми спецпайками для штурмовиков на передок.

БОГДАН. А на дронах этого нельзя сделать?

СТЕПНЯК. Это задача, поставленная комбатом. Приказ, а приказы не обсуждаются, а выполняются.

БОГДАН. Так отвечать на вопросы легче всего: приказы не обсуждаются, а выполняются.

СТЕПНЯК. Моя жена, воспитательница в детском саде, сказала бы, что я поступил непедагогично, когда отпустил тебе оплеуху. А психолог сказал бы, что на б/з* идти с тобой нельзя.

БОГДАН. Я не детский сад. Я не отказываюсь идти на б/з.

СТЕПНЯК. Ещё б ты отказался! Здесь действительно не детсад. Если я взводному доложу, что ты не готов идти на б/з, он начнёт допытываться «почему?».

* Боевое задание.

БОГДАН. Я и не собирался отказываться. Но за энергетик получить по шее — это зашквар.

СТЕПНЯК. Не собираюсь оправдываться. Но если после энергетика у тебя будет мандраж в руках, если шарахнет давление, если на тебя понос нападёт при выполнении задания? Тьфу, блин, что ты прикажешь с тобой, обделанным, делать? Ты — труп. И выстрелить первым не успеешь, под пулю сам подставишься. Полный отстой...

БОГДАН. От одной баночки такого не бывает.

СТЕПНЯК. Не рассуждай. А то я подумаю, что ты хочешь слиться в «пятисотые».

БОГДАН. Ещё чего!

СТЕПНЯК. Тогда так: повторяю, у тебя появится возможность ответку мне предъявить, когда будем ползти к опорнику на передок. Но лучше выполнить задание и вернуться живым и невредимым в распологу. Потом разберёмся. А пока изучай карту местности.

БОГДАН *(разворачивает карту, всматривается)*. Это что такое?

СТЕПНЯК. Понятно же, лесополоса. А здесь заминированный участок... Дальше наш опорник.

БОГДАН. А здесь?

СТЕПНЯК. За лесопосадкой должна быть шахта-копанка. На карте не помечена. Там могут быть непонятки... За копанкой какой-то хуторок. Там, кажется, местных жителей нет... Укры могут быть. Туда не соваться. Всё, мы приехали, дальше будем продвигаться своим ходом.

БОГДАН. Выгружаемся?

СТЕПНЯК. Да, выгружайся. Забираешь свои баулы. Рацию пока не включать.

БОГДАН. Я пошёл?

СТЕПНЯК. За мной... Перебежками по четыре секунды... Расстояние между нами десять метров. Потом я вправо — ты влево. Пока ещё совсем не стемнело, не теряй меня из виду...

БОГДАН. Понял.

СТЕПНЯК. За посадками ползком. Там почти чистое поле, только кустарники. Где взгорок, в кустарниках должна быть копанка. Обходишь её, и к нашему опорнику.

БОГДАН. Ясно. *(Вслед за Степняком Богдан продвигается перебежками. Слышится звук беспилотника)*.

СТЕПНЯК *(по радиии)*. Богдан, дрон слышишь? В кусты, и присядь...

БОГДАН. Да, слышу и вижу. Понял... Тебя не вижу, где ты, Степняк? *(Нарастающий звук дрона, взрыв. В радиии звук помех)*. Блин, что делать? Так... Через лесополосу, к шахте-копанке, а потом к своим на опорник. А где Степняк? *(Снова включает радию, в эфире только шум)*. Степняк, Степняк, я Богдан... Приём! Молчит. Ладно, радию отключу. А то запеленгуют, черти. Взрыв гранаты был. Степняк молчит. А вдруг он... ранен? А вдруг «двухсотый»? Да, пусть он мне по морде заехал, а я в ответку вытащу его, раненого... Вот! Степняк, конечно, в чём-то прав, но он скотина... Можно было бы со мной по-другому. Ладно, скажут, командира бросил. Где его искать? Что с этими баулами делать? Пока оставлю. Надо замаскировать, потом вернуться... Так, метку поставить... Осмотреть местность *(в бинокль осматривает местность)*. Так, воронку от гранаты вижу... Степняка нет. Не забрал

же его дрон с собой... Надо доползти до воронки. Там будет видно. (Богдан ползёт к месту взрыва). Никого... Ну это уже хорошо. Степняк жив... Вон, кажется, его следы... Баулы со спецпайком ташил волоком. Надо по его следам... Дрон засёк его, но граната мимо полетела. Дрон вернется, это точно... Так, что делать? Искать Степняка? Возвращаться за своими баулами и тащить их к нашим опорникам? Поищу всё-таки Степняка, этого скота... Ну вот его следы обрываются в овраге. Блин, почему на карте местности не было этого оврага? Нет, дальше не по-ползу, тут вообще не видно следов. Назад, в лесополосу. Забрать баулы со спецпайком, добраться до шахты-копанки, а потом — на опорник (ползёт обратно к лесополосе). Включить рацию... «База, база...» Это что-то с моей рацией, блин!.. «Степняк, Степняк... Я не «пятисотый», не подумай...» Молчание.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Богдан крадучись передвигается по местности. Вдруг проваливается в шахту-копанку. Оказавшись на её дне, Богдан сталкивается лицом к лицу с Назаром и Прокофио. Он даёт очередь из автомата над их головами.

БОГДАН (кричит). На пол, руки за голову!.. Изрешечу!..

НАЗАР. Брат, мы сдаёмся... Мы и собирались сдаваться. Видишь, у него перелом.

БОГДАН. Мне по фиг... Отползти от оружия... Так, хромой, встать можешь?

ПРОКОФИО. Нет...

БОГДАН. Эй ты, родственник...

НАЗАР. Кто, я?

БОГДАН. Ну ты назвал меня братом.

НАЗАР. Я Назар...

БОГДАН. Так, Назар-базар... Снял ремень с автомата. Отдал хромому. Так, хромой! Теперь связывай этого базара!

ПРОКОФИО. Я же не могу к нему подойти...

БОГДАН. Так он пуст к тебе подойдёт... Так, базар, руки за спину. Хромой тебя упакует!

НАЗАР. Он не хромой, он итальянец Прокофио.

БОГДАН. Я допросов с вас не снимаю. Кто итальянец, кто американец...

ПРОКОФИО. Я действительно итальянец. Хотел бы сдать русским войскам.

БОГДАН. Русские войска здесь — это я! Только я не верю, что ты итальянец... Strongly хорошо ты по-русски говоришь.

ПРОКОФИО. У меня дед русский, военнопленный... Я рассказывал. Прокофий Степанович Кравцов. Он с моей бабушкой Авророй познакомился...

БОГДАН. Аврора — это крейсер... Кому ты втираешь мозги!

ПРОКОФИО. Аврора — это богиня утренней зари в Древнем Риме... Ну, и русский революционный крейсер тоже «Аврора».

НАЗАР. Прокофио говорит, что его дед из-под Харькова. Я тоже из Харьковской области.

БОГДАН. И что из того? Типа землячки?

НАЗАР. Он хотел побывать на родине предков... Сказочник.

БОГДАН. Эй, итальянец, а у тебя точно дед Прокофий Степанович Кравцов?

ПРОКОФИО. Точно, военнопленный из лагеря N 133.

БОГДАН. Прикольно... У моей сестры Маши друг есть. На фельдшера учится. Прошкой зовут. Ну он тоже Прокофий Степанович Кравцов. Так не бывает!

ПРОКОФИО. Да ты что, не может быть!..

НАЗАР. Нет, может. Кравцов фамилия распространённая. Прокофий, конечно, редкое имя, но... встречается.

ПРОКОФИО. Да, именно Прокофий Кравцов... Я действительно хотел добраться до Харькова. Железнодорожная станция Артёмовка. Но понял, что сейчас это нереально. Сразу разорвал контракт с ВСУ, в боях не участвовал. Решил пробираться в Одессу, а там домой. Вон Назар меня вызвался через серую зону проводить. Потому что на нашем участке стоит заградотряд.

БОГДАН. Это ты расскажешь не здесь, если успеешь. Меня в Моздокском детдоме заставляли учить один стишок, «Итальянец» называется. «Я, убивший тебя под Моздоком, Так мечтал о вулкане далёком!..» Дальше не помню... Мне вас, что ли, тоже пристрелить и двигаться дальше к своим? *(Пускает короткую очередь над головами пленных)*.

НАЗАР *(испуганно)*. Братишка, не стреляй, я тут при чём? Я же не наёмник...

ПРОКОФИО. Я наёмник, но за меня могут отдать 10 пленных русских солдат. А пока ты меня не убил, слушай!

НАЗАР. Ага, сказки рассказать он может. В Италии сказочников полно. Чиполлины, Буратины... Теперь вот Аврору придумал.

БОГДАН. Помолчи, да?

ПРОКОФИО. Так вот. Мой дед Прокофий Кравцов содержался в лагере N 133, город Новара. Недалеко от Милана, слышал про такой?

БОГДАН. Ну да, футбольный клуб «Милан». Кто не слышал? Мы что, такие тёмные?

ПРОКОФИО. Уже в 1943 году король Италии снял Муссолини с должности главы правительства.

НАЗАР. А, это которого за ноги повесили?

БОГДАН. Помолчи, да?

ПРОКОФИО. Его сначала расстреляли, а потом повесили за ноги. Но это было позже, весной 1945 года... А в 1943-м было подписано перемирие между Италией и США с Британией. Потом Италия даже объявила войну Германии. Я к чему всё это... В Италии стало проще с содержанием военнопленных. Они привлекались на принудительные работы за пределами лагеря. В основном на дорожно-каменные... Каждая коммуна запрашивала военнопленных на ремонт или строительство.

БОГДАН. Что, коммунисты нанимали военнопленных? Опять сказки?

ПРОКОФИО. Коммуны — это как ваши сельсоветы... Вот и в село, где жила моя бабушка Аврора, пригнали для дорожных работ русских военнопленных. Моей будущей бабушке тогда было 35 лет, она сидела в старых девах, красавицей не была. Но главное, она очень хромала на одну ногу.

БОГДАН. Ну вот, видишь, я не зря тебя назвал хромым.

ПРОКОФИО. У неё была врождённая хромота. И Прокофий тоже хромал, но по ранению. Его с собой брали на каменные работы

товарищи не для того, чтобы тот камни ворочал со своей увечной ногой. Прокофий был отличным сапожником. Местным жителям он за скромную еду ремонтировал обувь, когда его товарищи тут же работали на ремонте дороги. Еду, естественно, делил со своими. Всех это устраивало.

НАЗАР. У меня тоже дед был сапожником...

БОГДАН. Помолчи, да?

ПРОКОФИО. Моя будущая бабушка Аврора тоже принесла Прокофию для ремонта свою обувку. Он не просто отремонтировал башмаки, а нарастил подошву так, что хромота была совсем незаметной.

НАЗАР. И у них произошла любовь-морковь. Да?

ПРОКОФИО. В этом роде... Прокофий был первым её мужчиной. Аврора же была не красавицей, да ещё хромая, да ещё 35 лет, старая дева... Месяц военнопленные ремонтировали дороги в окрестности села, месяц у них были свидания под разными предлогами. Потом пленных угнали на другой участок. Прокофий и Аврора едва успели попрощаться. Прокофий оставил адрес, честно с самого начала рассказал Авроре про свою семью в Советском Союзе. Жена Мария, дочь Антонина, сын Павел. Железнодорожная станция Артёмовка под Харьковом.

БОГДАН. А она сказала ему, что беременная? Месяц — это же мало...

ПРОКОФИО. Нет, не сказала... Она и сама не почувствовала сразу. Потом, через месяц поняла, что забеременела.

БОГДАН. Я вот думаю. Перед подписанием контракта у меня тоже была любовь-морковь с местной девчонкой. Работала в магазине возле нашей части. Выскакивал я разов несколько в самоволку. Потом два месяца на полигоне. Что-то не писала, не сообщала. Вдруг... Сеструху надо попросить, пусть разузнает.

НАЗАР. Ну её, если что, не выгонят из дома. Наше дело не рожать... Тра-та-та и бежать... У неё таких, как ты, может, целый взвод.

БОГДАН. Помолчи, да? А то и ноги свяжу, обделаешься здесь...

НАЗАР. Молчу, молчу...

БОГДАН. Ну и что дальше? Интересная сказка...

НАЗАР. Итальянцы — они все сказочники: Чиполлины, Буратины...

БОГДАН. Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! Замолчи ты, не зли меня!..

ПРОКОФИО. Сказка невесёлая оказалась... Когда стало всё ясно, отец её, мой прадед, избил свою дочь плетью. Это же позор на всё село — католическая девушка забеременела от советского пленного. Отправил её к своей сестре в пригород Милана. Практически выгнал из дома. Тётушка пристроила Аврору на местный кожзавод... Вы же знаете, что итальянцы лучшие кожевники и обувщики?

БОГДАН. У нас армяне лучшие. Но по кожзаменителю...

ПРОКОФИО. Тётка — строгих правил. Не в восторге была от такой племянницы. Поставили мою будущую бабушку Аврору на самый трудоёмкий и вредный участок. На дубление, ручная работа, да ещё химикаты — сульфат и карбонат натрия. Чтобы выкидись случился, вот так от позора хотели семью избавить. Не получилось... Так и родилась моя мать в мае 1945 года. Вскоре закончилась вой-

на... Назвали девочку Антонитта, почти Антонина, как дочь Прокофия Кравцова. Только вот беда нашей семьи. Девочка, то есть моя будущая мать, тоже родилась с врождённым вывихом бедра. Но красивая! Бабушка Аврора говорила, что копия отец Прокофий. Когда умирала, просила: если родится внук, назовите Прокофию. Вот меня так и назвали.

НАЗАР. А сам твой дед, как он? Что-то знаешь о нём?

ПРОКОФИО. Говорили, что часть пленных сбежала из-под конвоя в леса, примкнула к партизанам-гарибальдийцам. Среди них был и мой будущий дед. Дальше мне ничего не известно.

БОГДАН. Интересный рассказ придумал ты, итальянец...

ПРОКОФИО. Я итальянец, но на четверть русский. И рассказ не придумал, это история нашей семьи.

БОГДАН. Так говоришь, Прокофий Степанович Кравцов? Странно....

ПРОКОФИО. Так и есть.

БОГДАН. У моей сеструхи Маши друг Прошка Кравцов. Прокофий, то есть. Я говорил... И батя его у нас в детдоме водителем на автобусе работает, дядь Стёпа... Тоже, значит, Прокофий Степанович Кравцов? Кино какое-то, так не бывает.

ПРОКОФИО. Да? Интересное совпадение!..

НАЗАР. Итальянцы — они сказочники: Чиполлины, Буратины...

БОГДАН. Помолчи, да? Лучше подумай, как добыть воды. У меня нет ни капли. А у вас есть?

НАЗАР. Нет...

БОГДАН. За копанкой, где мы сидим, в километрах пяти есть какой-то хуторок. Назар, там могут быть ваши. Если я тебя отпущу, ты же сбежишь...

ПРОКОФИО. Я знаю, как сделать, чтобы он вернулся. Назар, оставь деньги, которые я тебе дал.

НАЗАР. А как я тебе отдам, если я связан...

БОГДАН. А я развяжу... Давай. *(Развязывает руки Назару.)*

НАЗАР *(вынимает пачку денег, передает Богдану)*. Давай, на двоих...

БОГДАН. Разберёмся... Так надёжнее. Хотя тоже не гарантия.

НАЗАР. Ну, если меня не грохнут, вернусь с водой. И если её найду...

БОГДАН. Автомат не даю... *(Назар выбирается из копанки по лестнице, ползком удаляется.)* Пароль, когда будешь возвращаться, «Вода».

НАЗАР. Понял... Отзыв какой?

БОГДАН. «Чистая».

НАЗАР. Принято.

ПРОКОФИО. Плохое предчувствие у меня...

БОГДАН. Типа: «Я убил тебя под Моздоком?»

ПРОКОФИО. Вроде этого...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Прокофий и Маша в парке у медучилища.

МАША. Проша, что мне делать? Позвонили из части, где служит Богдан. Сказали, что он не выходит на связь. Позавчера его отравили на боевое задание.

ПРОКОФИЙ. Что делать? Не паниковать, Маша. Сколько, говоришь, он не выходит на связь?

МАША. Уже больше суток... Мы с ним договаривались по выходным связываться, а тут этот звонок.

ПРОКОФИЙ. А кто тебе сообщил, что Богдан пропал?

МАША. Его сослуживец. Вроде как комодом назвался. Позывной Степняк.

ПРОКОФИЙ. Комодом? Что за мебель? Надо позвонить в военкомат, что там скажут.

МАША. Я уже звонила. Мне сказали, что, если более трёх дней боец не выходит на связь, только тогда командир назначает служебное расследование.

ПРОКОФИЙ. Ну вот, видишь. Времени прошло всего ничего, а ты паникуешь. Что ещё в военкомате сказали?

МАША. Сказали, что, когда командир части издаст приказ о признании человека без вести отсутствующим, только тогда извещение придёт в военкомат.

ПРОКОФИЙ. Маша, так давай позвоним этому комоду Степняку.

МАША. Он сказал, чтобы на его телефон не звонили. Это всё равно чужой номер.

ПРОКОФИЙ. А может, это мошенники?

МАША. А может, ЦИПСО*, как мне сказали в военкомате.

ПРОКОФИЙ. Ну ты и словечек нахваталась...

МАША. Это не словечки. Такая служба у Киева есть, психологическая...

ПРОКОФИЙ. Грамотная.

МАША. А ещё один военкоматский сказал мне уже в коридоре, что, если есть возможность, надо ехать прямо в часть.

ПРОКОФИЙ. Легко сказать... У тебя же практика в акушерском пункте, и у меня практика. Да и на чём добираться? И за какие шиши?

МАША. А ты что, со мной бы поехал?

ПРОКОФИЙ. А у тебя есть варианты? Хотя мы пока ещё не едем.

МАША. Может, узнаем, как туда волонтеры добираются?

ПРОКОФИЙ. Там, я знаю, целая канитель. Мы с однокурсником прошлым летом хотели поволонтерить. Типа медбратья.

МАША. И что для этого надо?

ПРОКОФИЙ. Это дохлый номер. Надо подать заявку в волонтерскую организацию. Если пройдёшь отбор, тебя посылают в Ростов на две недели в подготовительный центр. А потом уже к месту волонтерства. Короче, фигня.

МАША. Я у бабульки спрошу, которая возле медучилища пирожки продаёт. Они там в совете ветеранов — в подвале постоянно выпекают галеты и солдатам каждый месяц отправляют. Бывает, пирожки делают...

ПРОКОФИЙ. Ну, если бабушки такие проблемы решают, тогда туши свет.

* Центр информационно-психологических операций — подразделение в составе Сил специальных операций Вооружённых сил Украины (ССО ВСУ), которое специализируется на ведении информационной и психологической войны, кибератаках и распространении пропаганды.

МАША. Дедушки ведь перевелись. То умирают, чтобы проблемы не решать, то забывают, что они дедушки. А про бабушек ты плохо думаешь.

ПРОКОФИЙ. У меня с бабушкой всё нормально, и с бабушкой.

МАША. Везёт же некоторым. И дедушка, и бабушка, и мама-папа.

ПРОКОФИЙ. Ну, так получилось. Полная семья, так сказать. У кого-то должна же быть.

МАША. Проша, если бы я тебя не любила, я бы тебе по-чёрному завидовала и наслала бы карму... Потому что завидую. Я умею порчу наводить, я колдунья!

ПРОКОФИЙ. Ой как страшно... (Смеётся).

МАША. Зря смеёшься. Видишь, глаза у меня зелёные.

ПРОКОФИЙ. Вижу, что у тебя в одном месте играет детство. Тут дело серьёзное, а ты про колдовство.

МАША. А я проверяю, ты меня любишь или нет? Если собираешься ехать, значит любишь.

ПРОКОФИЙ. Маша, я уже тебе сто раз говорил. Да и не едем мы ещё...

МАША. Слушай, Проша, а что тот мужик с онкологией, который рвался на СВО?

ПРОКОФИЙ. Маша, я тебя не пойму: то про мою любовь, то про онкологию у чужого мужика... Он тебе нужен, этот раковый дядька?

МАША. Нет, не нужен. Это я про его карму подумала. За что-то же ему такое наказание послано. Может, судьба такая. И у меня брата за что-то забирают.

ПРОКОФИЙ. Я в карму не верю. Никакой здесь чертовщины нет! А онкология сплошная, потому что в нашем районе повышенный радиационный фон и плохая экология. Вот тебе и сорок процентов онкологии.

МАША. Богдан тоже говорил про радиацию и экологию. Ещё обещал, что после дембеля увезёт нас с мамой туда, где экология нормальная. На берег моря куда-нибудь.

ПРОКОФИЙ. Сейчас берега моря то мазутом залиты, то беспилотниками бомбятся... С Богданом будешь связываться, про экологию и про карму не говори. Передай от меня привет.

МАША. Передам. Надеюсь, будет связь...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Прокофий и Маша общаются по телефону.

Маша в волонтерском центре возле совета ветеранов.

МАША. Проша, привет!

ПРОКОФИЙ. Привет! Что нового? Богдан не выходил на связь?

МАША. Нет, не выходил. Но я с бабушкой говорила, что торгует пирожками возле медучилища.

ПРОКОФИЙ. И что там бабушка нашептала?

МАША. Всё пересказывать не буду. Короче, сегодня загружается КамАЗ возле волонтерского центра. Бабулька из совета ветеранов договорилась, что нас возьмут в машину. Будем вместо гуманитарки...

ПРОКОФИЙ. Ну ты-то лакомый кусочек. Прямо зефир в шоколаде для солдатиков.

МАША. Ты что гадости говоришь? Я серьёзно. Ты готов ехать со мной?

ПРОКОФИЙ. Готов. Я у онколога в поликлинике отпросился. И предкам сказал, что с пацанами в горы на три дня уезжаю. Уже приготовил сменку, рыльно-мыльное...

МАША. Как раз время отпустить бороду, будешь такой брутальный.

ПРОКОФИЙ. Я и так брутальный. Ты с заведующей договори-лась, что уезжаешь?

МАША. Да, договорилась... Опять приставала с расспросами, про брата, про родителей.

ПРОКОФИЙ. А ты что?

МАША. А я так и объяснила, что про брата сейчас ничего не известно. И про родителей ничего не знаю.

ПРОКОФИЙ. А на самом деле?

МАША. На самом деле знаю. Но не скажу. Только не думай, что у меня мать алкоголичка, а отец в тюрьме.

ПРОКОФИЙ. А я и не думаю. У меня свои предки есть, о которых мне надо думать. Представляешь, развестись решили. Кризис среднего возраста, говорят...

МАША. О господи! Вчера была полная, образцовая семья.

ПРОКОФИЙ. Да, думаю, батя перебесится и всё будет нормально.

МАША. Дядь Стёпа, он же такой классный. Его в детдоме все любят.

ПРОКОФИЙ. Вот-вот... Все любят. Ладно, разберутся. Так, Маша! Я взял рюкзак и иду к волонтерскому пункту.

МАША. Я жду.

Прокофий появляется возле совета ветеранов.

ПРОКОФИЙ. Привет, Маша! Вот и я!

МАША. Привет, Прокофий.

ПРОКОФИЙ. Что-то ты по-серьёзному настроена. Не было ничего от Богдана?

МАША. Нет, не было. Потому и по-серьёзному настроена. Пошли к водителю, скажем, что ты тоже со мной.

ПРОКОФИЙ. Да я сам скажу.

МАША. А я пока между гуманитаркой зарежусь.

Прокофий уходит. Маша взбирается под тент КамАЗа.

ПРОКОФИЙ (возвращается). Маша, а ты знаешь, кто у нас водитель в машине? Тот мужик, который с онкологией, который в поликлинике бегал, требовал, чтобы его на СВО отправили...

МАША. Да ну, брось ты.

ПРОКОФИЙ. Я тебе отвечаю! Он сидит в кабине на месте водителя. Подхожу, говорю: мы с Машей едем в сторону Донецка. Гуманитарку сопровождаем. Вам должны были сказать из совета ветеранов. Он говорит, что, мол, подменный водитель. Скоро придёт старший, передаст ему.

МАША. Пойду гляну, что за дядька, такой упёртый...

ПРОКОФИЙ. Сходи, посмотри. Обыкновенный мужик. (Умашивается среди ящиков в гуманитарной.)

МАША (возвращается). Да, обыкновенный мужик, этот раковый дядька. На фанатика не похож.

ПРОКОФИЙ. Странно всё-таки, как он-то умудрился ехать с гуманитаркой? И что он там будет делать?

МАША. Это его проблемы... Нам бы благополучно самим добраться. Старший машины сказал, что за нас не отвечает. Если по дороге ГАИ или военная автоинспекция к нам придерётся, мы должны сказать, что в кузов проникли тайно. Водитель не в курсе.

ПРОКОФИЙ. Понятно... А как ты умудрилась договориться, чтобы нас взяли?

МАША. Я гипнозом обладаю. Я же говорила, что я колдунья!

ПРОКОФИЙ. А если серьёзно?

МАША. Сказала в совете ветеранов одному важному мужику, что брат без вести пропал. Уже месяц нет сведений о нём. Ну, прибавила немного. Тот куда-то позвонил. Мне дали добро, но чтобы не распространялась.

ПРОКОФИЙ. Ты пробовала звонить Богдану?

МАША. Конечно, и в военкомат звонила. Никаких новостей. И comodу этому Степняку, его командиру отделения. Телефон не отвечает.

ПРОКОФИЙ. Через сутки будем на месте, должно что-то проясниться.

МАША. Ну вот, поехали.

У Прокофия звенит телефон.

ПРОКОФИЙ. Привет, отец! Да, батя, я не в горы поехал. А ты откуда знаешь, что в Донбасс? Ну, так надо! Я же не мог Машу одну отправить... Отец, это вопрос решённый. Я уже в дороге. А теперь у меня к тебе просьбы. Пока я не вернусь, не разбегайтесь с мамой. И не говори ей, что я не в горы поехал. А вдруг вообще не вернусь? Не бросай её. Она умрёт без меня и без тебя. Если уйдёшь от матери, считай, у тебя нет сына!

АКТ II

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Копанка. Прокофио лежит со сломанной ногой в шине,

Богдан сидит с автоматом наперевес.

ПРОКОФИО. Пить хочу страшно. Сутки без воды...

БОГДАН. Терпи, я тоже без воды. Назар всё-таки вернётся, я так думаю.

ПРОКОФИО. Может, и не вернется. А может, к своим прибил, может, в плен к вашим попал...

БОГДАН. Тогда бы он сообщил о нас. Нас бы уже нашли. Блин, что мне с тобой делать, итальянец?

ПРОКОФИО. Ты же знаешь: «Я, убивший тебя под Моздоком, так мечтал о вулкане далёком». Застрели меня и мечтай об Италии, о вулканах. *Bel Paese* — красивая страна!

БОГДАН. Нет, об Италии не мечтаю. Что я там буду делать среди чужих? Тем более участник СВО.

ПРОКОФИО. Что делать? Жить на берегу моря с красивой итальянкой. А про СВО всё скоро забудется. Вон, даже Вторую мировую забыли.

БОГДАН. У нас про Победу не забыли. Постоянно празднуют. Бессмертный полк и всё такое. Правда, последнее время у нас в Моздоке отменяют парад. Беспилотники летают.

ПРОКОФИО. Это всё политика. А обыкновенным людям нужно просто спокойно жить. И на берегу моря.

БОГДАН. Сказки про Чиполлино и Буратино, как говорит Назар. У нас в России своих берегов с морями хватает. Пока что они в мазуте и пока беспилотники там. Но берега свои...

ПРОКОФИО. Богдан, оставь меня и уходи к своим. Я всё равно один не выберусь из копанки.

БОГДАН. Может, и уйду... Мне надо ещё спецпайки доставить на опорник. И вернуться в распологу. Меня уже точно в «пятисотые» записали. Есть у нас там один великий младший сержант.

ПРОКОФИО. Чем меньше начальник, тем больше ему хочется командовать.

БОГДАН. А ты откуда знаешь? Ты тоже маленький начальник?

ПРОКОФИО. Я не начальник... Знаю из жизненного опыта. Я простой солдат удача, как говорится. Но почти всё время работал на кожзаводе, пока травму не получил. Перелом ноги, кости хрупкие. И у бабушки Авроры проблемы были с ногами, и у матери моей Антонетты. Я же говорил... Вот и на этот раз подвела меня нога.

БОГДАН. Ну, я тебя сразу хромым обозвал.

ПРОКОФИО. Да... Мать моя долго избавлялась от хромоты. Несколько операций. А хрупкость костей — это наследственное. Но, как мать говорила, лучше хромать, чем сиднем сидеть. Такая русская пословица есть.

БОГДАН. Не слышал пословицу. А она, мать твоя, живая ещё?

ПРОКОФИО. Да, жива... ей за 80 лет. Она родилась как раз, когда война закончилась. От русского военнопленного Прокофия. Это я уже говорил.

БОГДАН. А отец твой?

ПРОКОФИО. Отца не знаю. Мать — одиночка...

БОГДАН. А я про своего знаю, но не скажу. А русский язык ты сам выучил?

ПРОКОФИО. Ну, у меня мать немного говорила по-русски... Тоже сама училась. Раньше, в 1980-е годы, в Милане были кружки русского языка. Я-то сам на четверть русский. Говорил же тебе. Курсы русского языка окончил, занимался самостоятельно... Потом даже немного преподавал русский в частной школе. Но там на уровне: «спасибо», «извините», «сколько стоит». Вот сын у меня по-серьёзному занимается русским языком в университете. Есть отличная перспектива. Россия же никуда не денется из Европы. Её экономика, культура... И Европа не отгородится океаном. Думаю, лет через десяти связи восстановятся. А пока война, пока я — солдат удачи...

БОГДАН. На этот раз, по ходу, солдат неудачи.

ПРОКОФИО. Если Назар вернётся с водой, значит и удача вернётся... Уже не могу терпеть, пить хочу.

БОГДАН. Про теракт в Беслане слышал?

ПРОКОФИО. Да, конечно... В Италии есть даже памятник жертвам теракта. В городе Сардзана, недалеко от Милана. А ты к чему это спрашиваешь?

БОГДАН. Нам в детдоме каждый год 1 сентября рассказывали про этот теракт. Так там три дня заложникам не давали воды. Некоторым приходилось пить свою мочу...

ПРОКОФИО. Мочу?! Ужас, не знал этого... Ну я ещё не до такой степени...

БОГДАН. Значит, надо терпеть. Вот вернётся этот Назар-базар. ПРОКОФИО. Я чувствую, что он ползёт. Слышу.

БОГДАН. Тихо! *(Высовывается из укрытия)*. Да, вроде бы кто-то ползёт.

ПРОКОФИО. Может, Назар?

БОГДАН. Сейчас посмотрим.

ПРОКОФИО. Что там?

НАЗАР *(подползая)*. Вода... Вода...

БОГДАН. Чистая... Если ты не один, стреляю в тебя.

НАЗАР. Один... *(Забирается в копанку)*.

ПРОКОФИО. Ты с водой, Назар?

НАЗАР. Да... Трындец, какая бабка злая... Еле выклянчил...

Говорит, в колодцах вода отравлена. Дала только полторашку.

БОГДАН. Что за бабка?

НАЗАР. Гадюка старая! Одна в хуторе живёт... Как будто я виноват, что её сыновей поубивало... Орёт матом: мне по фигу, что москали, что сепары, что бандеры, всех бы поубивала...

ПРОКОФИО. Дай воды, Назар! А то я уже готов мочу пить...

БОГДАН. Дай ему воды!

НАЗАР. А тебе? Одна полторашка...

БОГДАН. Дай воды итальянцу...

Назар отливает воды в кружку, протягивает Прокофию.

Тот, привстав на локти, жадно пьёт и... через мгновение, скорчившись, падает замертво.

БОГДАН. Э-э-эй!.. Быстрее искусственное дыхание делай ему!

НАЗАР. Не... Чтобы и я траванулся... *(Богдан даёт короткую очередь над головой Назара)*. Не стреляй в меня. Лучше все мои деньги забери. Вот они, под кирпичами...

БОГДАН. Спасай его!!!

НАЗАР. Уже поздно... Глаза закрыть надо итальянцу. Человек всё же.

БОГДАН. Кошмар... Первый раз вижу так близко смерть.

НАЗАР. А я не первый раз. Приходилось помогать вывозить «двухсотых». Сами грузили в машину.

БОГДАН. Говорят, у вас там передвижные крематории работают?

НАЗАР. Много чего говорят... Я не видел, мы своих перевозили в рефрижераторе.

БОГДАН. А мне что с ним делать?.. «Я, убивший тебя под Моздоком, так мечтал о вулкане далёком».

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Прокофий и Маша в кузове грузовика, среди коробок с гуманитаркой.

МАША. Ты с отцом так жёстко разговаривал...

ПРОКОФИЙ. Реально, мать не выдержит, если они разойдутся. У неё сердце больное.

МАША. Но батя твой, дядя Стёпа, такой классный. Его все в детдоме любят. В хорошем смысле.

ПРОКОФИЙ. Вот именно, в хорошем смысле. А какая любовь-морковь в 40 лет? Работай себе спокойно, хозяйством занимайся. У нас же поросята, кролики, птица. Что, это всё будет тянуть больная мать?

МАША. Как ты переживаешь за мать!

ПРОКОФИЙ. А как же! За матерей все переживают. Ты ведь тоже за свою. И Богдан за неё переживает.

МАША. Да, Богдан не только меня после СВО заберёт к морю. Он сказал, что и мать обязательно поселит на берегу. Ей нужен морской воздух.

ПРОКОФИЙ. Тоже болеет?

МАША. Да, она колясочница. Пока в доме престарелых. Но она ещё молодая, 45 лет.

ПРОКОФИЙ. Ничего себе... И почему ты никогда не говоришь об этом? А то всякие уроды думают, что твоя мать и вправду алко-голичка.

МАША. Потому что я не могу забрать её из этого стардома. Сама в общаге медучилища живу. Сам знаешь...

ПРОКОФИЙ. Ясно. Аргумент.

МАША. Может, когда получу квартиру от государства, тогда беру. Или Богдан после СВО увезёт нас всех к морю. Там климат...

ПРОКОФИЙ. Богдан чёткий парень. Если сказал, значит сделает.

МАША. Главное, чтобы всё благополучно было.

ПРОКОФИЙ. А отец? Вы знаете о нём что-то?

МАША. Кое-что... У него своя семья. Мы с Богданом там — не пришей к штанам рукав. Наш батя на СВО с онкологией ради нас точно не поедет.

ПРОКОФИЙ. Интересно, а как этот раковый дядька, который подменным водителем у нас... Как он договорился с вояками, с волонтерами?

МАША. Наверное, тоже, как я, что-то присочинил про себя.

ПРОКОФИЙ. Неужели он едет в ту часть, где Богдан служит? И кто его возьмёт без контракта?

МАША. Это его проблемы. Нам бы Богдана найти.

ПРОКОФИЙ. Я верю, что всё будет хорошо.

У Маши звонит телефон.

МАША. Алё... Да, это Маша. Мы должны зарыться в гуманитарку? Реально? Да, поняла. Если что, скажу — залезли сами. Старший машины не видел, водитель не видел... Понятно. А как там ваш подменный водитель? Просто интересно. На лежаке под матрасом? Ему проше... Хорошо, поняла.

ПРОКОФИЙ. Кто это? Не про Богдана?

МАША. Нет, не про Богдана. Старший машины сказал, что скоро пост ГАИ и ВАИ. Может, будут проверять груз, может не будут. Если нас найдут, военные не отвечают. Мы сами должны выкручиваться.

ПРОКОФИЙ. Понятно...

Маша и Прокофий прячутся между ящиками гуманитарки. Распахивается полог. Слышны голоса. «Да всё в порядке, всё по документам». «Ребята, мы и вам приготовили немного гуманитарки: колбаска, сало, чеснок. У вас тоже ведь служба не мёд». «Вода есть?». «И вода есть, и что-то покрепче.

Как без этого». «Ну, с Богом. Останавливайтесь только на постах».

ПРОКОФИЙ. Кажется, пронесло... Поехали!

МАША. Я чуть со страху не умерла!

ПРОКОФИЙ. Что я с тобой, мёртвой, буду делать? Нет уж... Нам надо Богдана найти.

МАША. Я верю, я чувствую, что Богдан найдётся. Но нам надо ехать к нему. Чтобы быть рядом.

ПРОКОФИЙ. Мы и едем. Хорошо бы волонтерами поближе к части пристроиться. У меня и направление в поликлинику на практику есть с собой. Это документ, это доказательство, что я на четвёртом курсе. Фельдшер без пяти минут.

МАША. А я, дура, без всяких документов. Только паспорт...

ПРОКОФИЙ. У тебя другая задача.

МАША. У меня много задач. И Богдана найти, и маму из стар-дома забрать. Проша, ты, конечно, молодец. Вместе со мной рванул Богдана искать. А если со мной что-то случится, долги мои отдашь?

ПРОКОФИЙ. Какие ещё? Что, кредит взяла?

МАША. Да нет. У той бабульки, что пирожками возле медучилища торгует, десять тысяч заняла.

ПРОКОФИЙ. Ничего с тобой не случится. А долги вместе отдадим. Вот Богдана найдём...

МАША. А вдруг со мной что-то случится?.. Там дроны летают. Проша, а ты меня любишь?

ПРОКОФИЙ. Маша, я тебе сто раз говорил. Что спрашивать, знаешь же!

МАША. Чтобы услышать ещё раз.

ПРОКОФИЙ. Ну если от этого тебе легче, отвечаю. Люблю!

МАША. Не легче, а спокойнее. А я тебя, наверное, нет...

ПРОКОФИЙ. Упс!.. А я вообще-то и не спрашивал тебя, любишь ты меня или нет.

МАША. А я всё равно отвечаю. Не могу в себе и в тебе разобраться. Вот ты любишь меня, а за что? У вас же, пацанов, только одно на уме.

ПРОКОФИЙ. Маша, у тебя или нервяк по полной, или правда крыша поехала. Мы сейчас о чём? О том, что надо Богдана разыскать, или о том, что у всех пацанов на уме?

МАША. Я тебе сказала, что не люблю тебя, а ты так спокойно: «А я и не спрашивал тебя». Значит, тебе всё равно, да?

ПРОКОФИЙ. Нет, не всё равно. Давай вернёмся домой, тогда разберёмся. Всё равно мне или не всё равно. Думай о Богдане. Мысль, говорят, материальна.

МАША. Я вот знаю, что Богдан в самоволке нырял к какой-то там продавщице из магазина возле воинской части. Он мне сам признался, по-взрослому нырял. Намакал, что у меня может быть племянник.

ПРОКОФИЙ. И что?

МАША. И то... Вот мы стараемся Богдана разыскать. А эта свиристелка из магазина и пальцем не пошевелила, а потом выйдет за него замуж.

ПРОКОФИЙ. Маша, ты, кажется, гоняешь по полной.

МАША. Ага, по полной... А потом свиристелка будет жить на берегу моря с Богданом. Это по-честному?

ПРОКОФИЙ. Слушай, Маша, мы даже не знаем эту девчонку. Надо Богдана найти, а его невесты сами найдутся. Да ещё сразу с прицепом.

МАША. Вот дурак ты, Проша! Потому я сомневаюсь: люблю тебя или не люблю.

ПРОКОФИЙ. Только что говорила — не люблю... А приплод, дело житейское. Ваши, детдомовские, вон сплошь матери-одиночки. Не искусственное же оплодотворение у них.

МАША. Вот ты точно дурак.

ПРОКОФИЙ. Я просто взрослый, и медицинское образование имею. И в жизни разбираюсь.

МАША. И что наразбирал?

ПРОКОФИЙ. А то, что в жизни всякие случайности бывают. Может, это и хорошо, что у Богдана может ребёнок появиться. След на Земле.

МАША. Какой ещё след, какие случайности!

ПРОКОФИЙ. Сколько хочешь таких случаев. Вот мой прадед в войну раненым в плен попал. Содержали их в лагерях в Италии. Италия же с нами воевала, знаешь?

МАША. Знаю. Историк в школе говорил, что только три страны не воевали с Советским Союзом: Греция, Швейцария и Югославия.

ПРОКОФИЙ. Ну так вот! Дед попал в плен, угнали их в Италию. Там на принудительных работах использовали. Он с какой-то итальянкой пересекался. Звали её Аврора. Как крейсер! Она потом родила от прадеда дочку. Это уже после войны прабабушка узнала. Письмо из Италии пришло, но прадеду об этом не сказали. Он только перед смертью узнал.

МАША. Прикольно. Типа у тебя родственники в Италии?

ПРОКОФИЙ. Наверно...

МАША. Красивая страна Италия. Но никому не говори, тем более, когда к Богдану приедем. А то иноагентом ещё признают.

ПРОКОФИЙ. Нашла тоже иноагента...

У Маши звонит телефон.

МАША. Да, слушаю. Подъезжаем? Через запасное КПП? Понятно... разгружаем гуманитарку вместе со всеми... Пришлют волонтеров, не солдат? Ясно. Потом вы нас не знаете, мы — вас... А ваш подменный водитель? Просто интересно... Ладно, поняла, что это не моё дело.

ПРОКОФИЙ. Как я понял, приехали на место? Разгружаем гуманитарку все вместе?

МАША. Да, затеряемся в толпе волонтеров, а там будет видно.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Маша и Прокофий разгружают вместе с волонтерами машину с гуманитаркой. Звонок на телефон Маши.

МАША. Да, слушаю... Из военкомата? Ясно. Да, я сестра Богдана. Опрашивают личный состав воинской части, проводят разыскные мероприятия? Понятно. Я уже здесь. А можно попросить? Я тут не одна. Со мной друг Богдана. Ну, страшно было одной. Он в нашем медучилище учится на фельдшера. Прокофий Кравцов. Нормальное имя... Позвоните командиру части, предупредите, что я не одна. Я понимаю, что это не ваша задача. Ну, вы же мне помогаете, спасибо... Хорошо. Скину вам данные Прокофия.

ПРОКОФИЙ. Что там, Маша?

МАША. Из военкомата звонил мужчина. Ну, которой мне посоветовал сразу в часть обращаться. Сообщил, что командир приказал проводить разыскные мероприятия. Я попросила, чтобы он за тебя замолвил слово. Говорит, вопрос не по окладу... Но потом вроде бы согласился.

ПРОКОФИЙ. Я тут тоже кое с кем перетёр ситуацию. Да, тебе надо идти прямо к командиру. Я попробую пристроиться к волонте-

рам. Медики им нужны. Как это официально оформить, пока никто не знает. Но, говорят, были случаи, когда волонтеры сами приезжали и уже на месте что-то решали. Короче, пример есть.

МАША. Сегодня надо перекантоваться у волонтеров. Хоть искупаться, поесть нормально.

ПРОКОФИЙ. Я уже кое с кем договорился. Не фонтан, конечно, но нам два места на стеллажах возле гуманитарки найдутся. Главное, водогрейный котел есть, искупаться можно.

МАША. Теперь можно позвонить маме. Сказать, что добралась нормально. Я и про тебя скажу. Ей так спокойнее. Хотя она всё о моей девичьей чести переживает.

ПРОКОФИЙ. Пусть не переживает, я рядом.

МАША. Ага, запусти козла в капусту.

ПРОКОФИЙ. Слушай, за козла ответку надо держать. Если бы ты не девочкой была, в торец получила бы точно...

Маша говорит по телефону с матерью.

МАША. Тихо... Мам, привет! Всё хорошо. Мы на месте. Со мной Прошка, друг Богдана. Надёжный. Он на фельдшера учится в нашем медучилище. Ты всё строчишь вареники? Нет? Плетёте маскировочные сети? Тоже дело... Ты что, какие фото, мама! У меня кнопочный телефон. Всё, конец связи.

ПРОКОФИЙ. Пошли свои стеллажи обустраивать. Матрацы хотя бы найдутся?

МАША. Ты что, принцесса на горошине?

ПРОКОФИЙ. Маша, ты что? То козлом меня обозвала, то принцессой. Фильтруй базар.

МАША. Шуток не понимаешь? Успокойся ты.

ПРОКОФИЙ. А ты вот такая, спокойная-преспокойная... Как будто Богдана мы уже нашли.

МАША. Я просто верю, что мы его найдём. Что он жив, здоров и даже не ранен.

ПРОКОФИЙ. Я тоже верю! А ты этому Степняку звонила, который тебе первый сообщил?

МАША. Да, пробовала. Вне зоны доступа.

ПРОКОФИЙ. Понятно. Я тоже сейчас отцу позвоню. Как они там, не разбежались ещё? Блин, как дети малые.

МАША. Пошла к нашим стеллажам. Стелить постели.

ПРОКОФИЙ (звонит отцу). Пап, привет! Как вы там? Как у мамы здоровье. Что?... В больнице? Инфаркт? Что значит, на сохранении?... Какой ещё ребёнок? Отец, ты что говоришь? Да, маме 39 лет. Так уже как бы и поздно. В областную больницу забрали? Вот видишь, старородящая. Отец, я не пойму тебя, то вы расходитесь, то детей надумали рожать... Блин, ну вы даёте! Полный трэш. Да нет, я рад, конечно, но матери каково? Уже поздно, это самое? Ну, не знаю... Да, Богдана найдём, я уверен... А вот как вы? Ну предки у меня... Я маме позже позвоню. Пока!..

МАША. Проша, пойдём искупнёмся, потом на ужин нас ждут. Ты что такой озабоченный? С отцом поговорил?

ПРОКОФИЙ. Поговорил...

МАША. Что, всё-таки разводятся? Ну, не они первые, не они последние. Не переживай.

ПРОКОФИЙ. Да не разводятся, а сводятся...

МАША. Как это?

ПРОКОФИЙ. А вот так! Мать в больницу забрали.

МАША. Сердце?

ПРОКОФИЙ. Если бы... Положили сегодня на сохранение. Отец сказал, что больше трёх месяцев! Старородящая, 39 лет. Но для второго ребёнка не критично. Сердце вот только...

МАША. Офигеть!.. Ну у тебя и предки.

ПРОКОФИЙ. Я сам в ауте... А батя довольный. 40 лет, а он хорохорится. Он же сам в семье родился, когда деду было 40 лет. Последыш. Четвёртый ребёнок. Матери эсэмэску напишу. Не знаю, о чём с ней говорить. Неудобняк такой... Не знаю, что и делать.

МАША. Что делать, что делать... Жениться на мне, вот что. Как только найдём Богдана, так поженимся.

ПРОКОФИЙ. Оставь шуточки. Не до этого. Ты тоже фифа ещё та. То любишь меня, то не любишь, то женишься, то не женишься.

МАША. Ты в отказ пошёл? Ну-ну...

ПРОКОФИЙ. Во, теперь угрозы. Ладно, пойдём поужинаем, завтра трудный день!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Степняк вместе с сослуживцами проводит поисковые мероприятия на месте предполагаемого нахождения Богдана.

СТЕПНЯК (*говорит по рации*). База, приём. На связи Степняк. Вышли на след Богдана. Нашли баулы со спецпайком. Замаскированные... Пока оставил на месте. Следы ведут в сторону, где разорвалась граната... Вижу, доползал до оврага, куда я нырнул... На карте нет оврага... Повернул в сторону шахты-копанки... Мы выдвигаемся туда.

«БАЗА» (*по рации Степняку*). На хуторе за копанкой вчера кто-то был. Приходил за водой. Ушёл в сторону копанки. Будьте внимательны.

СТЕПНЯК. Понял. Движемся в сторону копанки. Обзор отличный... Упс!.. База, база, как слышите? У нас картинка такая: из укрытия появляется Богдан с автоматом. За ним какой-то вэсэушник. Без оружия.

«БАЗА» (*по рации*). Принял, высылаю к вам ещё двойку на подмогу.

СТЕПНЯК. Принял. У Богдана, понятно, рация не работает. Она с самого начала не работала... Ближе подползаем... Богдан, это Степняк. Пароль «Сухпай»... Отзовись!

«БАЗА» (*по рации*). Осторожно. Это может быть ловушкой...

Богдан, услышав Степняка, падает и в падении пускает автоматную очередь в его сторону.

СТЕПНЯК. Придурок! Что творишь! Я Степняк! Отзыв говори!

БОГДАН. Не шевелись. Снесу череп.

СТЕПНЯК. Отзыв забыл, что ли?

БОГДАН. Это ответка, ты знаешь за что...

СТЕПНЯК. Ты что, к укропам переметнулся?

БОГДАН. Степняк, ты debil. Я вот пленного взял. Назар, подтверди.

НАЗАР. Да-да! Я сдаюсь, братцы, не стреляйте!.. (*Высовывает на палке белую тряпку*).

СТЕПНЯК. Отзыв говори.

БОГДАН. «Повар». Отзыв на «Сухпай». Дебильный какой-то отзыв.

СТЕПНЯК. Ну, выходите... «Укроп» первый, ты — за ним. Руки вверх.

БОГДАН. С чего это? Я тебе не сдаюсь.

СТЕПНЯК. Хватит корчить из себя супермена. Так положено.

БОГДАН. На положено знаешь что наложено?

СТЕПНЯК. Ты вообще, что ли, поехал кукухой? «Укропа» своего давай выпускай.

БОГДАН. Это мой пленный...

СТЕПНЯК. Хорошо, пусть твой... Выходите.

БОГДАН. Степняк, ну ты понял, что я не «пятисотый»? Рация сразу у меня сдохла...

СТЕПНЯК. Понял-понял. Давай, уходим отсюда быстрее. Стрелкотню развели, блин... Сейчас «птички» прилетят, всем мало не покажется.

БОГДАН. Тут ещё один геморрой... В копанке отравленный наёмник, итальянец. Что с ним делать?

НАЗАР. Я воды с хутора принёс. Бабка там бешеная была. Вода оказалась отравленной. Итальянец выпил и тут же окочурился.

СТЕПНЯК. Пусть лежит, будет мышам на прокорм. Документы его надо взять, что там ещё при нём? Вообще, сейчас базу запрошу.

БОГДАН. Запроси, может что-то ценное. Он русский язык хорошо знал.

СТЕПНЯК. База, база, приём. Богдана нашли. С ним один «укроп» пленный. Есть геморрой: в копанке мёртвый итальянец. Что делать с трупом? Жду распоряжения... Только в темпе! Сейчас «птички» прилетят на стрелкотню...

НАЗАР. Осторожно, там в бутылке вода отравленная. А мне можно попить?

БОГДАН. И я тоже сутки без воды... (*Жадно пьёт воду из фляжки Степняка*).

СТЕПНЯК. База, приём. Забирать труп? Контрразведка сказала? Блин, этим контрикам хорошо указилки давать. А как это сделать? Пусть вторая двойка быстрее подтягивается к нам. Ещё и баулы со спецпайком забрать надо.

БОГДАН. Я баулы заберу, я помню, где их замаскировал...

Бойцы вытаскивают тело итальянца, заворачивают в плащ-палатку, отправляются к месту назначения.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Маша и Прокофий в волонёрской располге.

МАША (*звонит дежурному по части, просит соединить с комбатом*). Товарищ командир, здравствуйте. Это Маша, сестра Богдана. Можно с вами встретиться?

ГОЛОС «ЗА КАДРОМ»: Здравствуй... Нет необходимости. Богдан найден. Жив, здоров. Через час должны быть с группой поиска в расположении части.

МАША. Как? Я так и знала! Ура! А можно с ним встретиться? И его друг Прокофий со мной. Про него должны были из военкомата нашего попросить.

ГОЛОС «ЗА КАДРОМ»: Вот вы настырные... Не в двери, так в окно. То общество инвалидов здесь организуете, то детский сад.

МАША. Мы вообще-то не инвалиды, мы медики. Скоро медучилище окончим. При чём тут общество инвалидов?

ГОЛОС «ЗА КАДРОМ»: Как? А онкобольной, спец по автоэлектрике? Он же с вами приехал? Племянника, говорит, разыскивает.

МАША. Нет. Не с нами. А, ну как бы да... с нами.

ГОЛОС «ЗА КАДРОМ»: Слушайте, вы меня запарили. Врёте как дети. Думаете, у комбата нет других задач, кроме как ваши сопли подтирать и выслушивать вашу брехню? Короче, на КПП будет пропуск на вас и вашего друга. Десять минут общения с Богданом, и чтоб духу вашего здесь не было! Ясно? С ним ещё предстоит служебное расследование.

МАША. Ясно, товарищ командир.

ПРОКОФИЙ. Так это, надо добраться до КПП части. Говорят, километров двадцать. С волонтёрами перетру. Обещали помочь...

МАША. Хорошо, действуй...

Прокофий убегает. Маша спешно собирается.

Прокофий вскорости возвращается.

ПРОКОФИЙ. Ну, блин! Все рады, что Богдан нашёлся. Мотоцикл дают. Вдвоём помчимся! Но потом надо будет отработать в медроте. Перевязка и всё такое...

МАША. Отлично. Я чуть-чуть вкусняшек Богдану взяла. Погнали, Проша!..

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Маша, Прокофий, Богдан, Степняк в распологе батальона.

МАША. Богдашка, братик! Я знала, что ты вернёшься! Ура!

БОГДАН. Сеструха? Ты что, с неба свалилась?

МАША. Ага, прямо с неба!.. Сейчас чуть с мотоцикла не свалилась, так гнали к тебе... Нам 10 минут дали.

СТЕПНЯК. Да, комбат предупредил.

ПРОКОФИЙ. Привет, друган! Ну ты вообще монстр!

БОГДАН. Я просто фартовый! (Смеётся.) А мог быть вон на его месте (показывает на тело мёртвого итальянца).

СТЕПНЯК. А ещё безбашенный. В меня шмалял из автомата.

БОГДАН. Не в тебя, а в твою сторону...

МАША. Кто этот погибший? Твой товарищ?

БОГДАН. Нет, не товарищ. Итальянец, наёмник. Но вообще-то он мне жизнь спас.

ПРОКОФИЙ. Как это?

БОГДАН. Воду выпил вместо меня, а она была отравленной. Подробности как-нибудь потом.

МАША. Ну... Спасибо ему...

БОГДАН. Но самое интересное, что его звали Прокофио... А дел его, русский военнопленный, Прокофий Степанович Кравцов.

ПРОКОФИЙ. Да ну... Бред какой-то... Такого не может быть! Как я и как мой прадед, что ли?

БОГДАН. Он ещё сказал, что его дед родился под Харьковом, железнодорожная станция Артёмовка.

ПРОКОФИЙ. А... Ну вот, видишь... А мы в Моздоке. А вообще-то, я у бати спрошу. Отсюда можно звонить?

СТЕПНЯК. Если кнопочный, можно...

ПРОКОФИЙ. Пап, привет! Как вы там? Как мама? Хорошо? Ну классно! Пап, Богдан нашёлся. Стоит вот передо мной, такой крутыш... Пап, другой вопрос: а ты точно знаешь, где родился твой дедушка, который был в плену в Италии? Почему спрашиваю? Потом объясню. Станция Артёмовка под Харьковом? Ну да, ты мне говорил... Фантастика... А как в Моздоке они оказались? На родину прабабушки переехали? Из-за какого письма? Из Италии пришло? И что? Аврора написала, что родила дочь Антонетту? И решили срочно уехать? Адресат выбыл? М-да-а... Батя... Тут такое возвращается. Вечером расскажу.

БОГДАН. Ты хочешь сказать, что итальянец твой родственник?

ПРОКОФИЙ. Нет, это совпадение...

СТЕПНЯК. Всё, молодёжь, разбежались. Богдана комбат и контрики ждут... Вкусняшки можете оставить. Поделим по-братски.

ПРОКОФИЙ. А что вы с телом итальянца будете делать?

СТЕПНЯК. Пока сказали — в рефрижератор.

БОГДАН. Да, дела... Фантастика какая-то... А ещё прикалывался: «Я, убивший тебя под Моздоком, так мечтал о вулкане далёком».

Занавес.

Пермь — Моздок, 2026 г.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 39

Автор проекта,
редактор-составитель
Художественный редактор
Корректор

В. В. Якушев
С. Э. Неведомская
Н. Н. Семукова

Подписано в печать 22.08.2026. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 163397. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6052610-8-7

9 785605 261087 >

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»:
614000, г. Пермь, ул. Монастырская, 96.
Пермское региональное отделение
общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».
Телефон 8-951-959-61-81.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/3.

ISBN 978-5-6052610-8-7

9 785605 261087 >